

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1947 • ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор член-корр. *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии: *С. Н. Бибиков, С. В. Киселев,*
С. А. Тараканова, А. Л. Монгайт

І. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Н. Я. МАРР

ДРЕВНОСТИ ШИРАКА¹

В церковной архитектуре исследованного района Армении господствует крестообразная форма церкви. Рядом с ней, местами, с XI в. попадаются столпообразные в виде многосторонней башни, как две известные церкви в Ани (церковь Спасителя² и церковь Григория Абугамренц) и одна церковь в Хцонке или Беш-Килисэ (рис. 1). Может быть, и столпообразная форма также восходит к крестообразной, которая при последовательном развитии дала несколько разновидностей.

Главнейших разновидностей, виденных мною, три.

Церковь, крестообразная форма которой не затемнена никакой пристройкой ни снаружи, ни внутри. Это — древнейший тип в обследованном мною крае³ и редчайший. Единственным сравнительно хорошо сохранившимся представителем этого типа является храм в Аламне⁴ с армянской надписью, формы букв, как и формы слов которой (по исправлении на основании подлинника ее изданного текста) находятся в гармонии со временем, указываемым ее содержанием. Сказано: «На двадцать седьмом году

¹ [Извлечение из рукописи доклада, прочитанного Н. Я. Марром в Восточном отделе Русского Археологического общества 22 декабря 1892 г. Отчет о поездке Н. Я. Марра по окрестностям Ани, напечатанный в ОАК за 1892 г., стр. 80—86, является значительно сокращенным текстом предварительного отчета о поездке и о раскопках в Ани, представленного Н. Я. Марром в Археологическую комиссию (ср. архив ИИМК, д. 33, 1892 г.). В настоящей заметке печатается лишь часть доклада, относящаяся к памятникам архитектуры Ширака (по рукописи кабинета Н. Я. Марра ИИМК АН СССР, А. 1940, лл. 7—10, 44—46): часть о раскопках в Ани вошла в подготовленное к печати 2-е издание работы Н. Я. Марра. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища.]

² [Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л., 1934, рис. 14, 213, 214.]

³ [К вопросу о том, какой тип храмов является древнейшим, Н. Я. Марр возвращается в статье «По поводу работы архитектора Т. Тораманяна о древнейших формах Эчмиадзинского храма» (ЗВО, т. XIX, стр. 4, прим. 1), где в связи с мнением Тораманяна, что «крестообразные снаружи церкви оказываются как бы вычурными из четырехугольных в VII в.», Н. Я. Марр пишет: «Лет 16 тому назад я имел случай печатно высказать мнение, едва ли кому-либо кроме меня известное, если не диаметрально противоположное, то во всяком случае значительно отличающееся (ОАК, 1892, стр. 41—42). Из трех разновидностей церковной крестообразной там признается древнейшей. Что «древнейший» тип армянских церковей имел форму креста, без пристроек в углах, подтверждается у меня и наблюдениями 1893 г. (ОАК, стр. 35). Дело будущего, нужно ли отказаться мне от этого мнения или есть возможность примирить мои наблюдения над армянскими храмами вообще с детальным архитектурным над Эчмиадзином анализом такого основательного знатока армянского зодчества, как архитектор Тораманян».]

⁴ [ИАК, вып. 7, табл. XVII.]

благочестивого царя Ираклия, в дни Нерсеа, владельца Ширака и Ашаруни, и Ашарунийского епископа Феофила, я, «иллустр» Григорий, и моя супруга Мария построили святую церковь во [спасение] душ наших». ¹

Следовательно, эта церковь 636 или 637 г. н. э. Каждое крыло крестообразной церкви наружу выступает пятью гранями. Эта форма впоследствии была осложнена снаружи застройками между четырьмя крыльями креста; от пятисторонних крыльев креста застройки оставляли наружу три средних стороны целиком и лишь части двух крайних сторон.

Появление этих застроек вызывалось нараставшими нуждами прихода: умножалась паства, умножалась церковная служба. Храм не вмещал молящихся. Угловые застройки у западного крыла крестообразной церкви сообщались дверью с храмом или, совершенно открываясь с этой стороны, сливались с ним. Угловые же застройки у алтарного крыла крестообразной церкви, сообщаясь не с алтарной частью, а с самим храмом, обращались в приделы, где также служили одновременно со службой в главном алтаре.

Умножение приделов с алтарями вызывалось, впрочем, и другими, не столь благочестивыми соображениями. Нерсес Ламбронский, один из самых рьяных поборников чистоты и правильности церковного служения, энергично восстававший, между прочим, против того, чтобы (пользуясь его выражением) «в церквах вешали *Փշյոյ Հմիտն* (т. е. четки), точно в лавках» («Толкование литургии», стр. 107), умножение приделов приписывал алчности современного духовенства, желавшего располагать в одной церкви большим числом престолов, чтобы, увеличивая количество служб, увеличивать доходность церкви и, вместе с тем, конечно, свой доход. Так Нерсес Ламбронский говорит в «Толковании литургии» (стр. 107—108): «углы наших церквей заняли престолами (по жадности), но не признаем себя алчными; сребролюбец считается алчным, а служащего литургию из-за серебра не осуждают как грешника. Главная церковь в Константинополе удовлетворялась одним престолом».

В этом отношении вместе с духовенством выступали и миряне, вообще молящиеся, выторговывавшие ценой тех или иных вкладов службу и старавшиеся письменным актом укрепить подобную симоническую покупку. В свидетельство подобного явления имеем массу надписей, иссеченных на стенах тех монастырей, которые находили в этом один из источников обогащения. Это не мешает, впрочем, самим надписям быть для нас весьма ценным памятником в тех же отношениях, в каких ценятся вообще надписи, и надо лишь жалеть, что не сохранились существовавшие, однако, купчие на подобные сделки, писанные на бумаге, или, вернее, на пергаменте. В том же «Толковании» Нерсес Ламбронский говорит (стр. 65): «Когда миряне приносят дары (*տոկեմն յղորմութիւն*) церквам с монахами, то они требуют бумаг *թղթի*, [т. е. письменных актов] и просят unbedingt [вставить в бумаге] определенное количество [число] служб сообразно с размерами своих вкладов. Отсюда и происходит, — продолжает ламбронский проповедник, — что приобщение священников таинству из-за числа [служб] расторгается по разным местам [т. е. размещаем их в приделах]; отсюда и выбор недостойных в звание священников [чтобы монастырь мог справляться с большим количеством заказанных служб при большем количестве священнодействующих]».

Число заказов росло не только сообразно с ростом народонаселения, но также, и главным образом, по мере увеличения числа умерших: «Как купец для дохода умножает лавки, — говорит тот же проповедник, — так и мы из-за грехов и усиленного числа (служб) разделили церкви в монастыре на

¹ [Ср. И. А. Орбели. Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи. IV. Надпись 637 г. о построении Аламнской церкви св. Анания, XV, т. II, вып. 1, стр. 131—132.]

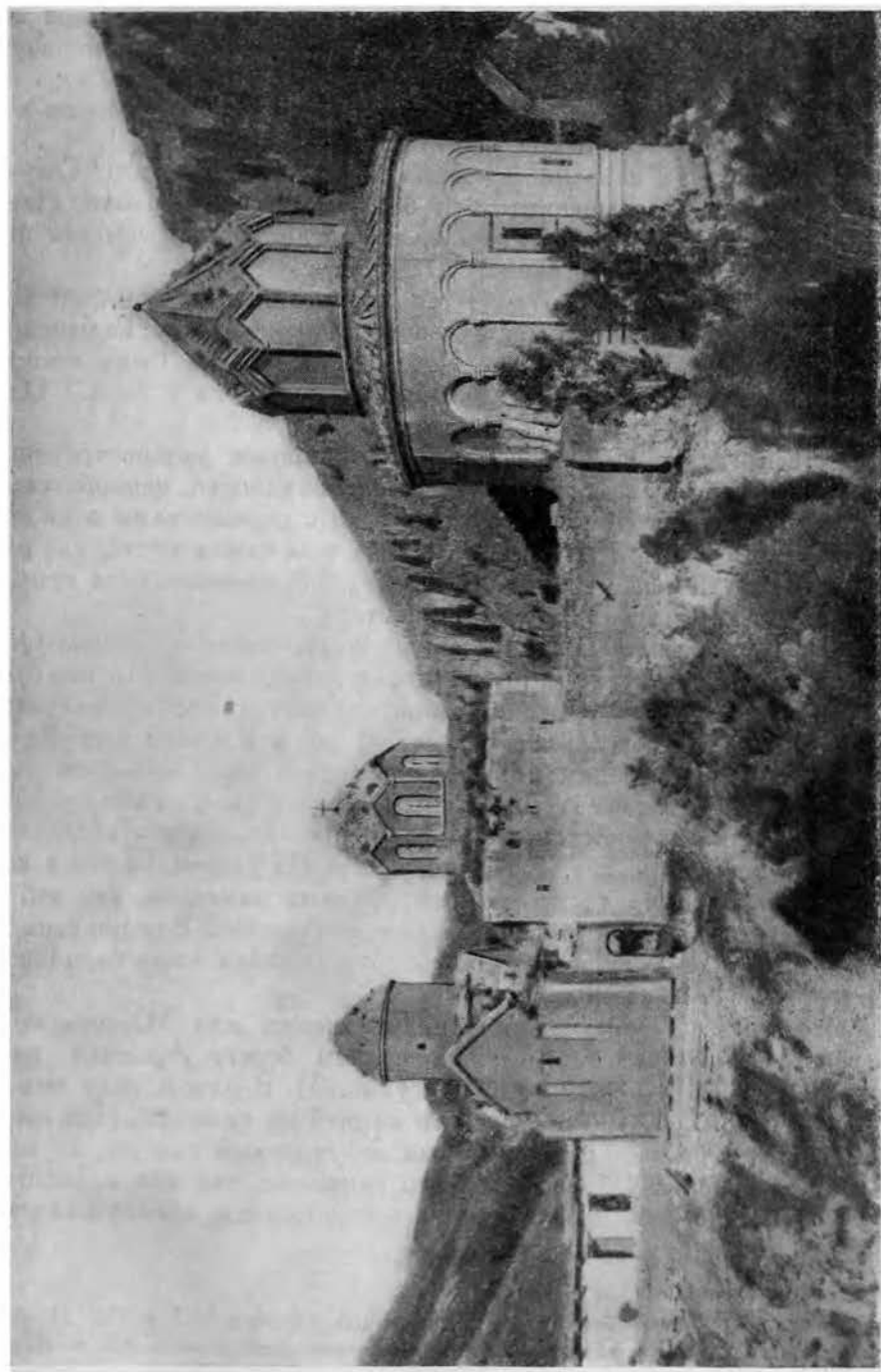

Рис. 1. Армения. Хчонк (Беш-Килисэ). Монастырь

щели (т. е. приделы); не ведаем силы христовых таинств и, потеряв веру в искупление себя, живых, сочли за благо служить обедни лишь по умершим и священства удостоили невежественных, к делу этому непригодных юношей, которым при благоустройстве не выпал бы и удел быть *պիլր* [чтецом]» («Толкование литургии», стр. 71—72).

В Беш-Килисэ и имеем мы редкий экземпляр подобной разновидности: это средняя из трех церквей (рис. 1). Это церковь, очевидно, не заново построенная по шаблонному типу церквей с застройками, а лишь перестроенная из крестообразной, так что первоначальная форма креста пока сохранена, крест все еще равносторонний. Размеры креста этой церкви точь-в-точь совпадают с размерами креста Аламанской церкви.

В этом отношении к названной церкви близка Багаранская.¹ Она также VII в., по надписи, охватывающей как бы поясом всю церковь. Надпись, бывшая не известной до сих пор, составляет предмет одной заметки в готовящемся выпуске «Записок» нашего Отделения.²

От Багаранского собора отличается сравнительным обилием окон и присутствием орнаментированных фальшивых арок Верхне-Талынский собор.³ Собор этот не позже VI в. Поблизости открыты были мною надмогильные плиты с надписями, древними по форме букв и слов.⁴ Одна из них датирована 323 г., т. е. 874 г. н. э.

При третьей главнейшей разновидности, наиболее распространенной в Шираке и имеющей, в свою очередь, свои разновидности, церковь снаружи представляет форму четырехугольника, однако с пережитками в виде двух фальшивых ниш в каждой из четырех стен в том самом месте, где раньше действительно была ниша, и где теперь застройка должна была примкнуть и слиться с тем или другим крылом креста.

Церкви, представляющие эту разновидность, многочисленны. Они по времени начинаются с X в. и продолжают господствовать с некоторыми изменениями, иногда важными, но лишь во внутреннем виде храма, до эпохи полнейшего упадка армянского зодчества в Шираке (до XIV в.).

Впрочем, одно нововведение, вызванное опять-таки желанием сделать храм по возможности более вместительным, обще всем церквам этой разновидности: крест их неравносторонний, удлинена нижняя или западная сторона, а иногда восточная, т. е. алтарная, часть. Но удлинение это в ширакских церквах никогда не достигает несообразных размеров, как это довелось мне видеть в Талыше на южном склоне Алагеза. Эту церковь отличает, кроме того, обилие окон и то, что обрушившийся ныне барабан с куполом поддерживался без колонн.⁵

Обычного типа церкви находим в Гошаванке, или hОромоцванке, в восьми верстах на север от Ани: на правом берегу Арпачая церковь св. Георгия (рис. 2) и церковь Огузлу (рис. 3). В одном углу она грубо возобновлена, что и заметно по пестроте камней на снимках. Над южными дверями находится сильно поврежденный полукруглый камень с изображением какой-то сцены. Обращаю на это внимание, так как подобный камень, но с иным изображением, лучше сохранившимся, обнаружили и рас-

¹ [ИАК, вып. 7, табл. XV.]

² [Н. Я. Марр, Имя Бут или Буд в армянской надписи VII в. Ср. И. А. Орбели. Ук. соч., III. Надпись 631 г. о построении Багаранской церкви, XV, т. II, вып. 1, стр. 126—130.]

³ [ИАК, вып. VII, табл. XX.]

⁴ [Н. Я. Марр. Новые материалы по армянской эпиграфике. ЗВО, т. VIII, стр. 99—101.]

⁵ [Н. Я. Марр. Армянская церковь в Аруче. ИАК, вып. 12, стр. 61—64; ср. И. А. Орбели. Ук. соч., VI. Надпись 670 г. о построении Аручской церкви, XV, т. II, вып. 1, стр. 138—142.]

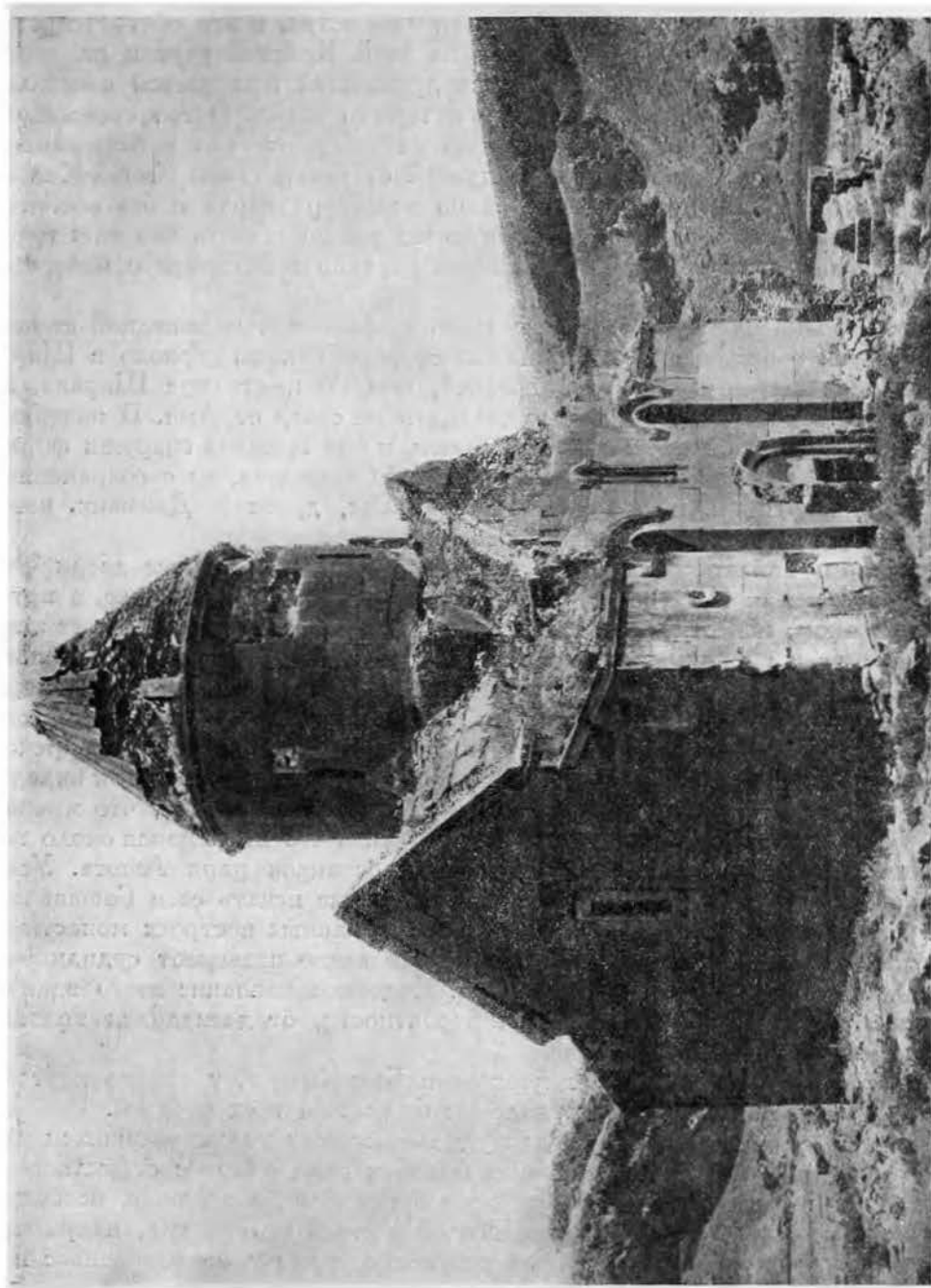

Рис. 2. Армения. Гошаванк (Иоромц). Церковь Георгия

копки в Ани.¹ Церковь в Кизил-Килисэ, верстах в пяти на север от Гошаванка, но по ту сторону, на левом берегу Арпачая, возобновлена в новейшее время, как можно заметить и на фотографическом снимке южной стены со львом также новейшего изваяния (рис. 4).

Кизил-Килисэ, т. е. Красная церковь, называется так от цвета материала, камня красного, собственно кирпичного цвета. Таких Кизил-Килисэ, или по-армянски Кармир-ванк, в Армении множество, и это обстоятельство производит путаницу. Между прочим, на этой Красной церкви на левом берегу Арпачая описателями армянских древностей помещается несколько армянских надписей, которые я долго и тщетно искал. Потом, совершенно случайно, удалось найти в версте лишь на север от Ани в безымянном ущелье на самом берегу Арпачая, с правой стороны, также Кизил-Килисэ с теми надписями. Церковь сравнительно малых размеров и без обычных наружных ниш в стенах (рис. 5). Таковую же разновидность без ниш представляет уединенная от главных развалин церковь в Багнайре с многосторонним барабаном.

Обыкновенно ниши отсутствуют лишь в восточной и западной стенах, но сохранены с боковых, более длинных сторон. Таковы церковь в Ширакване, ныне Шурагеле,— более древней, чем Ани, столице Ширака, на правом берегу Арпачая, верстах в двадцати на север от Ани. В новейшее время развалины этой церкви возобновлены, и она приняла снаружи форму крепости. Древняя конструкция ясно видна.² Обновлена, но с сохранением древней конструкции, и церковь Кармир-ванк, древний Дживанк, известный центр армянской книжной деятельности.

Церковь в Тайларе отличается тем, что имеет лишь южные двери. Эту черту разделяет одна из двух церквей в нижней части Гошаванка, с круглым барабаном, известная, между прочим, тем, что находящаяся у ее юго-восточного угла гробница выдается за надгробный памятник царю Ашоту (рис. 2). Памятник даже снабжен как бы нацарапанной армянской надписью «Ашот царь», но как надпись, так и предание — апокрифического характера. Все это основано на том, что один из членов армянской царской фамилии на западной стене этой церкви начертал размеры и статьи вклада, сделанного им в царскую усыпальницу. Это вовсе не значит, что именно эта церковь служила усыпальницей Багратидов и что имеющаяся около нее единственная могила есть место успокоения останков царя Ашота. Усыпальница могла быть и не в Гошаванке. Если же искать ее в Гошаванке, то за усыпальницу следует признать здание у главных построек монастыря в верхней части Гошаванка, которое обыкновенно называют судилищем, или залом двенадцати советников царя. Подобное название этого здания народного происхождения,— по всей вероятности, от двенадцати колонн, которые можно насчитать в зале.

Все того же типа маленькая церковь в Беш-Килисэ, у самого крутого обрыва Дигорчая, в некотором отдалении от группы трех церквей.

Самым заурядным способом для удовлетворения увеличивавшихся духовных нужд прихода была постройка новой церкви рядом с существовавшей; иногда от этого получалось пестрое оригинальное зрелище, особенно когда каждая новая церковь воздвигалась в иной форме, как, например, в Беш-Килисэ (рис. 1). Иногда же результатом являлось некрасивое нагромождение однообразных церквей, как мы видим это в Багнайре, верстах в семи на запад от Ани, на живописном склоне горы Аладжи (рис. 6).

Другой способ, требующий меньших расходов для расширения собственно места молящихся,— это постройка притворов. При всей красоте самих притворов, они нарушали симметрию и портили общее впечатление. При-

¹ [Н. Я. Марр. Ани, рис. 53.]

² [Там же, рис. 267.]

Рис. 3. Армения. Огузлу. Церковь

Рис. 4. Армения. Кизил-Килисэ (Кармир-ванк). Церковь

Рис. 5. Армения. Кармир-ванк. Церковь

Рис. 6. Армения. Багнайр. Общий вид трех церквей

Рис. 7. Армения. Багнайр. Притвор церкви

Рис. 8. Армения. Гошаванк. Монастырь

твор я видел в Багнайре (рис. 7) и в Гошаванке (рис. 8), где на нем в новейшее время возведена колокольня. Кстати, в Гошаванке я видел одну курьезную шелковую завесу с не совсем подходящими для алтаря рисунками. Она — дар сравнительно недавний (1699 г).

Во всех этих церквах наблюдается сложность кровли: обыкновенно каждое крыло древнейшей части церкви, т. е. ее крестообразного ядра, имеет свою двускатную крышу, а застройки, прилегающие к древней части, имеют один скат — южные на юг, северные на север.

Две маленькие церкви, одна Спасителя в Мрене, другая во имя Богородицы 1218 г., в так называемом на карте и у исследователей, Ервандашате, некупольные, снаружи имеют форму четырехугольника, а кровля у них двускатная. Настоящего названия мнимого Ервандашата не знаем. Он расположен на левом берегу Арпачая, верстах в трех от его впадения в Аракс; имеются там развалины крепости не древней кладки. В гряде камней нашлось несколько вотивных крестов с надписями, которые показывают, что у церкви Богородицы был монастырь и в монастыре том жила братия, по крайней мере до 1499 г.

Закончу этот беглый обзор церквей, подробно описанных в дневнике,¹ Мренским собором, который по конструкции принадлежит позднему типу,² а по надписи построен приблизительно одновременно с простою по форме Аламанской церковью, именно в VII в., в царствование императора Ираклия.³

Формы букв надписи тождественны с формами букв Аламанской надписи и близки к формам букв надписи Багаранского собора, относящейся также к VII в., но бросается в глаза одно обстоятельство: камни, на которых писана эта древняя надпись (к сожалению, дефектная), выделяются из прочих камней. Подобные им темные камни находятся в стенах собора там и сям, но в большинстве случаев материал иной, приближающийся к камню светских анийских построек. Подобный камень находили на левом берегу Арпачая в виду Мрена в Киникинских каменоломнях, весьма богатых камнем темного цвета, и тут стали его добывать, повидимому, после того, как влияние анийской архитектуры сказалось и в выборе материала: в Ани и окрестностях светлый или так называемый красный камень обычен в древних постройках, потому что в ближайших каменоломнях добывается лишь этот сорт камня. Я говорю об этом к тому, что, надо полагать, Мренский собор возобновлялся или перестраивался, и из прежней постройки, не превосходившей величиной, может быть, Аламанскую церковь, были сохранены части материала, сколько их имелось, и древняя надпись.

Мренский собор имеет так же, как и церковь Огузлу, резные изображения на двух полукруглых камнях: один камень с изображением святых помещен над западной дверью, а другой, лучше сохранившийся, с изображением какой-то сцены, над южной дверью.

В развалинах в Мрене нашелся еще другой камень, на котором трудно разобрать изображение (рис. 9).

В Мрене, наконец, оказались сохранившимися двери дворца с армянской надписью XIII в.⁴ Это единственный случай, где имеем дело с памятником армянской архитектуры светского характера, о назначении которого

¹ [В кабинете Н. Я. Марра ИИМК сохранилась лишь часть рукописи дневника поездки Н. Я. Марра (А. 784, А. 1993). В архиве ИИМК имеется копия почти всего дневника работ 1892 г. (утеряна одна тетрадь из шести), однако она дефектна: во многих местах не вписаны армянские тексты.]

² [ИАК, вып. 7, табл. XVI.]

³ И. А. Орбели. Ук. соч., IV. Надпись 639—640 г. о построении Мренского собора. XV, т. II, вып. 1, стр. 132—136.]

⁴ [Н. Я. Марр. Новые материалы по армянской эпиграфике. ЗВО, т. VIII, стр. 81—87. Ср. Н. Я. Марр. Ани, стр. 42. рис. 34.]

Рис. 9. Армения. Мрен. Рельеф с изображением человеческих фигур

свидетельствует надпись. Появление надписи на дворце позволяет предполагать, что любовь армян писать на камне не ограничивалась лишь стенами церквей. Найденная на стенах Мренского дворца надпись представляет интерес и для родословной правивших Шираком князей. Я ограничусь сообщением в переводе содержания надписи: «В 710 году [1261 г. н. э.], когда владычествовал Гулагу-хан, а, Саһмадин, сын Аветика, купил этот Мрен, резиденцию царей, от Арташира, сына Шаһаншаһа, на благоприобретенные мною средства, на пользу себе и детям моим; бог да даст благополучно пользоваться им во век. В 725 г. [1275 г. н. э.], так как не было у парона [парон — специальное название высших администраторов] летнего дворца, то я, Саһмадин, скупил этот цветник и сад, называемый раем, от всех их владельцев, начертил план дворца по своему вкусу, заложил основание и в десять лет окончил. Господь бог да даст благополучно пользоваться дворцом Саһмадину и потомству его. Расход по постройке этого дворца составляет 40 000 дукатов [динариев]».

В большинстве обследованных мною церквей оказались следы фресок: кое-где удавалось вычитать имена святых; в соборе Верхнего Талына из сильно поврежденной надписи рядом с поистершимся изображением св. Геоггия можно было узнать, что рисовал святого какой-то художник Моисей.

Кроме того, не лишним считаю отметить одно обстоятельство: в Багаране нашелся каменный крест с узорами, нарисованный мастером или, как сам автор называет себя, «художником» Хачатуром. На кресте надпись с датой 1287 г., и, против обыкновения, цифры употреблены арабские.¹

---

¹ [Н. Я. Марр. Новые материалы по армянской эпиграфике, стр. 94.]

метов на дне оз. Лача далеко от берега. Несомненно, что во время существования стоянки уровень воды был ниже современного (в настоящее время наибольшая высота стоянки над уровнем озера — около 1,5 м); пространство, представляющее теперь песчаную отмель, составляло часть площади поселения. На основании стратиграфических данных (рис. 10) можно представить, что стоянка, расположенная при устье р. Кинемы, в период изменения климата в сторону увлажнения, с наступлением субатлантического периода, была затоплена. На заболоченном пространстве, покрытом растительностью, начался процесс торфообразования, в результате которого образовался слой торфа, ныне разложившегося, залегающего на высоте

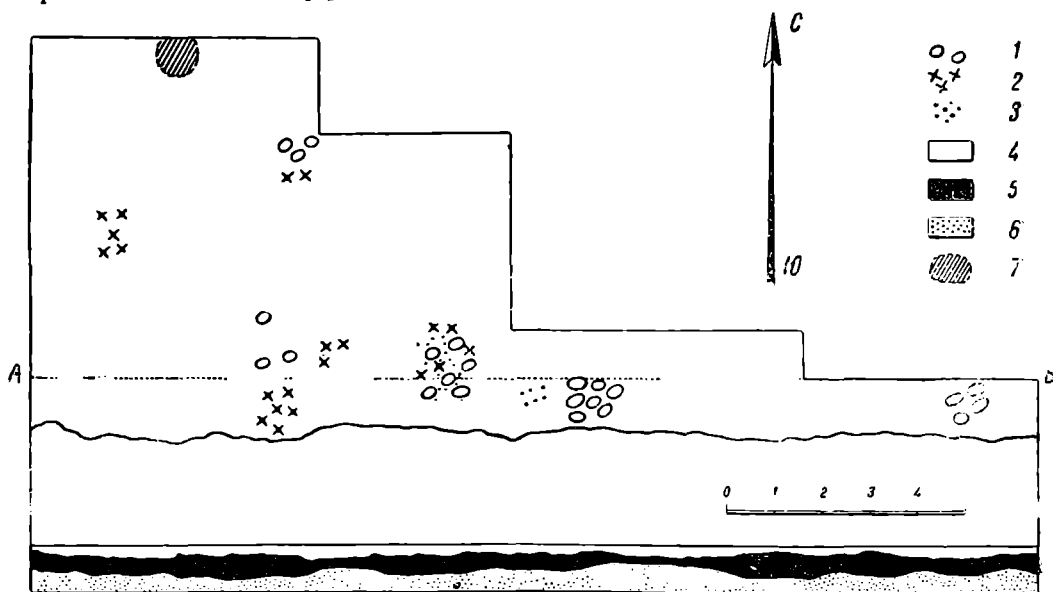

Рис. 10. План и схематический профиль раскопок стоянки у устья р. Кинемы (по линии А—В)

1 — камни; 2 — керамика; 3 — угли; 4 — торфообразный слой; 5 — культурный слой; 6 — песок; 7 — яма

0.5—0.6 м. После спада воды началось высыхание торфа, а затем стоянка стала заноситься песком. Характерная кочковатая поверхность культурного слоя, наблюдаемая также в Кубенине и на других каргопольских стоянках, указывает на то, что после образования торфяного покрова культурный слой размывался лишь у берега, остальная же часть осталась нетронутой. Об этом свидетельствуют сохранившиеся целиком остатки очагов, открытых в двух пунктах, с обожженными камнями, золой, угольками и костями животных. Ни землянок, ни ям для хранения запасов на вскрытой площади не было обнаружено. В результате раскопок (на площади в 90 кв. м) многочисленный подъемный материал получил надлежащее освещение: было установлено, что предметы, найденные на поверхности, тождественны с найденными в культурном слое. Причем следует отметить, что при устье р. Кинемы не было обнаружено других культурных наслоений, поэтому можно заключить о прямой связи подъемного материала с открытым культурным слоем стоянки, т. е. рассматривать подъемный материал и вещи из раскопок как одновременные.

В целом интенсивность культурного слоя стоянки сравнительно слабая. Здесь на площади в 90 кв. м найдено только 86 предметов (не считая керамики), тогда как в Кубенине и в Веретье число находок на 1 кв. м приходилось в среднем от 5 до 10; это позволяет сделать вывод о малой продолжительности существования исследуемой стоянки у устья р. Кинемы.

В инвентаре этой стоянки выделяется многочисленная группа полированных орудий из сланца, отличающихся разнообразием формы. Обращают внимание теслообразные орудия с желобком вдоль лезвия и скребковидным профилем (*kgummeissel*) (рис. 11, 22), найденные также в Финляндии,¹ затем так называемые «русско-карельские топоры» позднего типа (рис. 12) и «южнокарельские» (рис. 11, 23—28), происходящие из Карелии. Последние, притом очень разнообразные, найдены на стоянке у устья р. Кинемы в большом количестве. Значительная часть их имеет плоскую форму и суживается к обушку — это наиболее распространенный тип в позднем неолите. Имеются фрагменты кирок «олонецкого» или «карельского» типа. Интересно изображение птицы (?) из глины, совершенно аналогичное найденному в Карелии на Куштозере.

Наличие подобных предметов в инвентаре стоянки указывает на те связи, которые существовали между Каргопольской и другими, ближайшими ей, культурами, достигшими расцвета в период бытования стоянки при устье р. Кинемы. В то время как в Кубенине вещи, происходящие из Карелии и Финляндии, единичны, здесь можно указать на целый ряд предметов, свидетельствующих об интенсивных сношениях в эту эпоху. Речь идет не только о проникновении вещей, но и заимствовании формы предметов, что легко установить по материалу орудий явно местного происхождения. Упомянутые орудия как в Финляндии, так и в Карелии датируются приблизительно первой половиной II тысячелетия до н. э. К еще более раннему времени относятся топоры с круглым поперечным сечением, обработанные «точечной» ретушью (рис. 11, 21), о чем можно судить по находкам в Олоппе (Швеция), где они датируются концом III тысячелетия.² Подобный тип обнаружен в виде случайной находки в б. Тотемском уезде.³ Среди находок у устья р. Кинемы выделяются каменные молотки с желобком для привязи (рис. 11, 19) и обломок сверленного молотка с пестиковидным обушком (рис. 11, 20). Сверленные молотки найдены были и И. С. Поляковым. Появление подобного рода орудий Эванс не без основания, привлекая многочисленные примеры, рассматривает в связи с возникновением металлургии.⁴ Время их определяется концом III тысячелетия до н. э.⁵ Распространенность сверленных молотков в южных культурах бронзы Восточной Европы подтверждает давно высказанное мнение Эванса. Но бытование их в северной половине Восточной Европы было более продолжительным. В области Каргопольской культуры сверленные молотки, как и упомянутые орудия карельского и финляндского типа, найдены наряду с бронзовым кельтом (рис. 14). По форме кельт близок к меларскому типу, датируемому XI в. до н. э., и к кельту, найденному в Або (Финляндия)⁶, не датированному, как, к сожалению, и вполне аналогичные кельты, найденные в б. Казанской губ.⁷ Следует отметить сходство каргопольского кельта с найденным в Скандинавии (*Dömmesta*), датируемым III периодом бронзовой эпохи.⁵ Исходя из приведенных материалов, каргопольский кельт можно датировать приблизительно последним столетием II тысячелетия до н. э., а в связи с этим древние формы топоров, кирок и прочих

¹ Aikakauskirija, т. XXVIII, Helsinki, 1920, табл. VII.

² M. Ebert, Reallexikon..., т. IX, табл. 231.

³ ЗОРСА, т. VII, вып., 2, стр. 255.

⁴ J. Evans, Les âges de la pierre, Paris, 1878, стр. 223.

⁵ O. Montelius, Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien. Archiv für Anthropologie, т. XXV, Braunschweig, 1898, стр. 455.

⁶ A. Nackhman, Die Bronzezeit Finlands. Тр. X Археол. съезда, т. II, Рига, 1899, стр. 108, рис. 16.

⁷ A. Tallgren, Collection Zaoussailov, т. I, Helsingfors, 1916, табл. X, рис. 45.

⁸ M. Ebert, Ук. соч., табл. 118h.

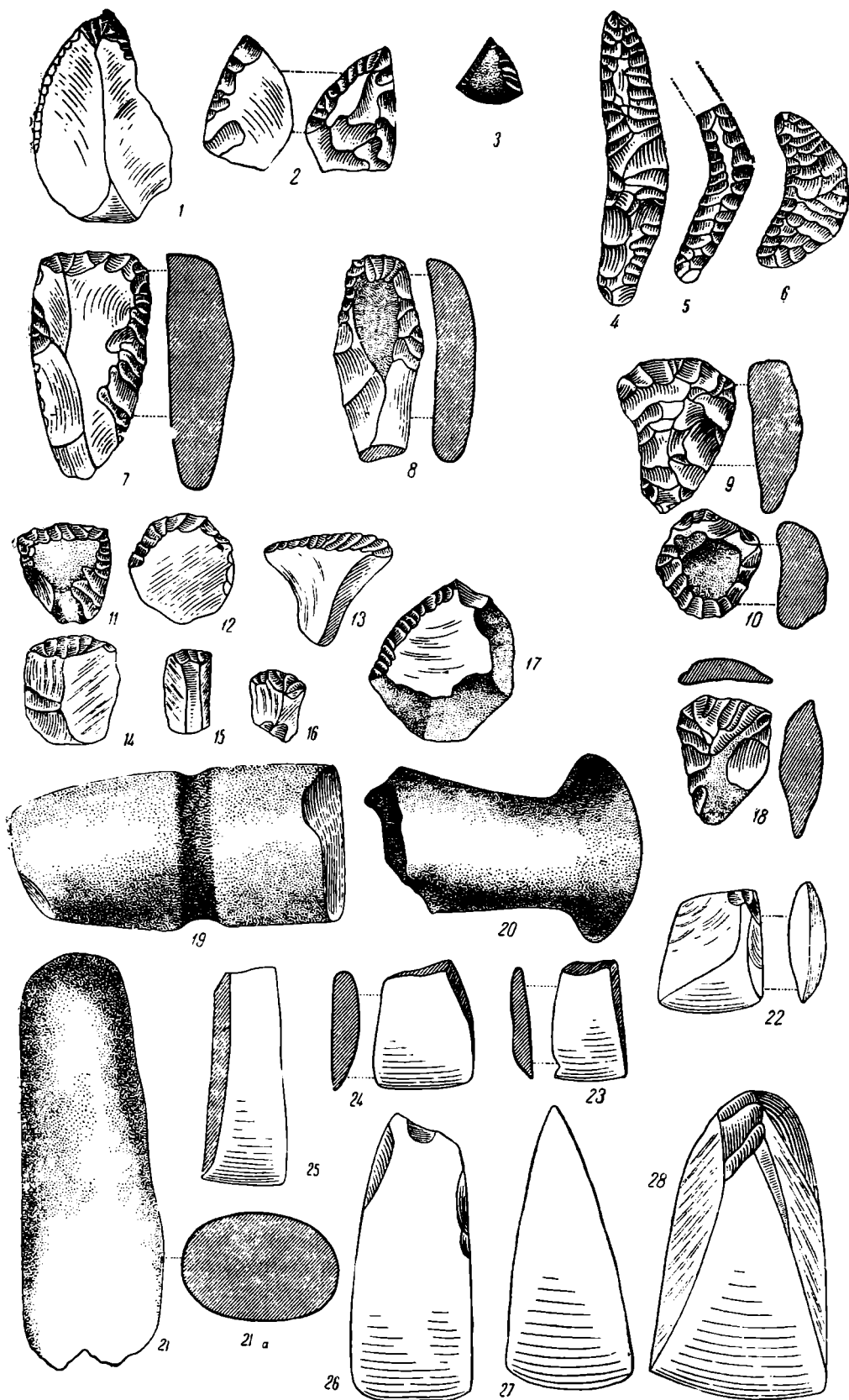

Рис. 11. Из инвентаря стоянки у устья р. Кинемы

1—6—ножи (4—6—серповидного типа); 7—10—скребки из массивных отщепов; 11—17—скребки из пластинчатых осколков; 18—долотовидное орудие; 19—молоток с желобком; 20—фрагмент пестиковидного молотка; 21—топор с круглым сечением; 22—тесло типа *Kvummeissel*; 23—28—тесло южнокарельского типа

орудий следует рассматривать, как пережиточные; это подтверждается и анализом керамики, найденной при устье р. Кинемы, где по сравнению с Кубениным наблюдается развитие поздних элементов, среди которых можно отметить так называемый «сетчатый» орнамент (реставрирован сосуд с округлым дном и широким горлом, но с отчетливо сужающейся шейкой) Каргопольский кельт представляет бракованный экземпляр с обломанной частью втулки и заплывшим ушком, что подтверждает предположение об его местном происхождении. Относительно развития в это время метал-

Рис. 12. Русско-карельский «топор» позднего типа

лургии на Севере имеется уже достаточно данных. На беломорских стоянках найдены фрагменты льячек, тигля (Усть-Яренга)¹ и обломок литейной формы (Дураково),² в Карелии А. Я. Брюсовым открыта литейная мастерская (р. Томица),³ Н. Н. Гуриной на стоянке Оров-Наволоок найден горн и бронзовые изделия.⁴ Эти факты несомненно свидетельствуют о литье бронзы на месте, но, по видимому, металл еще не играл большой роли в быту, так как каменный инвентарь стоянок еще достаточно разнообразен и многочисленен, а техника изготовления стоит еще на большой высоте. Выделка орудий производилась из местных пород камня — сланца, диорита, гранита и кремня.

Значительную часть инвентаря составляли скребки (найдено 210 экз.), среди которых наблюдаются формы, распространенные на стоянках позднего неолита Восточной Европы, из пластинчатых осколков (рис. 11, 11—17) с прямым или округлым лезвием (80 экз.). Довольно большую группу составляют массивные скребки (рис. 11, 7—10), обработанные крутой ретушью, имеющие треугольную, четырехугольную и продолговатую, иногда округлую форму (130 экз.). Скобели представлены сравнительно в небольшом количестве (25 экз.). Имеются режущие орудия нескольких типов: подтреугольной формы, серповидной и др., всего 36 экз. (рис. 11, 1—6). Из новых типов орудий интересно отметить долотовидное. Подобные орудия изготовлены из массивных отщепов,

обработанных с боковых сторон затупляющей ретушью — 4 экз. (рис. 11, 18).

В отношении датировки наиболее интересными являются кремневые наконечники стрел (рис. 13, 1—8). Среди них выделяются листовидные, характерные для позднего неолита Волго-Окского района, «беломорского типа» — ланцетовидные с пильчатой ретушью по краю (рис. 13, 1, 2) или без нее и треугольные с выемкой у основания (рис. 13, 3, 5); появление и распространение последних двух форм знаменует время применения металла. Наконец, отметим очень интересную форму наконечников, редко встречающуюся в северных культурах, — треугольную, вытянутых пропор-

¹ А. Д. Крайнов. Стоянка Усть-Яренга. Сб., посвящ. В. А. Городцову. М., 1928 (литограф. изд.).

² Из собр. Архангельского музея.

А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Тр. ГИМ, вып. IX, М., 1940.

Н. Н. Гурина. Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финскую ССР, 1940 г. КС ИИМК, вып. IX, 1941.

Рис. 13. Из инвентаря стоянки у устья р. Кинемы.
 1-8—наконечники стрел; 9—костяной наконечник стрелы «городищенского» типа;
 10—костяная подвеска

ций с треугольным черешком (рис. 13, 7). Этот тип встречается в Воло-
совской культуре; возможно, что подобная форма была занесена в Кар-

Рис. 14. Бронзовый
кельт

Рис. 16. Роговая пешня
(«мотыжка»)

гопольскую культуру с юга.¹ Дополнением к названным являются костя-
ные наконечники стрел, найденные в виде фрагментов, с треугольным по-
перечным сечением и с черешком — форма, известная по ранним городи-
щам с треугольным черешком (рис. 13, 9). В Каргопольской области по-
добного типа наконечники были обнаружены в Кубенине, где они впервые
появились наряду с древними формами. На стоянке у устья р. Кинемы на-
блюдается их дальнейшее развитие, а полный расцвет приходится на время

¹ В собр. ГИМ. См. волосовскую коллекцию, а также вещи из скорняковских кур-
ганов, где имеется близкий тип наконечников; в Горьковском музее — см. сейминскую
коллекцию; в Саратовском — вещи по зарисовкам О. А. Граковой.

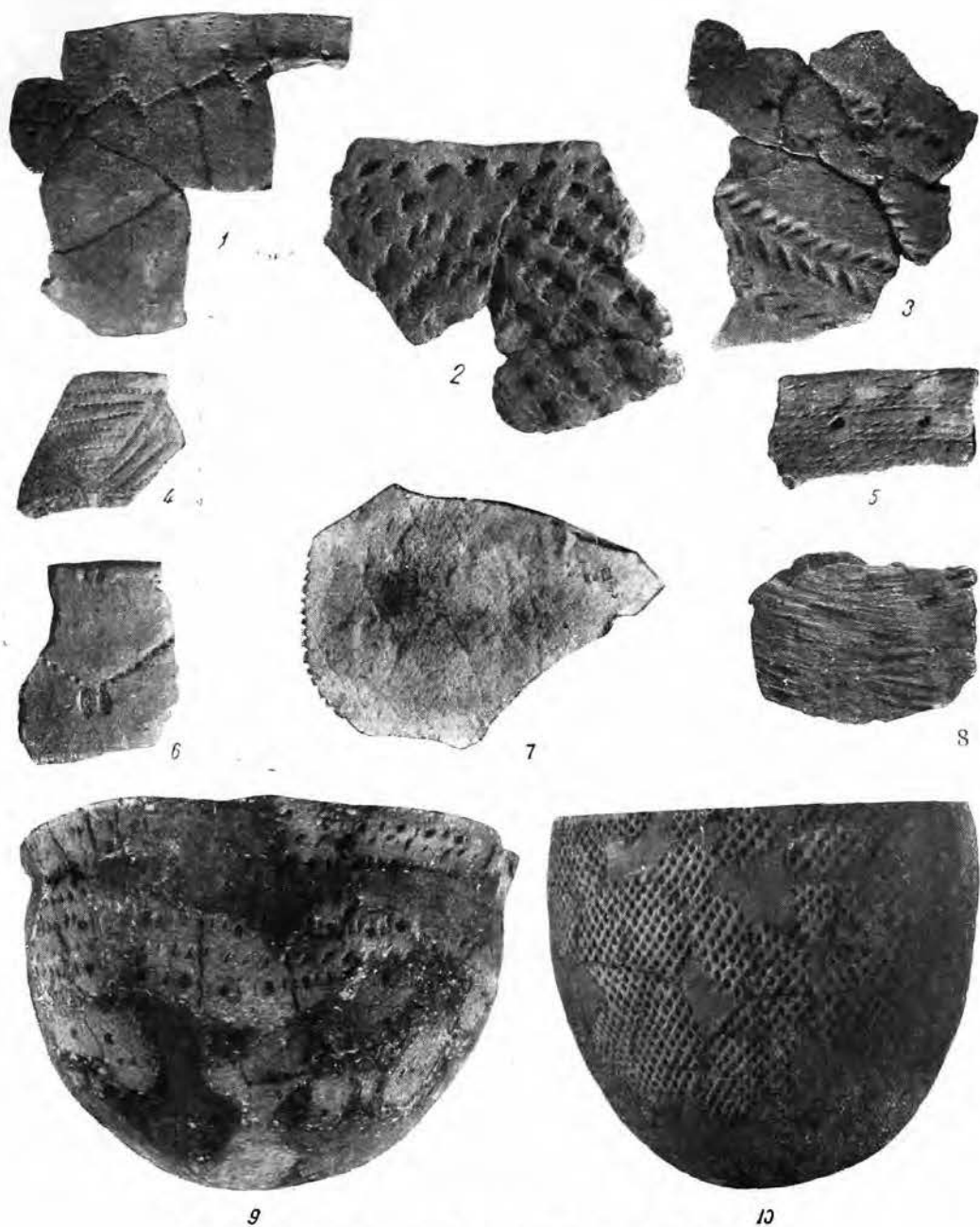

Рис. 15. Из инвентаря стоянки у устья р. Кинемы.
 1—6, 8—фрагменты керамики с орнаментом позднего типа; 7—зубчатый штамп; 9—реконструированный сосуд с сетчатым орнаментом; 10—реконструированный сосуд с ямочным орнаментом.

существования стоянок (например, Верхнее Веретье), синхронных с ранними городищами.

Из единичных находок у устья р. Кинемы следует отметить керамический штамп из сланца, с зубцами по краю (рис. 15, 7), дающими отпечаток, сходный с орнаментом сосудов, а также орудие из рога, близкое по форме к так называемым «мотыжкам» (рис. 16), известным по Шигирской культуре¹ и по торфянику у г. Пернау.² Орудие имеет вид узкого тесла с длинным черешком, иногда идущим под тупым углом, для скрепления с рукоятью; на нем сделано три уступа, из которых последний сильно выдается для упора конца рукояти. Присутствие такого орудия в комплексе типичной охотничье-рыболовческой стоянки как будто указывает на то, что орудие с коленчатой рукоятью могло употребляться не только для обработки земли; возможно и другое определение, которое можно дать, исходя из находок на Аляске, на о-ве св. Лаврентия. Здесь среди предметов, происходящих из раскопок, обнаружены аналогичные орудия, объясняемые Collins³ не без основания, как часть, прикрепляемая к нижнему концу гарпуна, применявшаяся для пробивания льда, т. е. в качестве пешни. Из украшений найдены костяные подвески в виде медальонов (рис. 13, 10), известные по Кубенину,⁴ наконец, заготовки каменного кольца.

Все это сопровождалось керамикой, аналогичной кубенинской, отличающейся преобладанием поздних орнаментов, гребенчатыми неправильной формы ямками и тому подобными элементами. Кроме того, наблюдалось развитие неорнаментированной керамики — гладкой или со штриховкой (рис. 15, 8). По характеру своей керамики стоянка у устья р. Кинемы, в сравнении с Кубенинской и Верхним Веретьем, занимает промежуточное положение (рис. 15, 1—6, 8—10). Из глиняных изделий обращает на себя внимание упомянутый фрагмент изображения птицы (?).

Дату стоянки определяет наличие в инвентаре бронзового кельта, относящегося к последним столетиям II тысячелетия до н. э. и сопровождаемого костяными наконечниками стрел городищенского типа, а также «сетчатой» керамикой. Однако наличие наряду с этим древних форм орудий и древних орнаментов керамики позволяет предположить длительное существование стоянки. Исходя из западноевропейских датировок отмеченных выше орудий древнего типа, пришлось бы допустить существование поселения на протяжении тысячи лет, что невозможно по характеру культурного наслоения и по малой степени его насыщенности, по сравнению с другими стоянками Каргопольской культуры, особенно с Кубениным и Веретьем. Поэтому бытование древних форм орудий в данном случае можно рассматривать как пережиточное явление. По этим соображениям стоянку при устье р. Кинемы можно датировать приблизительно концом II тысячелетия. В связи с этим целый ряд орудий, датировка которых по западноевропейским данным ограничивается концом III — первой половиной II тысячелетия до н. э., представляется в новом освещении: продолжительность их бытования увеличивается и заходит во вторую половину II тысячелетия.

---

¹ П. А. Дмитриев. К вопросу о земледелии в восточно-уральском родовом обществе. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 211.

² E. G. Bliederricht. Neue Funde aus dem Pernaus-flusse. Aikakauskirija, т. XXXIV, Helsinki, 1924, табл. I, 19.

³ Henry B. Collins. Archeology of St. Lawrence Island, Alaska, табл. 29 и 32, стр. 128—129.

⁴ М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. Сов. арх., т. V, 1940.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ПИСАНИЦЫ ОКОЛО ПОСЕЛКА СВИРСКОГО НА АНГАРЕ

В 1936 году Ангарской археологической экспедицией Иркутского музея были обследованы окрестности д. Макарьево и пос. Свирского, находящихся на левом берегу Ангары, ниже Усолья, в том месте, где к Ангаре выходит ветка узкоколейки из г. Черемхово.

Оба поселка расположены на террасах по сторонам устья высохшей речки, вдоль которой проходит железнодорожная Черемховская ветка, а выше их, вдоль Ангары, вплоть до с. Буреть, тянется древняя высокая, (18—20 м) терраса размыва, сложенная в основании из серых известняков. Терраса покрыта лесом и уходит от берега в даль, где сменяется еще более высокими террасовыми уровнями. К Ангаре она круто обрывается и представляет почти сплошную вертикальную стену на протяжении 10 км.

На крайнем, вверх по реке, конце старого поселка Свирского к обрыву примыкает терраса более низкого уровня, около 6 м высотой. Разведкой на ней установлено наличие типичной для байкальского неолита сетчатой керамики.

Несколько дальше вверх по реке, где эта низкая терраса уже исчезает, на отвесной вертикальной плоскости скалистого обрыва (18—20 м) террасы были обнаружены наскальные изображения — писаницы.

Наличие здесь писаниц вполне естественно. Повсюду, в тайге, где вблизи от рек встречаются отвесные плоскости, образованные выходами известняков белого или беловато-серого цвета, можно встретить и писаницы, выполненные краской. Где нет известняков, там, за редкими исключениями, обыкновенно нет и писаниц, нанесенных краской. В особенности часто встречаются они в наиболее живописных местах, поражающих своей величественной красотой, но вместе с тем и легко доступных, у самого подножия скалистых обрывов, увенчанных таежной растительностью.

Расположение писаниц обычно таково, что они выступают на гладком фоне камня совершенно неожиданно, но так, что пройти мимо них почти невозможно. Писаницы всегда обращены к реке.

Так расположены писаницы и у поселка Свирского. Как и в других случаях, древние рисунки были выполнены здесь красной краской — охрой, кровавиком. Они отчетливо и вместе с тем мягко выделяются на матовом беловато-сером фоне скалы. В местах, защищенных от непосредственного воздействия дождя и ветра, краска еще сохраняет темномалиновый цвет и выступает сплошным бархатистым пятном с четкими контурами. В других пунктах, где рисунок отчасти подвергся выветриванию и размыву, он имеет более светлый розоватый цвет. Кое-где рисунки перекрыты сверху беловатым налетом известкового натёка. Вообще же краска крепко ввела в известняк и уничтожить ее выветриванием или размывом не так легко.

Рисунки обнаружены в трех отдельных пунктах, но на близком расстоянии друг от друга. В первом пункте сохранилась только одна человеческая фигура. Человек изображен одноногим, с двумя длинными и тонкими руками, оканчивающимися кружками. Голова точно так же имеет вид кружка. Поперек туловища и рук проходит узкая полоса. Вполне вероятно, что как и в двух описываемых ниже человеческих фигурах, одноноготь объясняется здесь тем, что плечи туловища развернуты в фас, а ноги показаны в профиль, сбоку, т. е. так же, как это было принято в Египте.

На втором рисунке изображены две антропоморфных фигурки небольшого размера. Первая из них, одноногая, имеет широкое и суживающееся книзу туловище с волнообразными контурами. Руки суживаются книзу и кончаются остриями. Так же как и туловище, они волнообразно изогнуты. Голова особо не выделена. На месте головы изображено два рога. Эта фигура, видимо, показана в фас (рис. 17).

Вторая, тоже одноногая, фигура как будто обращена к первой. Она длиннее и тоньше первой, но трактована в основе так же. Туловище плавно суживается книзу и переходит в тонкую длинную и волнистую изогнутую ногу, заканчивающуюся острием. Характерно, что на этой фигурке особо подчеркнуты выступом ягодицы. На голове такие же выступы-рога, как и у первой (рис. 17).

Третий рисунок (рис. 18) состоит из трех фигур. Две основные фигуры представляют антропоморфное существо с рогами и животное, повидимому, медведя. Антропоморфная фигура показана не одноногой, как все остальные, а с двумя ногами, на которых специально обозначены и ступни. Столь же ясно обозначены шея, круглая голова и два массивных рога на ней. Ноги, впрочем, довольно тонкие по сравнению с корпусом, но тем интереснее, что мастер точно передал расширения икр. В целом фигура эта также трактована очень живо и реалистично. Она дана в движении, в напряженной и динамической позе, показана борющейся с животным, в котором нетрудно угадать медведя. Фигура медведя массивная, глыбообразная. Удачно переданы не только неуклюжие очертания медвежьей туши, но и такие характерные детали, как острая морда и широкие округлые уши. Медведь представлен на рисунке сидя. В пасти зверя, повидимому, древко копья, которым поражает его антропоморфная фигура.

Позади медведя находится непонятная по очертаниям фигура небольшого размера. Своим странным изгибом она повторяет позу медведя. По бокам непропорционально большой округлой головы свисают дугообразно

Рис. 17. Писаница у пос. Свирского (на Ангаре) с изображением двух антропоморфных фигур

выгнутые руки или лапы. Возможно, что эта фигура изображает медвежонка. Над антропоморфной фигурой имеется выгнутая узкая полоса.

В целом рисунок должен означать охоту на медведя. Не исключено, что здесь изображена медведица, защищающая медвежонка, который прячется за ней. Оригинальный головной убор в виде рогов означает, вероятно, шамана. Вся же сцена имеет, повидимому, не реальный, а религиозно-магический смысл. Известно, что, по представлениям сибирских племен, болезни, например оспа, принимают вид зверя и в этом виде предстают перед шаманом, который борется с ними, защищая свой род от грозившей ему смертельной опасности. В других случаях сами шаманы или

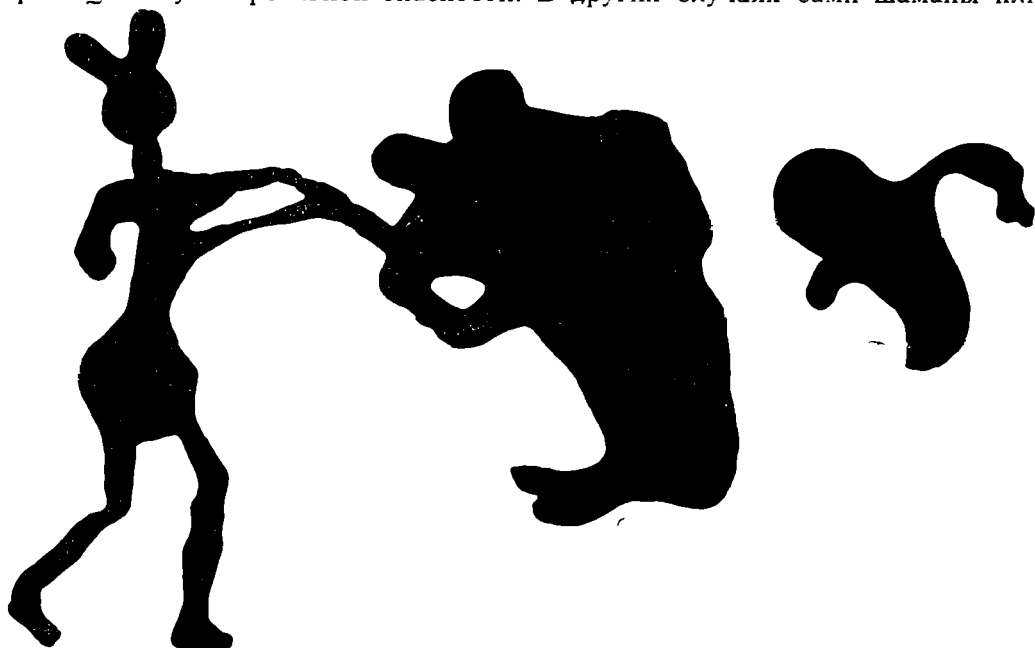

Рис. 18. Писаница у пос. Свирского (на Ангаре) с изображением охоты на медведя

их «мать-звери» (т. е. звери-покровители и двойники) принимают зооморфный облик и в таком виде борются друг с другом. Антропоморфные фигуры на двух других рисунках, увенчанные рогами, также должны изображать шаманов.

В этом отношении писаницы у пос. Свирского сближаются со многими другими наскальными изображениями в долине Ангары и Лены, а также на Байкале, где обычны рогатые антропоморфные фигуры, изображающие шаманов. Последние в одних случаях бывают выполнены такой же краской — охрой, как описанные, в других же — выбиты на гладкой поверхности скал. Однако способ нанесения рисунков, как показывают мои наблюдения на о. Каменном у д. Егоровой на Ангаре, хронологических указаний не дает, так как писаницы выбитые могут оказаться нанесенными поверх нарисованных краской, и наоборот.

Рассматривая все эти наскальные изображения в тайге, в которых особо выдающееся место занимают отмеченные рогатые антропоморфные фигуры, нетрудно увидеть, что самым надежным средством для определения их хронологических и локальных взаимоотношений могут быть не техника нанесения, а стилистические и композиционные черты, позволяющие выделить несколько самостоятельных групп.

По стилю и некоторым частным деталям писаницы у пос. Свирского наиболее близки к байкальским в бухте Ая, особенно в бухте Саган-Заба, выполненным оббивной техникой. Писаницы эти обнаружены М. Н. Хан-

галовым и Н. И. Агапитовым, а позднее тщательно изучены Т. И. Савенковым в 1913 г.¹ Общими чертами для них являются рожки на головах антропоморфных фигур, а также суживающееся книзу и сильно удлиненное тело в виде треугольника, обращенного острием вниз.

Особо следует отметить два изображения: 1) изображение человека с рожками, поднявшегося на дерево (рис. Т. И. Савенкова, IV); эта фигура дана в такой же позе, как одна из двух стилизованных фигурок у пос. Свирского: нижняя часть тела повернута боком, туловище в фас, причем все тело трактовано аналогичным образом; 2) изображение одной из антропоморфных фигур на рис. VI Савенкова, поза которой совершенно сходна с позой человека на рисунке первом из пос. Свирского.

Обе фигуры (на рис. Савенкова, IV и VI) дополнены поперечными линиями, в которых, как это ясно видно на байкальском рисунке, можно видеть палицы или какое-то другое оружие.

Особое место, однако, занимает сцена борьбы шамана с медведем. Жизненностью трактовки отдельных фигур и динамическим характером композиции она резко противостоит всем остальным, обычным для наших писаниц, изображениям и в особенности упомянутым байкальским, где все фигуры даны в условных и одинаковых позах, застывшими, без движения, а композиция исчерпывается простым сопоставлением фигур без единства действия, которое могло бы оживить ее и придать ей характер конкретной сцены. Не исключено, что эта сцена относится к иному времени, чем остальные рисунки из пос. Свирского и байкальские писаницы.

Вопрос о датировке писаниц Прибайкалья, однако, еще так мало разработан, что определенно судить о времени и тех и других затруднительно. Ясно лишь, что к древнейшей группе должны принадлежать некоторые монументальные и строго реалистические изображения лосей на скалах в долине Лены и Ангары, обнаруживающие связь с неолитическим искусством. Нам известны также экспрессивные и даже «манерные» по стилю писаницы, относящиеся к тюркскому периоду истории Прибайкалья, т. е. ко времени около конца I тысячелетия н. э. (особенно типичны из них писаницы у д. Шишкино на Верхней Лене, вновь открытые после И. Миллера в 1929—1930 гг.).

Позднее их по времени бурятские писаницы, вроде имеющих на скалах священной горы манзурских бурят Байтог. «Йэхэ шулун Байтог» — «великий камень Байтог», как обращались к ним шаманы в своих молитвенных призываниях. Эти писаницы отличаются полной беспомощностью в изображении природы, предельным схематизмом, крайней скудостью изобразительных средств и столь же резко выраженной примитивностью техники. Они очень близки к изображениям на бурятских онгонах недавнего прошлого. Судя по этому, байкальские писаницы в бухтах Ая и Саган-Заба должны занять место, всего вероятнее, в пределах скифского времени. Об этом как будто говорит наличие на писаницах Саган-Заба оленя, близко напоминающего своей позой тагарских бронзовых оленьков, а также, может быть, изображения всадников с луком если, конечно, последние не нанесены позднее.

Сцена же борьбы шамана с медведем у пос. Свирского может быть признана более ранней по сравнению с изображениями данной группы и отнесена ко времени, когда реалистическая струя в местном лесном искусстве проявлялась еще с полной силой.

---

¹ Н. И. Агапитов. Прибайкальские древности. Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, т. XII, № 4—5, 1881. П. П. Хороших. Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон). Изв. биол.-геогр. научно-иссл. ин-та при Иркутск. гос. унив., т. I, вып. 1, Иркутск, 1924, стр. 33—35. Рисунки писаниц Т. И. Савенкова хранятся в археологическом отделе Иркутского музея (№ 7350-1).

П. П. ХОРОШИХ

ПИСАНИЦЫ АЛТАЯ

(Предварительное сообщение)

Обширные степные долины рек Алтая были обитаемы с очень древних времен; об этом говорят разнообразные археологические памятники. Особенно богат Алтай памятниками эпохи металла.

В настоящем сообщении приводятся материалы о писаницах Алтая, т. е. о древних рисунках, встречающихся на поверхности скал, на отдельных плитах, камнях, на стенах пещер и на каменных изваяниях.

Помимо личных наблюдений, использованы материалы о писаницах, хранящиеся в Бийском и Ойрот-Туринском музеях, а также материалы из собрания художника Д. И. Кузнецова (Бийск).

Часть писаниц юго-западного и южного Алтая представляет довольно сложные сцены — облавы на зверей. Изображения на скалах у алтайского населения никаким почитанием не пользуются, преданий о них не существует.

О некоторых буквенных надписях (а также и о каменных бабах) существуют легенды. Судя по разнообразию сюжетов и по технике рисования, писаницы принадлежат, повидимому, различным народностям, некогда жившим на Алтае или же проходившим через его обширную территорию.

По способу выполнения писаницы можно разделить на два вида: нарисованные минеральной краской (красного, черного и белого цвета) или высеченные на гладкой поверхности скалы.

Значительная часть фигурных писаниц Алтая относится к числу высеченных. При высекании рисунков древние художники при помощи какого-нибудь острого орудия пробивали верхнюю, более темную корку гладкой поверхности горной породы (известняка, мрамора или сланца) — до уровня, на котором выступает нетронутый, нормальный цвет породы. Поэтому высеченные изображения заметно выделяются на общем, потемневшем от времени, фоне скалы. Высекание рисунков делалось или контурным, или силуэтным способом. Некоторые писаницы просто нацарапаны ножом на гладкой поверхности скал.

Часть писаниц Алтая исполнена очень реалистично: они правдиво передают характерные особенности животных; другие же писаницы исполнены грубо, и часто трудно понять, что хотел на них изобразить древний художник.

Из диких животных на писаницах преобладают: горный козел, горный баран, марал, олень, лось или сохатый; реже встречаются волк, лиса, змея, рыбы. Из домашних животных на писаницах изображены: лошадь, овца, козел, корова, верблюд, собака.

На каменных бабах изредка встречаются высеченные изображения беркута.

Фигуры животных на писаницах изображаются преимущественно сбоку. Изображения человеческих фигур большей частью сделаны очень примитивно, без одежды и без соблюдения пропорций тела.

На Алтае писаницы известны в долинах рек Катунь, Чуи, Чулышмана, Аргута, Чарыша, Урсула, Кочурлы, Убы, Бухтармы и в других местах.

В долине р. Катунь фигурные писаницы известны по среднему течению этой реки, на левом берегу против устья р. Сумульты (правый приток р. Катунь) и ниже устья р. Урсула (левый приток р. Катунь) на скале у горы Кок-Кан. На первой писанице высечены: бегущие горные козлы с длинными саблеобразными рогами,

Рис. 19. Писаница в долине р. Катунь (Алтай)

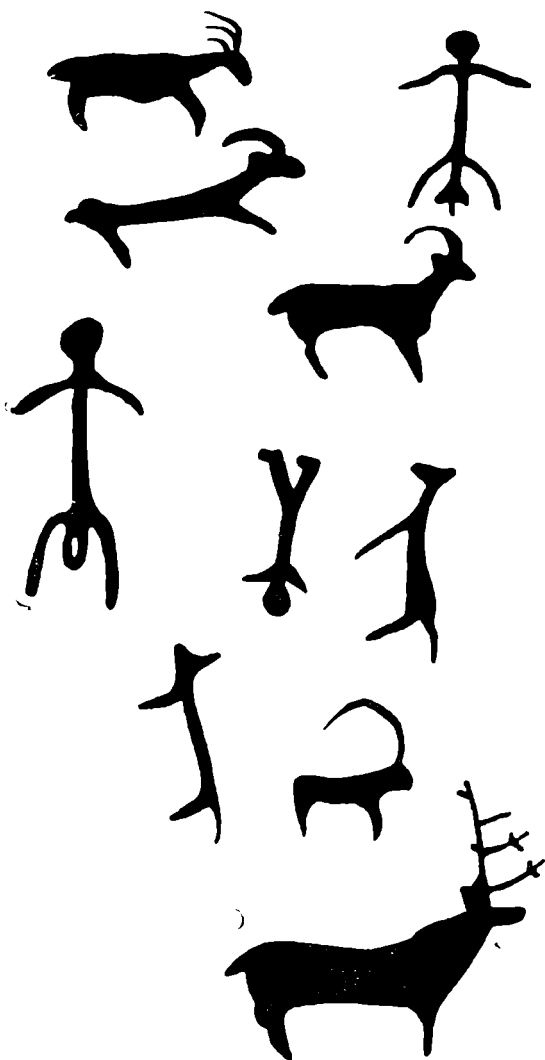

Рис. 20. Писаница у подножья горы Кок-Кан (Алтай)

насторожившаяся дикая коза, пасущаяся овца, домашний козел и неизвестное животное с длинным хвостом (рис. 19).

На второй писанице у подножья горы Кок-Кан высечены: горные козлы — тау-теке, марал, две собаки и три человеческие фигуры без платья, с распростертыми в стороны руками (рис. 20). Корпус людей изображен очень схематично, с неправильной пропорцией отдельных частей тела. Одна небольшая фигура человека высечена вверх ногами: возможно, что древний художник здесь хотел изобразить умершего человека. В верхней части этой писаницы высечена фигура животного с тремя рогами, по-видимому, изображающая оленя или марала с тремя отростками рогов.

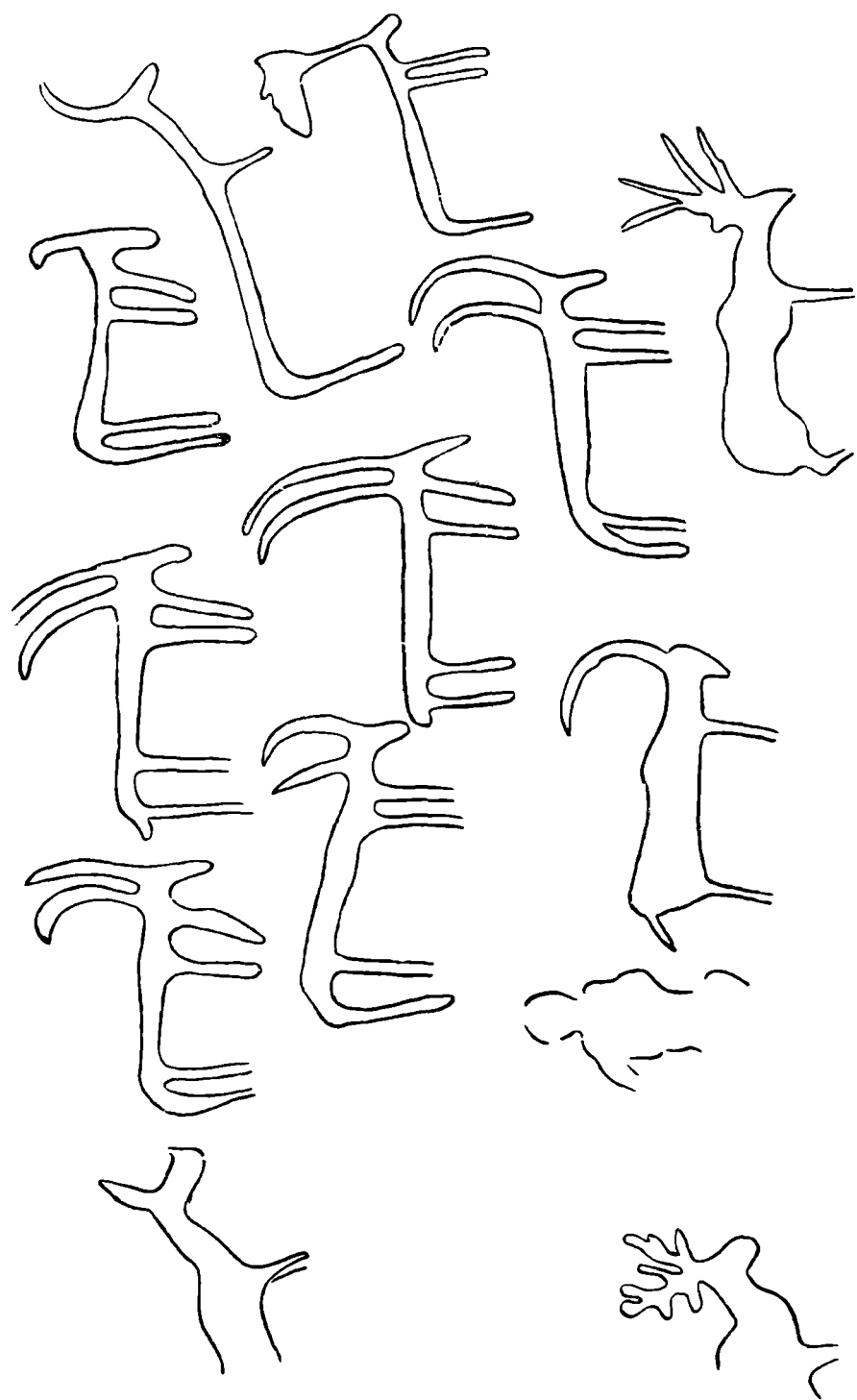

Рис. 21. Писаница на берегу р. Каракола близ пос. Туехты (Алтай)

Подобные изображения встречаются на старинных бубнах алтайских шаманов. Семь алтайских шаманов, олень и марал в старину занимали видное место среди «духов-помощников».

В долине р. Урсула (левый приток р. Катунь) три писаницы были открыты в 1935 г. Г. Арзамасовым. Первая писаница расположена на склоне горы Бош-ту, по левой стороне р. Ело, почти против пос. Ело. На писанице изображены: маралы, лошади, козлы и неизвестные животные с тремя хвостами.

Вторая писаница расположена на скале у перевала Богочи, в 7 км от пос. Ело и в 1 км от колхоза «Дянь-дюль». На писанице высечены различные животные.

Третья писаница находится в 3 км от пос. Ело, вблизи урочища Каярлык, в логу. Здесь на скале в трех местах высечены разнообразные животные.

В. Лизуновым в 1925 г. зарисована писаница, расположенная на левом берегу р. Каракола (правый приток р. Урсула). Писаница находится на выступе скалы, недалеко от пос. Туехты. На ней высечены: горные козлы, маралы, лоси, идущие в одну сторону. Внизу изображена незаконченная фигура человека (рис. 21).

Высекание всех фигур сплошное. В изображении фигур животных видна шаблонность, заметна угловатость фигур.

Изображения различных животных и человеческих фигур известны на скалах и в верховьях р. Каракола. Есть непроверенные сведения о писанице, расположенной на скале вблизи известного водопада Белтыр-Оек, между пос. Каянчи и Куюсом, около правого берега р. Катунь.

В системе р. Чарыша (левый приток р. Оби) писаницы имеются вблизи с. Тюдрала и по р. Ерголу (приток р. Чарыша). Первая писаница расположена на левом берегу р. Чарыша, на скале у с. Тюдрала, около поскотины. На ней высечено 16 фигур, из которых к древним можно отнести 9, а именно: 8 фигур горного козла и марала, изображение змеи. Остальные 7 фигур, в виде собак, человека (мужчины), груженного ящиком животного, горного козла и барана, повидимому, недавнего происхождения (рис. 22, 23, зарисовка И. П. Комарова). Вторая писаница находится вблизи устья р. Ергола. На ней высечена сцена охоты на маралов. Охотник изображен натягивающим лук, вблизи охотника видны две собаки. В другом месте на Ергольской писанице высечено стадо горных козлов с вожакom и собакой. Все изображения высечены на выходах сланцевых пород.

В юго-восточной части Алтая писаницы известны в системе рек Чулышмана, Елонгаша и Аргута.

Чулышманские писаницы расположены на береговых скалах, около

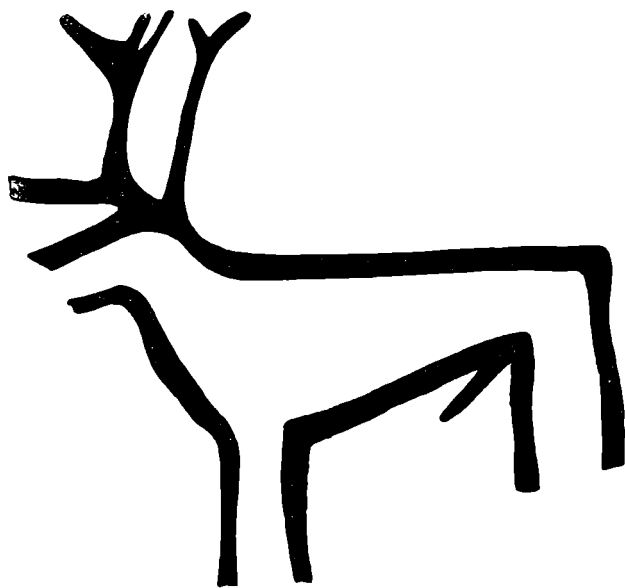

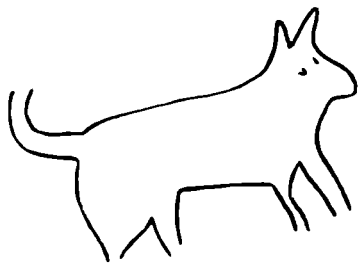
Рис. 22. Писаница на берегу р. Чарыша близ с. Тюдрала (Алтай) с изображением марала

устья р. Куркуре и в 15 км от местности Ел-юзу. На этих писаницах изображены охотники, вооруженные ружьями, подкрадывающиеся к диким зверям.

Елонгашская писаница, по данным М. Брецинского, находится на левом берегу р. Елонгаш (левый приток р. Чуи), в 1.5 км от Елонгашского озера. На писанице высечены различные животные, но какие именно, М. Брецинский не указывает.

В долине р. Аргута (главный правый приток р. Катунь) писаница известна у ущелья Ямалу-бом, расположенного ниже устья р. Карасу (правый приток р. Аргута). Изображения, напоминающие рисунки на старинных алтайских шаманских бубнах, нарисованы на одной из придорожных скал.

Известна писаница на северном склоне Катунских Альп, около устья р. Куйлю, впадающей в р. Кочурлу (правый приток р. Катунь). Писаница была открыта в 1939 г. В. И. Шемелевым. Рисунки высечены на шлифованной поверхности гранитной стены, у небольшой пещерообразной ниши, и изображают фигуры маралов и горных козлов. Последние изображены с чрезмерно длинными рогами (рис. 24 — по схематическим зарисовкам В. И. Шемелева).

В юго-западной части Алтая, по данным А. Новоселова, писаницы сохранились на р. Убе (приток р. Иртыша), на сопках Золотаре и Ревнюхе, вблизи пос. Выдрихи; на писаницах изображены мелкие рисунки всадников.

Значительное количество писаниц сосредоточено на территории б. Усть-Каменогорского уезда. Здесь писаницы известны:

1. 8 км от деревни Солдатовой, где высечены изображения людей и различных животных. Одна фигура человека изображена стоящей на лыжах, вторая стоит на неизвестном животном. Среди животных преобладают маралы и горные козлы. В одном рисунке можно признать изображение верблюда. Рога у многих зарисованы ненатурально.

2. Вблизи ур. Джаксы-Караджан, около бывшей зимовки Назара Башталова.

3. На скале в урочище Джалы-Булак, около зимовки киргиза Тойбулды Куменова.

4. Вблизи урочища Сары-булак (в 8 км от Себинского пикета), на утесах у р. Бердыбайки.

Известна фигурная писаница, сделанная красной краской на береговой дороге над р. Иртышом, выше пристани Гусиной.

На территории б. Зайсанского уезда наиболее интересные писаницы сохранились:

1. В горах Джолы-тау, где на скалах высечены фигуры маралов, архаров, волков, лисиц и стреляющих охотников верхом на лошадях.

2. На скалах, в горах Кызыл-Тас, в горах Долан, в ур. Окпекты, по р. Базарке.

На скале у урочища Келенчик высечена целая сцена. Два человека держат за повод оседланных лошадей: один — одну лошадь и другой —

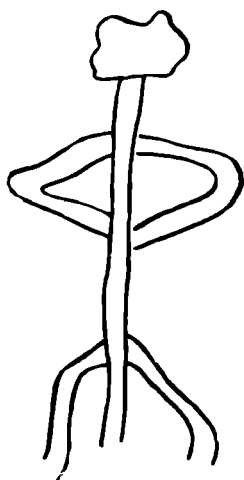

Рис. 23. Писаница на берегу р. Чарыша близ с. Тюдрала (Алтай) с изображением собаки и человека

пять. Людей с лошадьми окружают дикие и домашние животные: два оленя, девять диких коз, пять горных баранов, два волка, одна свинья, один козел, одна собака.

На увале на правой стороне речки Тамырская, в 4 км на юго-восток от б. волостного дома, около давно разрытого кургана, стоит врытый в землю каменный столб высотой до 2 м, на котором высечены изображения в виде кружков и еще каких-то знаков.

На правой стороне р. Куста у дороги в Дургуджук на скале высечены изображения верблюдов, архаров и 20 других животных, изображения которых сильно стерлись. А. В. Адрианов упоминает о писаницах на северной стороне Нарымского хребта близ р. Нарыма, в 2 км от д. Чанататы и на Кара-о. На этих писаницах выбиты фигурки животных — оленей, тау-теке, коров и пр.

Высеченные изображения животных встречаются также на отдельных плитах и на каменных бабах.

В Чуйской степи, на правом берегу р. Чуи, у подножья горы Адыр-кан, недалеко от Чуйского тракта, находится каменный столб, на одной стороне которого высечено очень грубое изображение лица человека, а на другой — рисунок кинжала, беркута и изображение, напоминающее сидящую птицу. Можно предполагать, что здесь изображена ловчая птица, которая древними насельниками Чуйской степи использовалась при охоте на различных мелких пушных зверей. Как известно, в степях Азии охота с ловчими птицами практиковалась еще за несколько столетий до нашей эры. Местное население Чуйской степи и сейчас пользуется беркутами при охоте на пушных зверей (лисица, заяц, корсак).

В долине р. Коксы (левый приток р. Аргута), вблизи степи Самаха, у одной из древних могил находится острый каменный столб с непонятным начертанием. По всей вероятности, рисунок изображает тамгу, т. е. родовой или племенной знак собственности.

По данным Н. М. Ядринцева, в долине р. Иртыша, вблизи Бухтарминска, на скалах встречаются писанные краской знаки, напоминающие бирки — счет чего-то, и около них стрелы. Н. М. Ядринцев указывает, что дулгасы количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считали по зарубкам на дереве (которые могли сохраниться и на камне). Вместо предписания употребляли стрелу с золотым копытцем. Именно такие знаки и сохранились на Иртыше у Бухтарминска.

Исключительный интерес представляет резной рисунок на небольшом валуне (размер 0.4 м) из буро-зеленоватого песчаника, найденном в 1924 г. Алтайской экспедицией в древней могиле у пос. Кудырга на р. Чулышмане. На широкой грани валуна находится стилизованное изображение

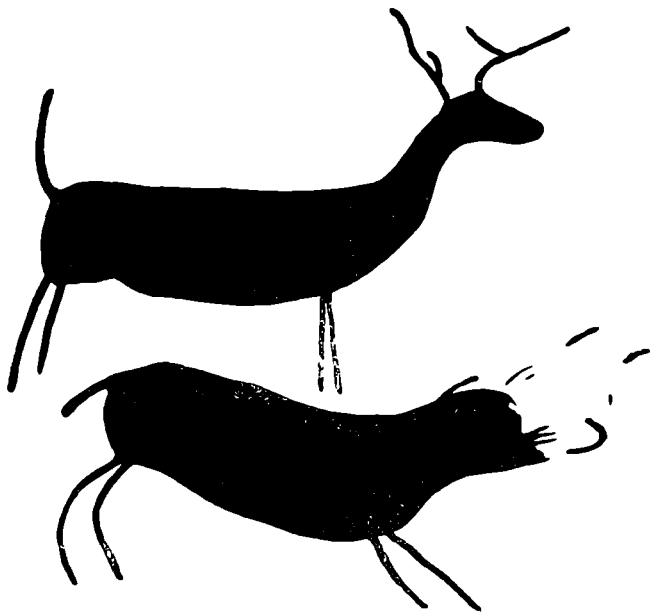

Рис. 24. Писаница близ устья р. Куйло (северный склон Катунских Альп) с изображением маралов и горных козлов

лица мужчины с усами, бородой и косо поставленными глазами. На другой грани изображена женщина в богатой одежде, с серьгами в ушах и позади нее ребенок в такой же одежде и также с серьгами в ушах. На третьей, узкой грани изображены три коленапреклоненные человеческие фигуры. Два человека держат в правой руке повод верховых заседанных лошадей, а третий изображен без лошади, но внизу находится заседанный конь без хозяина. Особенное внимание обращают на себя головы наездников. Лица двух из них, представленные в профиль,— не человеческие, скорее звериные. Весьма возможно, что всадники изображены в масках.

Древние буквенные надписи на Алтае известны на р. Катунь, около пос. Иня, по рекам Чулышману, Башкаузу и Бухтарме. Надписи у пос. Иня находятся на гранитной скале Бичикту-кая («писаная скала»), вблизи устья р. Чуи (правый приток р. Катунь). Они сделаны на монгольском языке, черной и красной краской. Про эту надпись В. Верецагин сообщает следующую легенду: «В старину монголы под предводительством Сонака не раз вторгались в Алтай. Мужское население беспощадно истреблялось, а жены, дети и скот уводились в Монголию. Но, наконец, счастье изменило Сонаку. Однажды он вел свои полчища вниз по долине р. Чуи. Алтайцы приготовились к встрече. Наиболее тесные горные проходы они загромодили грудями камней. Одно из таких заграждений было устроено около скалы Бичикту-кая, другое у борма Бозоглу на Катунь. Целое лето пришлось употребить Сонаку, чтобы взять укрепление у борма Бичикту-кая. Это ему удалось только тогда, когда он обошел алтайцев с тыла через вершину р. Ини. Не дойдя немного до укрепления Бозоглу, Сонак разделил свое войско на два отряда. С одним отрядом он остался у устья р. Сельджар и здесь был разбит алтайцами. Другой, более многочисленный отряд, не имея опытных проводников, заблудился в горах и почти весь погиб от снежной бури. Спаслись лишь немногие. Горы, где погиб отряд, носят название Соокту-тайга, т. е. «Горы, заваленные костями». Возвращаясь, Сонак на скале первого укрепления у Бичикту-кая написал проклятие калмыкам и завещал своим потомкам не ходить более войной на Алтай. С тех пор скала и называется «Бичикту-кая».

В скале Бичикту-кая, по данным Н. М. Ядринцева, имеется пещера с буквенной надписью. Этот же исследователь упоминает о пещере, расположенной у скалы Адым-бом, вблизи с. Кош-агача (Чуйская степь), в которой имеется «священный» камень с китайскими надписями. О скале Адым-бом (Абым-бом) и расположенном около нее столбообразном камне Г. Н. Потаниным записано предание.

В долинах рек Иртыша и Бухтармы буквенные изображения известны:

1. На гранитной скале правого берега р. Иртыша, в 12 км выше б. Бухтарминской крепости и в 4 км от Гусиного залива.
2. На левом берегу р. Смолянки, близ впадения ее в Иртыш.
3. Вблизи Зыряновского рудника.
4. В 2 км от д. Крестовка, на правом берегу р. Бухтармы.
5. На стенах пещер, расположенных на правом берегу р. Бухтармы в 12 км на СВ от Бухтарминской крепости и к югу от д. Верхне-Бухтарминской, недалеко от д. Таловки.

По данным Н. Коншина, буквенные надписи на скалах известны также в б. Каркаралинском, Зайсанском и Усть-Каменогорском уездах.

Встречаются буквенные надписи (на монгольском языке) и на каменных бабах, например, на каменном изваянии, расположенном в долине р. Чуи, между бормом Акташаром и скалою Адер-кая. Буквенные надписи имеют большое историческое значение. Некоторые из них, повидимому, представляют тексты указов и изречений, которые в старину монгольские и джунгарские ханы часто приказывали высекать или рисовать несмываемы-

ми красками на видных местах скал. Наскальные рисунки и буквенные надписи Алтая еще очень мало обследованы; вероятно, многие из таких памятников еще и вовсе не учтены.

ЛИТЕРАТУРА ОБ АЛТАЙСКИХ ПИСАНИЦАХ

1. А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). ИАК, вып. 62, 1916, с табл. и рис.
2. А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1883 г. Предвар. отчет. Зап. Западно-Сибирск. отд. РГО, кн. VIII, вып. 2, Омск, 1886.
3. А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Зап. РГО по общ. геогр., т. XI, 1888.
4. А. В. Адрианов. Отчет о поездке летом 1911 г. Изв. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азии, серия 2, № 1, СПб., 1912.
5. А. Белослюдов. Отчет о работах археологической экспедиции в окрестностях Усть-Каменогорска в 1910 г. Зап. Семипалатинск. подотд. Западно-Сибирск. отд. РГО, кн. VI, стр. 1—4, Семипалатинск, 1912.
6. Ф. Н. Белявский и С. Д. Чадов. Исторические судьбы Западной Сибири и ее культурные успехи. «Россия», Полное географич. описание, т. XVI, 1907; Западная Сибирь, гл. IV, стр. 150.
7. М. А. Брешинский. Исследование путей в Алтайском крае. Зап. Западно-Сибирск. отд. РГО, кн. 3, стр. 27, 1881.
8. В. Верещагин. Очерки Алтая. Новосибирск, 1927.
9. Н. Воронец. Изображения на скалах, найденные на границе Тургайской и Сыр-Дарьинской областей на реке Лак-Пай. Русск. антропол. журн., 1916, № 3—4, кн. XXXIX—XL, стр. 57—60, М., 1917.
10. В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. Тр. ГИМ, вып. 1, 1926; разр. археол., стр. 37—70.
11. М. П. Грязнов. Боярская писаница. Проблемы, 1933, № 7—8, стр. 43.
12. Н. Гуляев. Писаные камни Усть-Каменогорского уезда. Зап. Западно-Сибирск. отд. РГО, т. XXXVIII, 1916, стр. 259—261.
13. А. М. Зайцев. По верхнему и среднему Чарышу. Горн. журн., т. 3, 1906, стр. 61—97.
14. А. М. Зайцев. По верхнему и среднему Чарышу, его притокам и по р. Коксу. Изв. Томск. унив., кн. XXX, 1908, стр. 7.
15. Н. Коншин. О памятниках старины в Семипалатинской области. Зап. Семипалат. подотд. Западно-Сибирск. отд. РГО, вып. I, 1903, стр. 1—32.
16. А. Новоселов. Отчет о поездке на Алтай. Изв. Западно-Сибирск. отд. РГО, т. I, вып. 2, 1913, стр. 1—18.
17. В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия, ч. I, Введение. История дорусской Сибири. Иркутск, 1920, стр. 19—26.
18. П. Островских. Новое изучение Алтая. Северная Азия, 1927, № 5—6, стр. 185—186.
19. Г. Н. Потанин. Крестообразные фигуры на шаманских бубнах и писаницах. Изв. Восточно-Сибирск. отд. РГО, т. XXIV, № 2, 1893, с рис.
20. Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV. Матер. этногр., СПб., 1883, глава III, стр. 214—215.
21. А. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Сов. этногр., 1935, № 4—5, стр. 134—138.
22. С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудырге на Алтае. Матер. по этногр. Россия, т. 3, вып. 2, 1927.
23. С. Б. Г. Летопись Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, 1902—1910. Научная деятельность отдела. Зап. Семипалат. подотд. Западно-Сибирск. отд. РГО, вып. VI, 1912, стр. 39—60.
24. И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Тр. XIV Археол. съезда в Чернигове, т. I, М., 1910.
25. В. Сапожников. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Путешествия 1905—1909 гг. Томск, 1911, стр. 7.
26. Сибирские древности. Из путевых записок В. В. Радлова (пер. с нем. Гр. А. Бобринского). ЗРАО, т. VII, вып. 3—4, 1895, стр. 147—216.
27. Г. П. Сосновский. Камеральные работы по проектируемым гидроэлектростанциям на Ангаре, Енисее, Бие и Иртыше. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 69—79.
28. Гр. Спасский. О достопримечательных памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. Зап. РГО, кн. XII, 1857, стр. 111—182, с рис.

29. П. П. Хороших. Археологические памятники Западной Сибири. Новосибирск, 1937. Изд. Западно-Сибирск. краев. музея.
  30. П. П. Хороших. Древности Кудинских степей. Бурятоведение, т. III—IV, 1930, стр. 86—88.
  31. П. П. Хороших. Рисунки на скалах Алтая. «На суше и на море», 1941, № 1, стр. 25.
  32. М. Швецова. Алтайские калмыки. Зап. Западно-Сибирск. отд. РГО, кн. XXIII, Омск, 1898, стр. 3—4.
  33. Н. М. Ядринцев. Начало оседлости (исследование по истории культуры угро-алтайских племен). Литер. сб., изд. редакции «Вост. обозр.», СПб., 1885, стр. 174—175.
  34. Н. М. Ядринцев. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири в Алтае в 1878 г. и 1880 г. Древности ТМАО, т. IX. вып. 2—3. 1883.
  35. Н. М. Ядринцев. Древние памятники и письма в Сибири. Литер. сб., изд. ред. «Вост. обозр.», СПб., 1885, стр. 471.
-

Г П. СОСНОВСКИЙ

**О ПОСЕЛЕНИИ ГУННСКОЙ ЭПОХИ В ДОЛИНЕ р. ЧИКОЯ
 (ЗАБАЙКАЛЬЕ)**

Южные районы Бурят-Монгольской АССР, примыкающие к степям Северной Монголии, содержат большое число древних памятников, характерных для этой части Центральной Азии. В связи с изучением гуннских могильников Селенгинской Даурии заслуживают внимания сведения о стоянке у с. Дурены и отдельных находках времени около начала н. э. в крае. Эти данные расширяют наши представления о материальной культуре северных племен гуннов, чьи вожди погребены в курганах Ноин-Улы.

Сел. Дурены расположено на р. Чикое, в 35 км к востоку от г. Кяхта. Все пространство около селения ранее было покрыто сосновым лесом, с истреблением которого обнаружили пески. В выдувах их, на протяжении около 2 км, по левому берегу р. Чикоя стали появляться во множестве обломки глиняной посуды и другие культурные остатки.

Первые сборы археологического материала здесь производили члены Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Русского географического общества.¹ Среди этой коллекции, поступившей в местный музей, имеются глиняные сосуды (рис. 25), обнаруживающие сходство с керамикой из гуннских погребений, а также обломки бронзовых ложкаобразных концевых пряжек и другие предметы. На некоторых фрагментах глиняных сосудов имеется от одного до пяти отверстий.

В послереволюционное время Г. Ф. Дебецем была обследована стоянка по левому берегу р. Чикоя на 1 км выше селения.²

Осмотром установлено существование больших площадей ненарушенного

Рис. 25. Стоянка у д. Дурены (Забайкалье). Глиняный сосуд

¹ Прот. собр. Троицко-Савско-Кяхтинского отд. РГО, 1896, № 6—8, стр. 16.

² Ниже дается описание стоянки по рукописи Г. Ф. Дебеца, хранящейся в Иркутском научном музее.

культурного слоя только в северной части выдувов. Наиболее богатые находками южная и юго-западная части оказались совершенно разрушенными процессами выдувания. На дне некоторых выдувов у восточной стенки оврага, в месте обнажения культурного слоя и частично осыпавшейся жилой ямы, Г. Ф. Дебецем был заложен небольшой раскоп (5 × 1 м).

Порядок напластований слоев наблюдался следующий: 1) рыхлый светлосерый песок — 45 см; 2) темный буровато-серый песок, содержащий культурные остатки, — 60 см; 3) песчанистый лёсс.

При раскопках культурного слоя найдены черепки глиняной посуды серого цвета, мелкие угли, обломки расколотых костей и куски шлака. Под нижней границей культурного слоя обнаружена полуземлянка, в виде ямы четырехугольной формы, выкопанная в слое песчанистого лёсса; она имела вертикальные стенки и горизонтальное дно. Цвет заполнявшей яму почвы — красно-коричневый, заметно большое количество углей и комьев обожженной глины. Длина ямы 4 м, ширину в точности установить не удалось, так как край полуземлянки был разрушен (до обрыва — 80 см), глубиной 45 см. Ориентирована длинными сторонами С — Ю.

В южном конце полуземлянки найден лежащий на дне ее валун гранита около 40 кг весом. Около него и далее до середины ямы находились кости (барана) и фрагменты большого глиняного сосуда того же типа, что и в культурном слое — с сетчатым орнаментом. С северной стороны стенка ямы обставлена плитами хлоритового сланца. Кроме перечисленных предметов, в большом количестве встречены угли, хорошо сохранившие первоначальную форму сучьев, что указывает на однократное их горение, а также полуобгорелый обрубок дерева в 20—30 см толщиной и куски обожженной глины. Следов золы не найдено.

Полуземлячка № 1 находилась в южной части выдувов. Сверху она была отмечена скоплением камней, которые ранее, вероятно, были положены для укрепления ее крыши. Форма прямоугольная. Продольной осью ориентирована С — Ю. Размеры: длина — 3.30 м, ширина — 2.4 м, глубина — 30 см. Земля внутри полуземлянки темного цвета, слегка жирная наощупь; очертания ее ясно заметны на сером фоне песка. Изредка встречались угли. Южная и восточная границы площади полуземлянки очерчены менее резко, и вдоль их заметны длинные трещины, заполненные светлым песком. У середины западной стенки заметны следы от вбитого в землю столба диаметром 25 см. Нижняя поверхность жилища горизонтальная. Найдены фрагменты серых сосудов и расколотые кости животных, принадлежавшие, по предварительному определению, быку и барану. К северу от землянки, близ ее стенки, находился очаг в виде ямки округлой формы с вогнутым дном, выложенный по краю камнем, частью обвалившимся внутрь ямы. Диаметр очага 62 см, глубина — 40 см. Дно его было заполнено толстым слоем углей; попадавшие комки обожженной глины происходят, вероятно, от обмазки, следы которой встречаются на стенках очага. Камни носят на себе следы продолжительного действия огня. На запад от очага найдено скопление крупных фрагментов сосудов. Грунт в этом месте также был окрашен в темный цвет.

Полуземлячка № 2. В северо-западной части выдувов было обнаружено скопление камней, аналогичное найденному над землянкой № 1. По снятии камней сразу же обозначилось темное пятно, с поверхности которого очищен слой песка в 5—7 см. Пятно имело округлую форму при диаметре 6.80—7.50 м. В полуземлянке найдены кости животных, рыб и керамика.

В 5 м к востоку от жилища обнаружено скопление черепков и костей, перемешанных с углями. Поверхность выдувов была расчищена, и обнаружено темное пятно диаметром в 2.5 м. При его раскопке начали попадаться обломки костей и обломки посуды, иногда очень крупных размеров. Из-

редка встречались угли. Подобными отбросами заполнена вся яма, имевшая цилиндрическую форму и 1,65 м глубины. До самого дна в темной почве встречались горизонтальные прослойки песка.

Далее Г. Ф. Дебецем работы были перенесены на 400 м к югу от полуземлянки №1, где на дне одного из выдувов замечена лежавшая плита хлоритового сланца. Место это быстро заносится песком надвигающейся дюны.

На глубине 60 см, под слоем недавно нанесенного песка, открыто круглое пятно темного цвета 75 см в диаметре. При раскопке попадались кости животных и черепки того же типа, что и в землянке. Глубина ямы 60 см,

Рис. 26. Стоянка у д. Дурены (Забайкалье). Обломки глиняных сосудов 1—6 (пояснения в тексте)

дно ее округлое. Правильность формы ямы указывает на ее искусственный характер. Возможно, что она служила для отбросов.

Следы кострищ и остатки очагов с разбросанной около них серой керамикой были обнаружены на песках у с. Дурен при осмотре их сотрудниками Бурят-Монгольского археологического отряда АН СССР.

Среди собранного при этой рекогносцировке керамического материала обращает на себя внимание днище сосуда, имеющее снаружи квадратное углубление с выпуклым крестообразным знаком — клеймом (рис. 26, 6). Следует также отметить фрагменты стенок крупных сосудов с зигзагообразным и волнистым орнаментом из накладных валиков (рис. 26, 2, 5), по размеру соответствовавшие большим глиняным урнам ноин-улинского могильника. Кроме того, с Дуреновской стоянки имеются обломки узкогорлых и широкогорлых сосудов с шероховатой поверхностью от сглаживания и, возможно, оттиска какой-то ткани и пр. (рис. 26, 4). Заслуживает внимания также один большой фрагмент от верхней части сосуда темного цвета. Ниже венчика с отогнутым краем проходит волнистая прочерченная полоска, а выше плечиков — грубо сделанный резной орнамент из полукругов, соединенных с прямой линией, перпендикулярно пересекающей их посередине.

Из хранящегося в Кяхтинском музее из Дуреновской стоянки материала, относящегося к интересующей нас эпохе, необходимо упомянуть,

помимо серии керамики описанного типа, о бронзовых изделиях: головке быка (яка), фигурках лошадок и трехлопастном наконечнике стрелы.

Большой интерес представляет бляшка в виде головы яка (рис. 27, 1). Характерные очертания рогов и другие особенности морды этого животного напоминают изображения яка на серебряных бляшках Ноин-Улы. На оборотной стороне предмета имеется скобка для прикрепления его к ремню. Некоторые фигурки лошадок в точности соответствуют таким же изде-

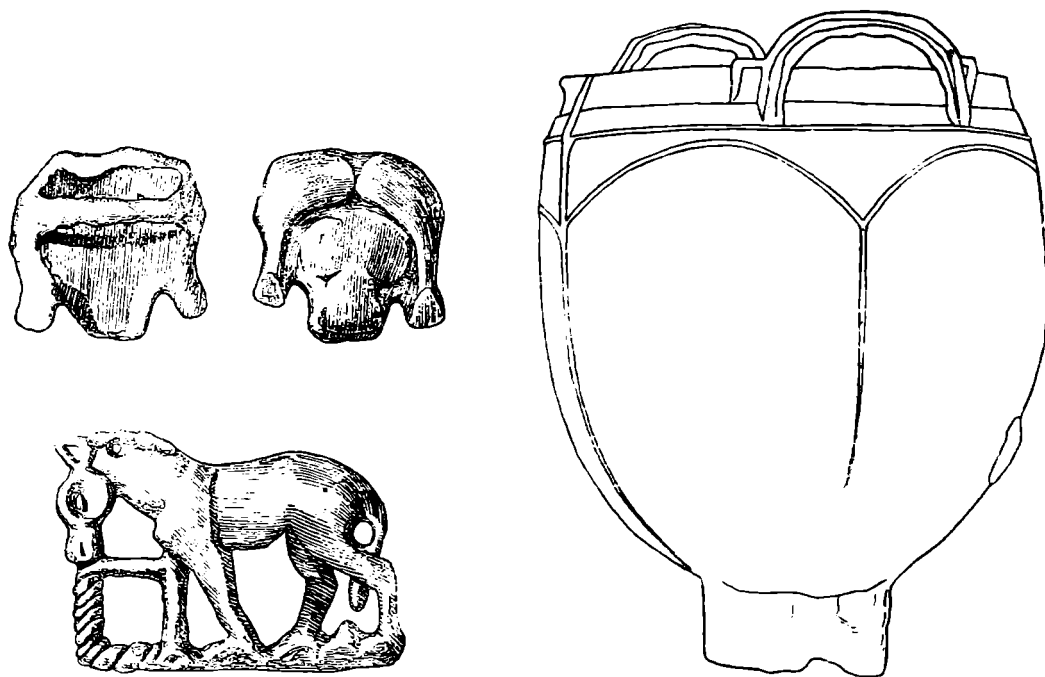

Рис. 27. Стоянка у д. Дурены (Забайкалье)
Бронзовые изделия: 1—голова яка; 2—фигурка лошади

Рис. 28. Бронзовый котел, найденный
в русле р. Киран (Северная Монголия)

лиям из могильника Ильмовой пади (могила № 40) и Ноин-Улы. Несколько иной вид имеет пластинка с изображением лошади (рис. 27, 2), дублирующая подобные же экземпляры, известные по раскопкам Ордоса.¹

Материал, собранный на поселении у с. Дурен, указывает на связь его с гуннскими памятниками Забайкалья и Монголии. Обломки серой керамики с накладным и резным волнистым орнаментом и другие ее разновидности тождественны фрагментам и цельным экземплярам глиняных сосудов, происходящих из могил Ноин-Улы, Ильмовой пади с р. Джиды, а также с Иволгинского городища. Бронзовый наконечник стрелы из Дуреновской стоянки сходен с таковыми из погребения у г. Кяхта, а ложкаобразные пряжки — с предметами из захоронений у Дерестуя и Хара-Бусуна. Бронзовые украшения также имеют аналогии в гуннских могилах. В жилищах у с. Дурены обнаружены кости тех же домашних животных, что и в названных погребениях. Принадлежность этого поселения к гуннской эпохе устанавливается не только по находкам одинаковых вещей в могилах и на стоянке, но и их близким расположением. Недалеко от с. Дурены А. М. Виноградовой раскопаны две могилы дерестуйского типа, близ

¹ J. G. Andersson. *Hunting Magic in the Animal Style*. Stockholm, 1932, табл. XX, рис. 1.

улуса Хара-Бусун). Полуземлянки у с. Дурены и упомянутые выше предметы, собранные на стоянке, следует относить ко времени около н. э. (I в. до н. э.—I в. после н. э.).

Население, оставившее стоянку у с. Дурены, занималось скотоводством, рыболовством и охотой. Так же как и на Иволгинском городище,¹ здесь были найдены куски шлаков, указывающие на древнюю обработку железа в крае. Находки на стоянке серой керамики хорошего обжига свидетельствуют о техническом уровне производства глиняных сосудов в эпоху около начала н. э. Сосуды лепились от руки, на особом гончарном станке с шипом посередине. Заслуживают внимания сведения одного из исследователей стоянки о наличии у с. Дурены залежей хорошей глины. Это обстоятельство могло способствовать развитию здесь керамического производства в интересующее нас время. Характерная для гуннской эпохи серая керамика со свойственной ей орнаментацией была собрана, кроме окрестностей с. Дурены, в долине р. Чикоя у Харлуна и на Большом луге, у улуса Хара-Бусун, Цагатае, по р. Ботайке, у г. Кяхта, на песках по берегам р. Селенги, у с. Номохоново, с. Зарубино, Харанхоя, в окрестностях с. Усть-Кяхта и по р. Джиде в нижнем ее течении. На песках у с. Эдуй близ р. Хилка была сделана находка костяных накладок на лук, бус и китайского зеркала времени Ханьской династии, а также серой керамики. У д. Сафроновой был обнаружен обломок небольшой позолоченной ажурной пластинки с изображением дерущихся лошадей.

Интересный экземпляр бронзового котла (рис. 28) был найден в русле р. Киран (Северная Монголия) недалеко от государственной границы. По своему типу, форме ручек, орнаментации он идентичен обломку бронзового сосуда из Ноин-Улинского могильника. У киранского котла низ (подставка) сделан из железа. Повидимому, это более позднее дополнение, заменившее поломанный поддон.

¹ Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 7—8.

А. П. С М И Р Н О В

НОВЫЙ САСАНИДСКИЙ ЗОЛОТОЙ СОСУД ИЗ МОЛОТОВСКОЙ
ОБЛАСТИ¹

Государственный исторический музей обогатился новым замечательным памятником — сасанидским золотым кувшином.

Сосуд поступил в музей в апреле 1944 г. из Государственного хранилища.² Он был сдан в 1943 г. на скупочный пункт в г. Молотове неизвестным гражданином, нашедшим его случайно при земляных работах. Более подробных сведений об условиях находки сосуда нет. Можно предполагать, что он происходит из клада восточных вещей, обычных для Приуралья.

Грушевидной формы сосуд (рис. 29, 30) принадлежит типу, широко распространенному в сасанидском искусстве. Общий вес сосуда 1894.8 г; он сделан из золота пробы 89.76, при помощи чеканной техники, следы которой хорошо заметны на всей его поверхности. Грушевидное тулово сосуда, приготовленное из одного куска металла, имеет широкие бока, узкое горло и вытянутый вперед, слегка опущенный носик. Сосуд несколько сплюснут; его продольный диаметр — 18 см, поперечный — 17.5 см, горло овальное в поперечном разрезе с диаметром 4 и 3.5 см. Некоторая сдавленность корпуса кувшина, особенно заметная в верхней части, объясняется вытянутым вперед удлинненным носиком, благодаря которому корпус несколько утолщен, а впереди появилось ребро, сглаженное в нижней части. Корпус посажен на круглый поддон, к которому он припаян. Припой, ясно заметный с внутренней стороны, хорошо очищен снаружи; шов хорошо заполирован. К поддону припаян круг, состоящий из 64 шариков, имитирующих крупную зернь. Этот ободок согнут из стержня, отлитого в форме. Следы припоя видны с внутренней стороны поддона. Общая высота кувшина с поддоном — 30.5 см. Наибольшая ширина 18 см проходит на высоте 15.5 см, ширина горла — 4 см. Длина вытянутого вперед носика кувшина равняется 10 см. К тыльной части кувшина прикреплена поднимающаяся над горлом ручка, приготовленная из восьмигранного изогнутого дрота, в нижней части расплющенного в пластинку, обрезанную в трехлепестковую пальметку с дополнительно нанесенными резцом волютами. Верхняя часть изогнутого дрота пропущена через полую фигурку крылатого животного, на груди которого расклепана. Вытянутые вперед ноги животного, отлитые вместе с крыльями, припаяны к туловищу и особыми выступами ниже копыт закреплены в двух отверстиях с тыльной стороны горла кувшина. Никаких следов крышки не заметно. Оформлен сосуд очень просто. Вся его орнаментация сводится к фигурке зверя, пальметке и кругу

¹ А. П. Смирнов. Восточный сосуд из Молотовской области в Собрании Государственного исторического музея. ВДИ, № 1, 1946.

² Акт передачи № 615, инв. № 81326.

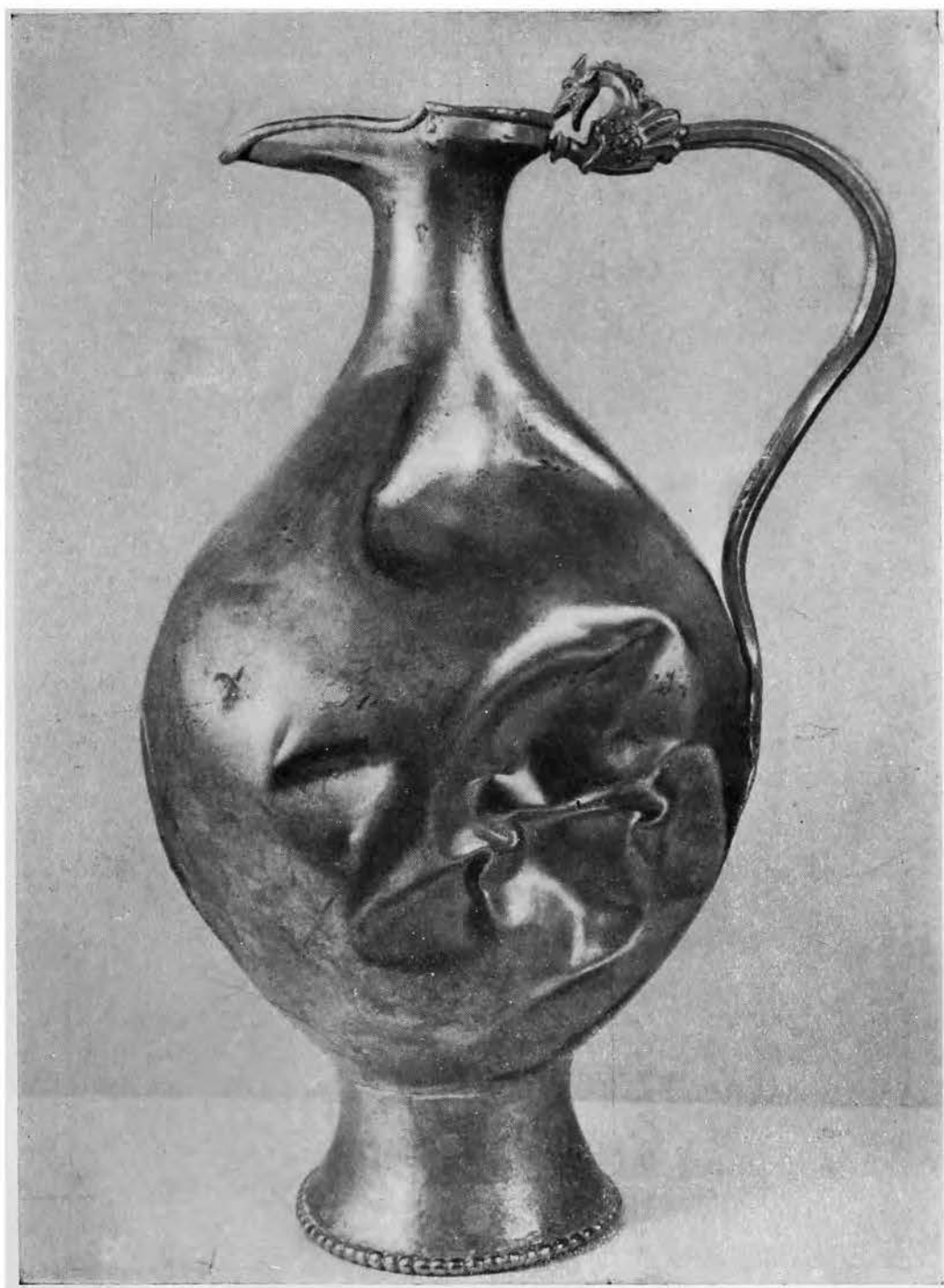

Рис. 29. Сасанидский золотой сосуд из собрания ГИМ; вид сбоку

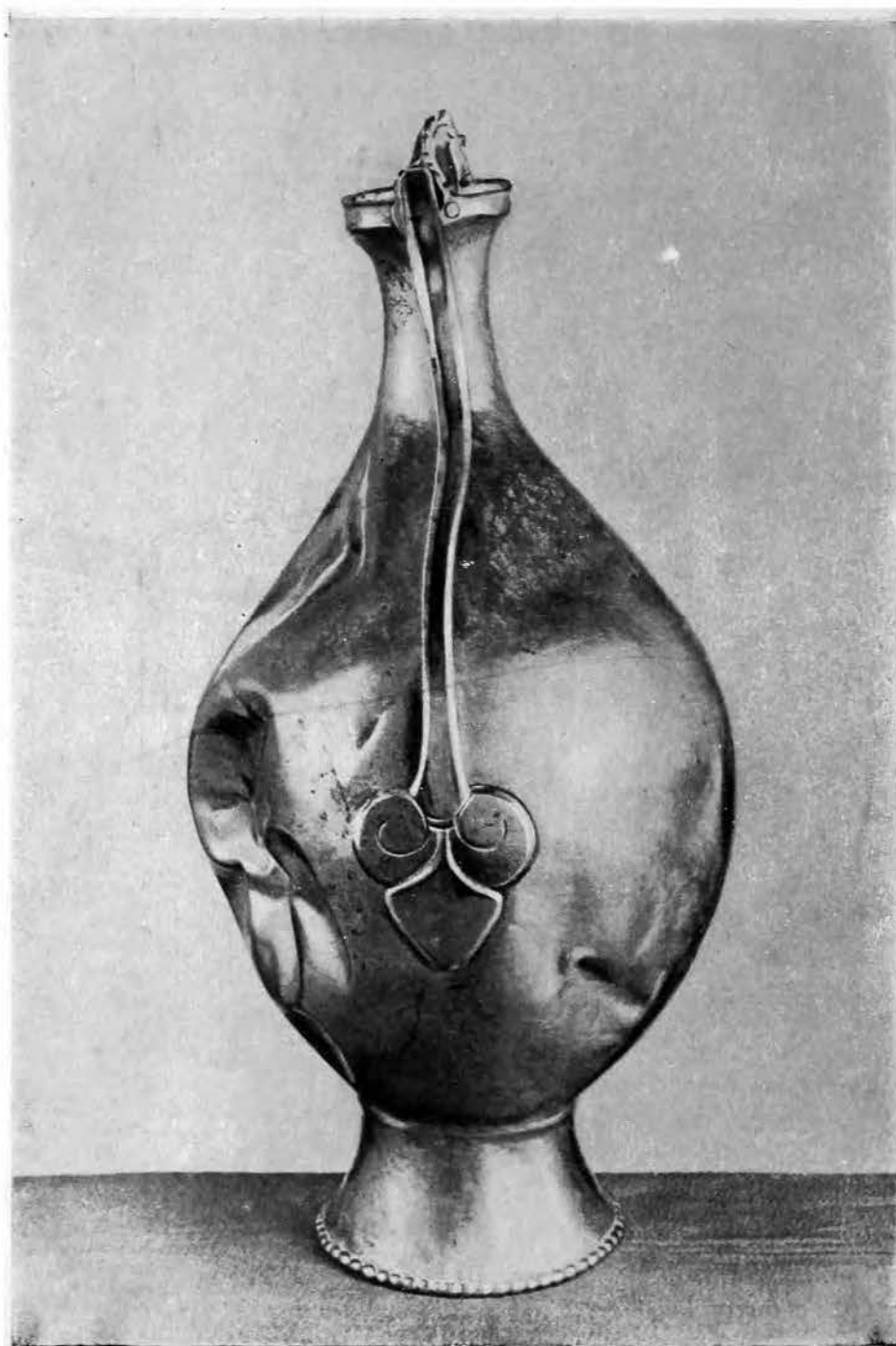

Рис. 30. Сасанидский золотой сосуд из собрания ГИМ; вид сзади

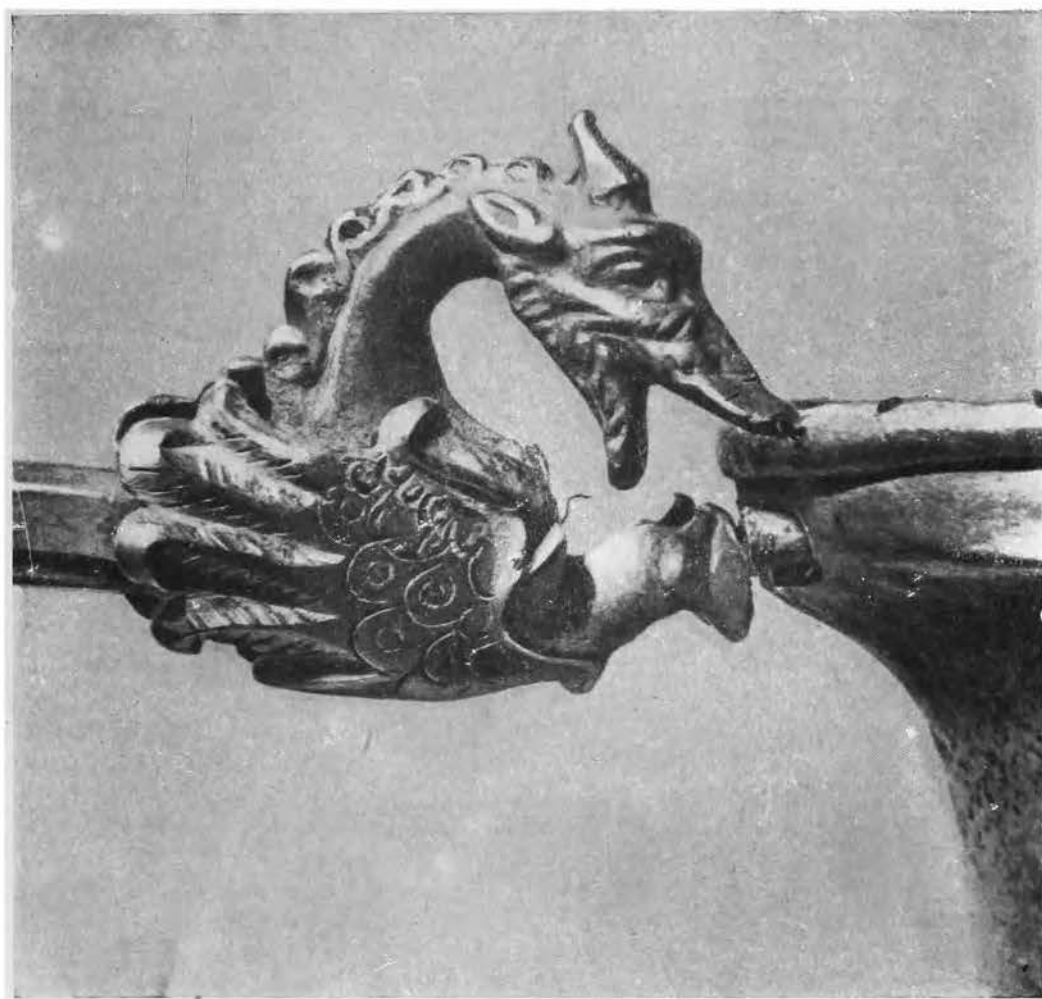

Рис. 31. Сасанидский золотой сосуд из собрания ГИМ; деталь ручки

зерни у поддона. В отдельных местах, на рукоятке и на поддоне заметны следы сглаживания.

Как отмечено, сосуд выполнен чеканной техникой, обычной для металлических изделий на Востоке и хорошо сохранившейся в неизменном виде в Дагестане до настоящего времени. Для приготовления кувшинов подобной формы дагестанский мастер берет обычно металлическую болванку и расплющивает ее на наковальне в тонкий лист. Сообразно тому, что собирается он делать, болванка расковывается различно: для сосуда цилиндрической формы готовится плоский лист, для сферического — в виде чашки. В последнем случае болванка достаточной толщины расковывается в средней части тяжелым молотком — кувалдой. Выбив углубление, чеканщик направляет удары наискось в стенки углубления, постепенно расширяя и увеличивая его диаметр. Работая таким путем, мастер придает куску металла форму чашки. Стенки его становятся все тоньше. Мастер сначала их оттягивает, пока не достигнет нужного диаметра, после чего стягивает все уже и уже, работая до тех пор, пока отверстие позволяет действовать молотком.

Когда устье полученного горла уже не дает работать молотком, сосуд надевается на железную полосу — наковальню, укрепляемую в специальную подставку; мастер продолжает работать молотком снаружи, стягивая металл для получения горлышка. Такими приемами подготавливают целый сосуд из одного куска металла.¹ Значительно проще и легче приемы для изготовления кувшинов из нескольких горизонтальных полос, которые затем спаивают. Изучение поверхности кувшина, поступившего в собрание ГИМ, показывает, что корпус его приготовлен описанным выше способом из золотой болванки. Может быть, этим и объясняется высокая проба металла, дающая возможность легче расковать болванку мягкого металла и придать ей требуемую форму. Наиболее тонки стенки сосуда в нижней части, что заметно по одной пробоине. В верхней части они несколько толще, в горле же толщина достигает 3 мм, в утолщенном валикообразном крае — 4 мм.

Описанный сосуд, несмотря на простоту отделки, сближающую его со скромными золотыми сосудами Перещепинского клада, принадлежит к весьма немногочисленным вещам золотой сасанидской утвари. Почти вся дошедшая до нас восточная посуда этого времени — серебряная; золотых вещей, не считая Перещепинского клада, сохранилось пока только две.² Это объясняется тем, что золото, наиболее дорогой из металлов, известных средневековому Востоку, давало наибольшие выгоды при переделке массивной утвари в украшения, которые должны были поспеть за модой. Золото не могло, естественно, сохраняться в виде предметов, насчитывающих столетия, если эти предметы не оказывались объектами индивидуального почитания и хранения, как единичная вещь, поступившая в храм в Наре, или вещь, пожертвованная королем в аббатство Сен-Дени, — или же, если в силу каких-то условий, они уже в глубокой древности не были нарочито захоронены в землю, как это было с Перещепинским кладом, зарытым в степях уже в VII в.³

Кувшин ГИМ принадлежит к числу сосудов, восходящих к распространенной в античную эпоху форме энохи, хорошо представленной в глине и металле, с характерным для нее туловом, раздутым в нижней части и небольшим поддоном, с изогнутой ручкой, заканчивающейся

¹ Н. Б. Бакланов. Златокузнецы Дагестана, М., 1926, стр. 29—30.

² И. А. Орбели и К. В. Тревер в своей работе «Сасанидский металл» (М.—Л., 1935, стр. XIII) отмечают 15 золотых сосудов: парижскую чашу, ложчатую чашу в Наре и 13 сосудов Перещепинского клада.

³ Там же, стр. XIII.

пальметкой.¹ Уже тогда существовала мода украшать рукоятки сосудов скульптурами и заканчивать их у основания рельефными фигурами и пальметками.² Тот же прием известен и позднее — в римскую эпоху, примером чего могут служить сосуды I в. н. э. найденные близ Бори, б. Шорапанского уезда, Кутаисской губ., где имеется бронзовая энохоя хорошей работы и изящной формы с круглой ножкой, припаянной к яйцевидному тулову кувшина. Ручка, приготовленная отдельно, заканчивается передней частью быка, ноги которого покоятся на верхнем крае вазы, нижняя часть ручки украшена головой Горгоны.³ Такой же формы и техники другой кувшин имеет ручку, оканчивающуюся фигурой лебедя с простертыми крыльями, ноги которого покоятся на верхнем крае сосуда; нижняя часть ручки заканчивается головой молодого фавна.⁴ Известен аналогичный сосуд этого же времени с ручкой, украшенной передней частью лошади.⁵ Подобная манера украшать сосуды продолжается и несколько позднее — в эпоху переселения народов. В Петросском кладе имеется кувшин, представляющий вариант формы описанных сосудов, ручка которого украшена стилизованной фигурой птицы.⁶ Подобный же прием трактовки ручек можно встретить на ранних памятниках сасанидского искусства. Среди вещей Берлинского музея имеется ручка сосуда в виде фигуры крылатого горного козла, опирающегося на голову силена, при помощи которого ручка нижней частью прикреплена к тулову сосуда. Передними ногами козел закреплен в тыльной стороне горла. Памятник относится к III в. н. э.⁷ Приблизительно в это же время замечается и появление ручек в виде стилизованных фигур животных. Такого рода ручка, датируемая IV—V вв., была экспонирована на выставке иранского искусства в Лондоне в 1937 г.⁸

Такая же стилизация заметна и на памятниках сарматской культуры Юга СССР.

Кувшин ГИМ по своей форме отличается от предшествующих одной существенной деталью. У тех широкий в верхней части корпус сужается книзу, здесь же наоборот — сосуд сужается кверху, переходя в узкое горло. Последняя форма является типичной для кувшинов сасанидского и последующего времени; ее же повторяют многие сосуды кладов эпохи переселения народов.⁹ Определение сосуда по его форме сасанидским не дает еще оснований относить его самого к эпохе сасанидской династии, т. е. ко времени с 226 по 651 г. Подобной формы сосуды встречаются и позднее — в послесасанидскую эпоху.

Как уже отмечалось И. А. Орбели и К. В. Тревер, трудность систематизации памятников сасанидского искусства заключается в отсутствии не только абсолютной, но и относительной их датировки. Монументальные памятники искусства, связанные с особо торжественными моментами в жизни царей, датируются относительно хорошо, но значительно трудней датировка предметов прикладного искусства.¹⁰ Нередко одна и та же группа блюд одними учеными по отдельным признакам относилась к позднесаса-

¹ Примером может служить энохоя, изданная Daniel Robinson. *New greek bronze vases*. AJA, 1942, April—June, т. XLVI, № 2, стр. 194, рис. 27—28.

² Там же, стр. 174, рис. 1, 2, 4; стр. 178, рис. 7, 8, 19, 21.

³ Е. М. Придик. Новые кавказские клады. МАР, вып. 34, 1914, стр. 102, табл. III, рис. 1, 2.

⁴ Там же, стр. 103, табл. III, № 3 и 4.

⁵ Smith. *Bronzes in the collection of Peerport Morgan*, табл., 38, рис. 63.

⁶ A. Odobesco, *Le trésor de Petrossa*, табл. IV.

⁷ «An illustrated souvenir of the exhibition of Persian art», sec. ed., стр. 8, рис. 22A.

⁸ Там же, стр. 13, № 229.

⁹ А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. 1926, стр. 29.

¹⁰ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, стр. XX, XXII, XXIII.

нидскому или даже раннемусульманскому времени, а другими — к началу сасанидского периода.¹ Отсутствие твердой датировки предметов затрудняет нашу задачу — точно определить время изготовления рассматриваемого кувшина. Эта трудность усугубляется и отсутствием точных его аналогий — по форме и орнаменту.

Наиболее близки нашему сосуду два кувшина: один из них найден в Казахстане в кургане на площади с. Покровского, Пишпекского района и датируется К. В. Тревер началом I в. до н. э.;² второй найден в починке Ягошурском, Глазовского района, Удмуртской АССР, вместе с арабскими монетами первой половины VIII в.³ и относится К. В. Тревер, по стилистическим данным, ко времени казахстанского кувшина.⁴

Первый кувшин — грушевидной формы, заканчивается широким плоским дном, имеет покатые плечи, узкое, короткое горло, вертикально отогнутый венчик с двумя выступами по сторонам вытянутого носика. Ручка сверху округлая, в центре граненая, оканчивается трехлепестковой пальметкой. Вверху на ручке — выступ-завиток. Полусферическая граненая шпечка на венчике прикреплена при помощи штыря, круглое плоское дно впаяно; под краями его параллельно низу тулова идет вертикальная кольцевая ножка. Сосуд изготовлен чеканной техникой; ручка отлита особо и припаяна.

Второй кувшин, происходящий из Глазовского района, почти полностью совпадает по форме, орнаментации и технике приготовления с первым. К. В. Тревер отмечает, что оба эти кувшина настолько похожи по форме, «что невольно напрашивается вопрос, не в одном ли районе были изготовлены оба кувшина, из которых один попал в Вятскую губернию (ныне Кировская область), другой в Киргизию».⁵ Ту же форму имеет и серебряный кувшин Лионского археологического музея, покрытый орнаментом и изображениями сцен с музыкантами, датируемый обычно послесасанидской эпохой. К. В. Тревер датирует его временем около начала н. э.⁶

Весьма близки к рассматриваемому кувшину два богато орнаментированные сосуда, происходящие один — из д. Мальцево, Соликамского района, Молотовской области,⁷ другой из починка Слудка, Молотовской обл.⁸ Первый сосуд — серебряный с позолотой, украшен двумя кругами с изображениями крылатого верблюда и стилизованным деревом с пальметками между ними; второй сосуд — серебряный, орнаментирован тремя поясами металлических шариков, имитирующих жемчуг, и двумя овалами с изображением фигур. Оба памятника датируются послесасанидской эпохой.

Нельзя также пройти мимо изображений аналогичных сосудов на памятниках греко-бактрийского искусства, где представлены кувшины тех же форм и пропорций. Так, на чаше, происходящей из собрания Строгановых (возможно, найденной в Молотовской обл.),⁹ с изображением сцены венчания царя, представлена фигура, несущая в правой руке два кувшина. Оба они одной формы — с раздутым туловом, узким горлом, вытянутым вперед, горизонтальным, несколько опущенным носиком. Поддон, расширяющийся к основанию, аналогичен поддону нашего кувшина. Ручки выступают над

¹ Там же.

² К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 34.

³ Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. 68, рис. 124.

⁴ Ук. соч., стр. 47.

⁵ К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 111.

⁶ К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 111.

⁷ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 49.

⁸ Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XII, рис. 79.

⁹ К. В. Тревер. Ук. соч., стр. 82.

уровнем горла и имеют в верхней части плохо видимые выступы замысловатой формы, передающие, повидимому, какие-то фигурки. К. В. Тревер по курсивному характеру надписи на чаше датирует памятник началом I в. н. э.¹ К такой же датировке приводит и стилистический анализ, позволяющий сопоставить изображенные фигуры с терракотовыми статуэтками из Хатана² и Афросиаба.³

Немного отличается характер сосуда, представленного на блюде из собрания Эрмитажа, где изображен царь, сидящий на ковре среди слуг и музыкантов. Справа от него стоит слуга, держащий в левой руке сосуд. Это кувшин той же формы, что предыдущий, отличающийся лишь в деталях. Как и рассмотренные выше, он имеет раздутое в нижней части тулово, посаженное на расширяющийся к основанию поддон. Его узкое горло переходит в вытянутый вперед носик. С тыльной стороны прикреплена ручка. От кувшина Исторического музея сосуд, представленный на этом блюде, отличается формой ручки, изображенной в виде полуовала, и носика, вытянутого вперед и вверх.⁴ Верхняя часть кувшина покрыта каким-то линейным орнаментом.

Третий памятник сасанидского искусства с изображением кувшина⁵ — это серебряное позолоченное блюдо, происходящее из д. Луковки, б. Пермского уезда, Пермской губ. (ныне Молотовской обл.). На блюде представлен царь, сидящий на тахте, окруженный слугами и музыкантами. Внизу стоит богато орнаментированный кувшин.

По общей форме он напоминает кувшин Исторического музея: то же раздутое тулово, посаженное на поддон, узкое горло и вытянутый вперед носик. Ручка в верхней части украшена каким-то выступом. Однако некоторые детали орнаментации и форма поддона отличают его от изучаемого памятника. Сосуд на этом блюде украшен по плечикам пояском круглой зерни, а поддон соединен с туловом при помощи утолщения, часто встречаемого на кувшинах эпохи переселения народов и сасанидских.⁶ Приведенные аналогии показывают, что по форме и пропорциям публикуемый кувшин ближе всего стоит к ранним сосудам, повторяя формы кувшинов, изображенных на чаше Строгановского собрания.

Дату нашего кувшина помогают уточнить некоторые детали орнаментации, например поясок металлических шариков, проходящий по основанию поддона. Как сказано, поясок изготовлен отдельно и припаян к поддону; шарики — мелкие, немного утолщенные; они напоминают аналогичные пояски, опоясывающие края чаш, описанных К. В. Тревер к греко-бактрийской культуре, примером которых могут служить: чаша, найденная в 1903 г. в Кустанайском районе Казахстана,⁷ чаша Строгановского собрания⁸ и чаша, найденная в с. Веренино, б. Чусовской вол., Молотовской обл.⁹ Характер шариков везде один и тот же.

Орнаментация в виде поясков из шариков по основанию сосудов встречается в эпоху переселения народов, причем в IV—V вв. получают широкое распространение ободки из крупных бус.

Л. А. Мацулевич считает, что в основе этого орнаментального мотива лежит укоренившийся на Востоке обычай украшать нитями жемчуга юве-

¹ Там же, стр. 87.

² Там же, стр. 85.

³ Там же, стр. 86.

⁴ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 18.

⁵ Там же, табл. 16.

⁶ Например, золотой кувшин Перещепинского клада. См. И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 61.

⁷ К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 15, стр. 73.

⁸ Там же, табл. 18, стр. 82.

⁹ Там же, стр. 88, табл. 22.

лирные изделия, сосуды и головные уборы. К ранним примерам такой орнаментации принадлежит золотой кубок Перещепинского клада — один из немногих ранних сосудов, хранящих следы нити жемчуга; к более позднему относится блюдо русской княгини Ольги, хранившееся в храме св. Софии в Константинополе. Обычно жемчуг заменяли чеканными или напаянными шариками.

Начиная с IV в., встречаются предметы, у которых основным элементом украшения становятся ободки бус.¹ Но одновременно с крупными бусами встречаются и ободки из средних и мелких бус, причем украшают они не только основание, но и другие части предметов. Таковы сосуд и блюдо из Петросского клада,² причем последнее орнаментировано по краю ободком из мелких шариков. Встречаются ободки из шариков и на позднесасанидской утвари; примером может служить сосуд, происходящий из д. Слудки б. Пермского уезда, Молотовской обл., отнесенный Я. И. Смирновым к послесасанидской эпохе.³

Интересной деталью кувшина Исторического музея является фигура крылатого коня, помещенная на верхней части ручки сосуда (рис. 31). Его длинная раскрытая пасть покрыта по бокам поперечными зарубками, проходящими в виде короткого жгута под глазами; эти зарубки доходят до конца пасти и, повидимому, имитируют мышцы. Над глазами проходит выступающая надбровная дуга. Над лбом выступает слегка изогнутый вперед рог. Овальные уши прижаты к телу. Вдоль шеи волютами обозначена грива. Короткие ноги вытянуты вперед и копытами упираются в край сосуда, к которому прикреплены штырями. По бокам к туловищу коня припаяны крылья, заканчивающиеся пятью перьями; поверхность крыльев разделана резцом под чешую; края покрыты поперечными линиями, также нанесенными резцом. Эта фигурка насажена на восьмигранную ручку и является соединительным звеном между ручкой и горлом кувшина.

Крылатые звери вообще представляют излюбленный мотив орнаментации сасанидской утвари. На блюдах и кувшинах обычно встречаются Сенмувр,⁴ верблюд,⁵ лошадь⁶ и различные сказочные животные.⁷ Все эти образы сближает между собой одна и та же трактовка крыльев — обычно в виде овала или круга, обработанных чешуйками и оканчивающихся перьями. Таковы крылья коней, происходящих из Сибири, датируемые Я. И. Смирновым временем до н. э. Таковы крылья и сказочного зверя, украшающего блюдо, найденное в Глазовском районе Удмуртской АССР.⁸ Так же трактованы крылья верблюда, изображенного на кувшине, найденном в д. Мальцево, Соликамского района, Молотовской обл.⁹ и, наконец, блюдо со сказочным зверем, отнесенное Я. И. Смирновым к послесасанидскому времени. Из других памятников напомним еще раз ручку сосуда III в. в виде фигурки крылатого козла из собрания Берлинского музея¹⁰ и гипсовую медаль с изображением птицы, датируемую VI—VII вв.¹¹ В обоих случаях трактовка крыльев одинакова — с чешуей и длинными перьями.

¹ Л. А. Мацулевиц. Серебряная чаша из Керчи, стр. 25.

² A. Odobesco. Le trésor de Petrossa, табл. IV и табл. 29.

³ Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XLI, рис. 79.

⁴ К. В. Тревер. Собака-птица — Сенмувр и Паскудж. Сб. «Из истории докапиталистических формаций», Л., 1933, стр. 293.

⁵ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 49.

⁶ Я. И. Смирнов, табл. XXVII, рис. 9, 10.

⁷ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 22.

⁸ Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XXI, рис. 48.

⁹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 49.

¹⁰ «An illustrated souvenir of the exhibition of Persian art», sec. ed., стр. 8, рис. 22A.

¹¹ Там же, стр. 5, табл. 87.

Тот же характер имеют крылья Сенмувра, изображенного на одной из сасанидских тканей.¹

Приведенные аналогии показывают, что крылатые звери, широко распространенные в орнаментике памятников прикладного искусства, удерживали одну и ту же трактовку крыльев на протяжении весьма длительного времени, начиная с раннесасанидского и кончая раннемусульманским. В более древних памятниках греко-бактрийского искусства, где крылатые существа встречаются довольно часто, крылья переданы, хотя и в близкой, но все же иной трактовке. Так, например, дракон, изображенный на блюде, происходящем из окрестностей с. Новоузенка Куйбышевской обл., имеет крылья, состоящие из ясно различимых коротких и заостренных на концах перьев; оканчиваются крылья пятью длинными перьями.² Таковы же крылья богини Хванинды, изображенной на серебряном медальоне.³ Из ранних памятников только на пластинках, изображающих крылатых коней, крылья переданы в манере, близкой сасанидским памятникам, но с одной особенностью: поперек крыла одной фигуры проходит гладкая полоса, а поперек другой — полоса веревочного орнамента.⁴ Чешуйки, передающие оперение крыльев животных, широко распространены в орнаментации памятников сасанидского искусства.⁵ Этот же мотив встречается и на монументальных памятниках. Подобный орнамент покрывает, например, капители колонн из Тахте-Бостан.⁶

Конь с древнейших времен является одним из излюбленных мотивов иранского искусства. Выразительным примером является ритон III в. до н. э., оканчивающийся передней частью лошади,⁷ или чаша того же времени с изображением лошадей, происходящая из д. Квалпилревой, б. Соликамского уезда, Молотовской обл.

Передняя часть коня, украшающая ручку кувшина Исторического музея, имеет длинную морду и копыта, по которым он и определяется. Близкую по трактовке фигуру можно указать на чепраке, покрывающем спину слона, изображенного на фаларе из Эрмитажа.⁸ На свисающей нижней части чепрака изображен гиппокамп, морской конь, с длинной головой и развевающейся гривой, рыбьим хвостом, образующим изгибы. Фигура гиппокампа — мотив, часто встречающийся в эллинистическом искусстве.

Несмотря на эскизность передачи, этот гиппокамп — по его длинной морде, изогнутой шее и выброшенным вперед ногам — весьма напоминает коня на кувшине Исторического музея. Чрезмерная эскизность изображения фигуры на чепраке не дает возможности судить, что представляют выступы на голове коня: рога или уши, и что должны обозначать четыре линии на боку. Если так условно передано крыло, то сходство с фигурой коня нашего кувшина будет еще большим. Фалар со слоном, покрытым чепраком, датирован К. В. Тревер второй половиной II в. н. э.⁹ Еще ближе к разбираемой фигуре волк на пластинке из Дагестана, которую Я. И. Смирнов склонен датировать III-II вв. до н. э.¹⁰ Этого зверя сближает с фигурой нашего коня длинная раскрытая пасть, насечки на подбородке и верхней челюсти, прижатое овальное ухо и один рог, направлен-

¹ J. de Morgan, Mission scientifique en Perse, t. IV, Paris, 1897, стр. 323, рис. 189.

² К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, табл. 4.

³ Там же, табл. 13.

⁴ Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XXVII, рис. 9, 10.

⁵ J. de Morgan. Ук. соч., т. IV, стр. 306—307, рис. 181—184.

⁶ Там же, табл. 23.

⁷ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, табл. 33.

⁸ Там же, стр. 46. Передан в Эрмитаж из Кунсткамеры в 1850 г.

⁹ Там же, стр. 48.

¹⁰ Там же, стр. 92 и введение.

ный немного назад. Изогнутая шея и выброшенные вперед ноги дополняют сходство. Значительно менее близка голова сказочного зверя, украшающего блюдо из д. Томыз Глазовского района Удмуртской АССР.¹ Сходство заключается лишь в раскрытой пасти и рогах, слегка изогнутых вперед — деталь, заметная и на нашей фигурке. Эта особенность трактовки рога более раннего происхождения. Так, козлы, украшающие браслет ахеменидского времени, имеют изогнутые рога, концы которых повернуты немного вперед.² Так же трактованы рога козла, составляющего основание серебряного ритона V в. до н. э. Подобная передача удерживается до позднесасанидского времени.

Грива коня на кувшине Исторического музея изображена в виде волны. Подобный орнамент распространен весьма широко. Из ранних памятников можно указать на узор, обрамляющий чепрак слона на фаларе Кунсткамеры³, и чепрак слона на поливном сосуде II в. до н. э. из собрания А. А. Половцева.⁴ Этот узор встречается и на монументальных памятниках в резном камне III—IV вв. н. э., найденном на городище Варахша.⁵ Подобный узор встречается и позднее. Сошлемся на гипсовый сасанидский медальон VI—VII вв., где этот узор окружает фигуру птицы.⁶ Встречается он и в памятниках второго тысячелетия н. э.

Остановимся, наконец, на мотиве трехлепестковой пальметки, которой прикрепляется ручка в нижней части нашего сосуда. Центральный лист пальметки и две спирали прочерчены резцом. Этот мотив в разных вариантах широко распространен в орнаментике сасанидского времени. Весьма близка трехлепестковая пальметка, помещенная внизу изображения Сенмувра на блюде из д. Кышманово Глазовского района, Удмуртской АССР.⁷ Еще более близкую аналогию дают другие кувшины из Казахстана и Удмуртской АССР.

Анализ формы и орнаментации кувшина Исторического музея и привлеченные аналогии позволяют прийти к следующим выводам. Форма кувшина идет еще от римской эпохи и греко-бактрийских кувшинов. Весьма близки нашему кувшину сосуда, изображенные на бактрийских чашах I в. н. э. Разновидности этой формы кувшина бытуют в продолжение всей сасанидской эпохи. Ручка, украшенная передней частью крылатого коня, по своей форме сближается с памятниками первых веков н. э. Городчатый орнамент опять-таки имеет аналогии среди памятников того же времени.

Приведенные соображения заставляют датировать кувшин не позднее III—IV вв. н. э., т. е. не позднее раннесасанидской эпохи. Отсутствие систематики памятников сасанидского искусства затрудняет более точную датировку.

Сравнивая кувшин Исторического музея с аналогичными памятниками сасанидского искусства, нетрудно убедиться в большой грубости его отделки. Это особенно заметно на орнаменте — неровном и уплощенном, по грубо прочерченной пальметке и, особенно, фигурке коня. Она грубо насажена на дрот ручки, расклепанной на его груди, почти не подправлена после отливки; поверхность крыльев грубо разделена резцом, короткие ноги заканчиваются несоразмерно большими копытами. Эта фигурка,

¹ Там же, табл. XXI, рис. 48.

² O. Dalton. The treasure of the oxus, London, 1905, стр. 109, рис. 116.

³ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, табл. 1.

⁴ Там же, табл. 38, рис. 9.

⁵ В. А. Шишкин. Исследование городища Варахша и его окрестностей. КС ИИМК, вып. X, 1941, стр. 8, рис. 2.

⁶ «An illustrated souvenir of the exhibition of Persian art», sec. ed., стр. 5, рис. 87.

⁷ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 23.

выполненная несколько импрессионистично, производит впечатление провинциального произведения.

Место производства кувшина пока трудно определить, но, несомненно, это была периферия сасанидской империи. Кувшин скорее всего изготовлен где-то в Средней Азии — в местах, где сильны традиции греко-бактрийского искусства.

В Приуралье он попал по проторенному пути, в обмен на пушнину, и здесь испытал общую всем подобным памятникам участь, будучи закопан в одном из многочисленных кладов восточных вещей, которыми так славится Прикамье.

А. Н. БЕРНШТАМ

БУДДИЙСКАЯ ТЕРРАКОТТА ИЗ СУКУЛУКА

На левом берегу р. Сукулук, около прудов, примыкающих непосредственно к северной части с. Кагановичи (районного центра Фрунзенской обл.), на гребне водораздельной цепи холмов, расположено небольшое городище, четырехугольное в плане с длиной сторон до 100 м, ориентированное по странам света. К середине западной стены примыкает небольшая цитадель, на которой водружен современный триангуляционный знак. Городище почти целиком попало в зону строительства Большого Чуйского канала; в результате почти все культурные слои городища, залегающие по скатам холма на глубину до 11 м, были сняты. Мощность напластования объясняется тем, что поселение было, повидимому, расположено уступами по обоим скатам холма; культурные слои поэтому сползли с гребня к подошве. Обильный археологический материал убеждает в том, что это сравнительно небольшое поселение, древнее название которого нам неизвестно, существовало на протяжении V—XII вв. н. э. Это было поселение гончаров, что подтверждается обилием гончарных печей, обнаруженных в разных слоях городища; при этом печи, относящиеся к концу карахандидской эпохи (XII — начало XIII в.), были обнаружены с загруженной в них продукцией, брошенные, видимо, во время какой-то катастрофы, скорей всего во время монгольского нашествия.

Среди огромного количества самых разнообразных находок¹ обращает на себя внимание фрагмент кувшина с ручкой, внизу которой помещено наклепное украшение в виде человеческого лица² (рис. 32).

Фрагмент представляет собой горловину кувшина, тип которого хорошо известен по находкам в городищах Тали-Барзу и Кафыр-Кала под Самаркандом³ и вошел в археологическую литературу по Средней Азии

Рис. 32. Глиняный сосуд с городища на р. Сукулук (Фрунзенская обл.)

¹ Предварительный отчет об этих раскопках см. в нашей работе «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала». Фрунзе, 1943.

² Ук. соч., стр. 16—17, табл. VI, рис. 6—7 и на титульном листе.

³ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВ, т. II, стр. 101, рис. 2.

под названием кафыр-калинский тип. Это кувшин грушевидной формы, с вытянутой конической горловиной, имеющей угловой носик, наискось срезанный в конце. От закраины горловины к плечикам тулова идет плавно изогнутая ручка. Обычная высота таких кувшинов около 30 см. Поверхность кувшинов лощеная, покрыта светложелтым ангобом. Известны и металлические кувшины такой формы. Так, из окрестностей г. Фрунзе происходит клад серебряных вещей, среди которых был серебряный кувшин аналогичной формы.¹ Судя по находкам этих кувшинов в Кафыр-Кале, в слоях, точно датированных согдийскими монетами, а также по варварскому

Рис. 33. Изображение на ручке сосуда с городища на р. Сукулук (Фрунзенская обл.)

подражанию византийским клеймам на серебряном кувшине из Фрунзе, этот тип кувшинов можно датировать VI—VII вв.² Ни раньше этого времени, ни позже такие формы не наблюдались. Несомненно, глиняные кувшины имитируют металлические формы, являющиеся исходными.

К описываемому кафыр-калинскому типу кувшина относится и наш фрагмент, точно повторяющий характерные особенности этого типа.

От указанных выше памятников рассматриваемый фрагмент кувшина отличается сравнительно богатым убранством. По основанию горловины проходит незамкнутая полоса зигзагообразного орнамента, выступающего

¹ См. В. Городецкий. Серебряные сосуды из курганов с. Покровского Пишпекского уезда. Изв. Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1936.

² Близкие к этой форме кувшины воспроизведены на резной деревянной картине китайского художника Янь Ли-пэн (VII в.), рассмотренной в статье Werner Spies в г. Studien zu chinesischen Bildern. I. Die Teetrinken von Jen Li-pên. «Ostasiatische Zeitschrift», т. VI, вып. 6, 1931. Датировку серебряных кувшинов, найденных близ г. Фрунзе, на основании варварских подражаний византийским клеймам, впервые установил Л. А. Мацулевич (см. его Byzantinische Antike, Berlin — Leipzig, 1929).

слабым рельефом на тулове сосуда. Ручка в своей верхней (горизонтальной) части имеет цилиндрический выступ и три нащепки в виде кружочков. У нижнего основания ручки, как указано, находится скульптурная головка, исполненная особым штампом и затем примазанная к уже готовому кувшину.¹ Головка представляет собою (рис. 33) изображение мужского лица; общий округлый контур мягко моделирован, тонко проработаны губы, глаза слегка наклонены вниз внутренними углами, высоко подняты брови, плавно спускающиеся к переносице. На голове — убор в виде лобной повязки (диадемы?), состоящей из мелких кружков, идущих по низу и отходящих кверху вертикально поставленных лопастей, также охватывающих всю голову. Вершину головного убора, прикрывая тулью, составляет относительно большой круг.

По своему общему характеру эти скульптурные изображения, несомненно, восходят к буддийским образцам. Прекрасно выполненное штампом лицо достаточно ясно свидетельствует, что исходным образцом подобного скульптурного портрета являются характерные вэйские изображения будд и бодисатв в Китае,² в свою очередь восходящие к ранним гандарским статуям,³ где идеальный, созерцательный тип будды⁴ отражает классические античные,⁵ точнее ранние греческие, скульптурные образы.

Исходным прообразом нашего портрета явился гандаро-вэйский скульптурный портрет, исчезающий в эпоху Тан и уступивший место в Китае реалистическому римско-буддийскому портрету эпохи Сун.⁶

Аналогии трактовки лица издаваемого портрета дают многочисленные памятники, например, головка из Матура, хранящаяся в музее Лакнау,⁷ голова бодисатвы вэйского времени, хранящаяся в университетском музее Филадельфии,⁸ явно восходящая к традициям гандаро-кушанского искусства Матуры;⁹ головки с аналогичными пропорциями лица известны в коллекции Юй Юаня по публикации Вит,¹⁰ в бостонской коллекции, изданной Кобэрном.¹¹

¹ Аналогичные налеты в Средней Азии широко распространены в согдийской керамике (см. Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, ТОВ, т. II), а также в Восточном Туркестане, особенно в Йотокане. См. A. Stein. *Ancient Khotan*. Oxford, 1907, т. II, например, табл. XIV.

² E. Chavannes. *Six monuments de la sculpture chinoise*. «Ars Asiatica», Bruxelles et Paris, t. II, 1914.

³ Китайское искусство до эпохи Тан вообще находилось под сильным индийским влиянием. См. Ernest F. Fenolossa. *Ursprung und Entwicklung der chinesischen und japanischen Kunst*. Leipzig, 1913, гл. III.

⁴ О натуралистическом и идеальном типе будд см. E. Waldschmidt. *Die Entwicklungsgeschichte des Buddhahabildes in India*. «Ostasiatische Zeitschrift», 1930, вып. VI. Там же автор в более ранней работе Gandhara, Kutscha, Turfan (Eine Einführung in die frühmittelalterliche Kunst Zentralasiens), Leipzig, 1925, справедливо указывает, что для индийского искусства эпохи Гандары характерны не символы, а человеческие изображения (ук. соч., стр. 15). Положительную рецензию на эту книгу С. Ф. Ольденбурга см. в Зап. Коллегии востоковедов, т. II. На лаконичность скульптуры этого времени указывал А. Грюнведель (Краткие заметки о буддийском искусстве Турфана. ЗВО, т. XVIII, стр. 72).

⁵ Этой проблеме посвящены работы Фуше и Грюнведеля, индийского ученого Кумарсвами. См.: Ananda K. Coomaraswamy. *Geschichte der Indischen und Indonesischer Kunst*. Leipzig, 1927. На неправильность такого взгляда обратил внимание С. Ф. Ольденбург. См. Зап. Коллегии востоковедов, т. II.

⁶ С. Ольденбург. Пещеры тысячи будд. Журн. «Восток», кн. 1, Пг, 1922, стр. 64.

⁷ A. Foucher. *L'art greco-buddhique du Gandhâra*. Paris, 1905.

⁸ R. Grousset. *Les civilisations de l'Orient*, Paris, 1929, т. III, стр. 189, фиг. 153.

⁹ Ук. соч., стр. 190.

¹⁰ K. With *Bildwerke Ost- und Südasiens aus der Sammlung Ji Juan*. Basel, 1924, табл. 98—99.

¹¹ Fr. W. Courn. *Chinese Stone Sculpture of Boston*. The Burlington Magazine, 1911, стр. 12 сл., рис. А и Е.

Несколько сложнее обстоит дело с аналогиями головному убору. Подобную конструкцию его мы видим у бодисатв из Юн Мэн-шан (Китай, Шандун), изданных Освальдом Сиrenom,¹ на статуях из Муртука (Синьцзян),² у будд из Дандан-Ойлыка (Синьцзян),³ на памятниках из коллекций Калькуттского музея (Индия).⁴

Пожалуй, ближайшей аналогией является изображение головных уборов у бодисатв — в сценах праниды на кызылских фресках из Кучара, датируемых Грюнведелем VI—VIII вв.⁵

Отсутствие урны на нашем изображении, а также, повидимому, и ушницы (последняя, возможно, скрыта головным убором) склоняет нас к предположению, что это изображение не будды и может быть даже не бодисатвы.⁶ Атрибуты, слабо намеченные штампом на сукулукской терракотте, дают возможность полагать, что это скорее всего изображение буддийского гения богатства, что вполне вяжется с возможной функцией изображения — служить на пользу владельца кувшина. Фуше⁷ отмечает такое гения богатства в виде божества Рапейка, а аналогичные головные уборы указывают на изображениях представителей высших каст.⁸ Во всяком случае, культово-магическая функция налеса несомненна, с чем согласуется и вероятный смысл трех налепов в виде кружков на ручке сосуда, обозначающих три стихии вселенной (земля, вода и небо).

Техника изготовления сосуда, резко отличная от местной ремесленной традиции того времени, синтетический образ налеса, выполненного штампом, — все это дает основание предполагать, что перед нами произведение иноземного происхождения, всего вероятней согдийского. Вместе с тем любопытно, что среди точно датируемых памятников буддийского типа, обнаруженных нами в Семиречье,⁹ и известных нам по музейным коллекциям¹⁰ и публикациям,¹¹ буддийская терракотта из Сукулук является одной из наиболее ранних и одной из наиболее совершенных. В совокупности с другими находками она позволяет утверждать, что в VI—VII вв. интерес к буддийской тематике в Семиречье у местного населения несомненно созрел, что обеспечивало успех буддийской пропаганды Сюань Цзана, посетившего в 630 г. этот край.¹²

¹ Osvald Siren. Histoire des arts anciens de la Chine, m. III — La sculpture de l'époque Han à l'époque Ming. Paris et Bruxelles, 1930, табл. 75. См. его статью «Sculpture» в сб. «Chinese Art» — «Burlington Magazine Monographs», 1925, табл. II.

² J. Hackin. Recherches archéologiques en Asie Centrale. Revue des Arts asiatiques, т. X, № 2.

³ A. Stein. Ancient Khotan. Oxford, 1907, т. II, табл. X.

⁴ A. Grünwedel. Buddhist art in India. London, 1901, стр. 203; см. стр. 196, рис. 144: бодисатвы, происходящие из Элура.

⁵ A. Grünwedel. Alt-Kutscha. Berlin, 1920, табл. III—IV, рис. 2.

⁶ Впрочем, С. Ф. Ольденбург среди хотанской бронзы из собрания Н. Ф. Петровского отмечал ряд будд без уоны. См. С. Ф. Ольденбург. Заметки о буддийском искусстве. Восточные заметки, СПб., 1895, стр. 364—365.

⁷ A. Foucher. L'art greco-buddique du Gandhāra, Paris, 1905, рис. 36.

⁸ Ук. соч., стр. 102, сл.

⁹ Отмечались нами в работах: «Археологический очерк северной Киргизии» (Фрунзе, 1941, стр. 87 сл.), ср. табл. VII, а также «Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала» (Фрунзе, 1943, табл. VI).

¹⁰ Коллекции Музея истории национальной культуры киргизского народа в г. Фрунзе, Центрального музея Казахстана в Алма-Ата и др.

¹¹ См., например, Ф. Поярков. Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегам оз. Иссык-Куль. Памятная книжка Семиреченской области, Верный, 1898, т. II, Ср. М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Материалы Узкомстариса, вып. 1. Ташкент, 1933.

¹² Да Тан Си юй цзи. Цзюань I. Переводы см. у St. Julien и E. Beal.

М. М. КОБЫЛИНА

КРАСНОФИГУРНАЯ ПЕЛИКА ЯЛТИНСКОГО МУЗЕЯ

В Ялте, в Музее краеведения, находится уникальная греческая ваза, краснофигурная пелика необычайно больших размеров, украшенная росписью с обильным применением накладной краски¹ (рис. 34, 35). По размерам к ней приближались лишь две расписные пелики Историко-археологического музея в Одессе² (рис. 36, 37).

Ваза имеет позднюю форму с широким раструбом горла и профилированным краем, длинной шейкой, переходящей в четко сформованные плечи. Вся поверхность тулова покрыта криволинейной росписью. На лицевой стороне изображена амазономахия (рис. 34). В центре — амазонка на коне, скачущая вправо и отбивающаяся от нападающего на нее слева грека. Голова и верхняя часть тела амазонки повернуты влево, в сторону грека, рука с коротким мечом высоко занесена для удара; грек, прикрываясь щитом, стремительным движением направляет на всадницу копье. Направо от этой сцены представлен бой пешей амазонки с греком: амазонка, высоко подняв обе руки с оружием, собирается нанести удар греку, который, отступая, закрывается щитом; у ног сражающихся изображены: слева — раненые амазонка и грек, продолжающие борьбу на коленях, при этом амазонка отступает от более сильного противника; справа — две раненые амазонки, пытающиеся подняться.

Амазономахия является очень популярной темой росписей на боспорских пеликах и связана со сказаниями о древней Скифии и ее обитателях.³ Наиболее распространена была композиция из двух фигур — амазонки на коне и пешего грека. На ялтинской вазе эта группа соединена с несколькими

¹ № 2572. Высота — 0.722 м, окружность тулова — 1.33 м, длина ручки — 0.31 м, окружность шейки — 0.638 м; диаметр устья — 0.37 м, диаметр ножки — 0.22 м. Происхождение неизвестно. Сохранность прекрасная.

² Одесса. Истор.-арх. музей, инв. III/3808; куплена у Гаумана; высота — 0.58 м, окружность тулова — 1.075 м, окружность шейки — 0.555 м, длина ручки — 0.24 м, диаметр устья — 0.144 м, диаметр нижний — 0.09 м. Другая пелика: Одесса, Истор.-арх. музей, инв. 718. Происхождение неизвестно; высота — 0.47 м, окружность тулова — 0.90 м, окружность шейки — 0.385 м, диаметр устья — 0.258 м, длина ручки — 0.22 м; размеры приблизительные, вследствие плохой сохранности вазы.

³ В древних схолиях к Илиаде говорится об амазонках, как о дочерях Ареса и Афродиты, вскормленных у Фермодонта, реки в Скифии. Геродот пишет об амазонках, которых греки победили при Фермодонте и повезли на кораблях, как пленниц, в то время как другие амазонки напали в открытом море на греков, изрубили их и затем прибыли на Мэотидское озеро, в землю свободных скифов. Ликофрон рассказывает о том, что амазонки грабили и угоняли скифских коней. Платон сообщает, что между народами Понта есть множество женщин, которых называют савроматидами и которые не только ездят верхом, но и владеют луком и прочим оружием и упражняются в употреблении его наравне с мужчинами. См. В. В. Латышев. Сказания древних писателей о Скифии. СПб., 1893.

другими. Сочетание отдельных групп здесь весьма своеобразно, композиция их не повторяет обычных росписей поздних пелик. Конь и сидящая на нем амазонка большей частью изображены или вправо, или влево — навстречу наступающему греку. На ялтинской пелике амазонка приготовилась нанести удар, обертываясь назад. Это движение амазонки показано и на вышеупомянутой одесской пелике.¹ Столь же необычна и группа с амазонкой, поднявшей топор: мотив этот восходит к росписям V в.; аналогией может служить роспись Нью-Йоркского кратера с изображением амазономахии.² Упавшие раненые амазонки представлены слившимися в одну фигуру; такая схематизация вызвана, с одной стороны, малым пространством, в котором они помещены, а с другой — общей тенденцией к орнаментальной выразительности рисунка.³ Близкие изображения найдем на пелике Государственного исторического музея (№ 19334) и на пелике Ялтинского музея (Чайк., 499), где на переднем плане представлены упавшие раненые грек и амазонка с неполностью обрисованными ногами. Нижняя группа слева также схематизирована: нижняя часть фигуры амазонки передана общей массой, скрывающейся за гранью ов; ноги грека ниже колена не показаны. Более ранние изображения этого рода имеют более детальное и тонкое исполнение, например, на кратере из Руво: левая нога упавшего на колено грека здесь изображена в ракурсе, правая протянута в сторону.

Особенностью росписи ялтинской пелики является плоскостная трактовка пространственно задуманных фигур и групп. Вазописец стремился к декоративному эффекту. Отдельные группы связаны в единое целое: движение поднятых рук амазонки справа и правой руки амазонки слева смыкают эти две центральные фигуры, принадлежащие двум отдельным группам; боковые фигуры воинов замыкают композицию; нижние группы заполняют свободное пространство между верхними.

Обращает внимание различие масштаба — почти все фигуры сражающихся имеют различные размеры и пропорции в зависимости от занимаемого ими места, например, пешая и конная амазонки; внутренний рисунок и силуэт их упрощены.

На красные фигуры обильно наложены краски, в цвете глины оставлены лишь обнаруженные части мужских фигур. Одежда сражающихся исполнена белой краской с голубыми полосами; на одежде конной амазонки видны остатки красновато-розовой и сиреневой краски, лошадь была, вероятно, белая. Детали (сбруя лошади, вооружение, украшения щита) сделаны рельефно накладной глиной и пройдены коричневой краской. Краски наложены сплошными плоскостями, фигуры не лепятся, а кажутся цветными пятнами, ритмично скомпонованными.

Несколько иначе, но столь же эффектно расписана другая сторона пелики (рис. 35). Она заполнена меньшим количеством фигур и при этом больших размеров; роспись исполнена в краснофигурной технике с меньшим применением лишь для деталей накладной краски: она кажется более монументальной и строгой. Вместе с тем, ее орнаментально-плоскостной характер выражен еще ярче. В центре представлена конная амазонка, скачущая влево и направляющая копье на греческого воина слева, направо

¹ В скульптуре этот мотив встречается на рельефах со стенами амазономахии, например, на фризе храма Аполлона в Бассах (Springer Walters, Leipzig, 1923, стр. 305) и на фризе Галикарнасского мавзолея (Вауп-Вгискманн, табл. 96—100).

² E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, т. III, рис. 506.

³ На обратной стороне той же пелики изображены две упавшие амазонки в виде отдельных фигур. Мотив упавшей и пытающейся подняться фигуры найдем на вазах VI—V вв. (E. Pfuhl. Ук. соч., т. III, рис. 228).

другой греческий воин поражает копьем упавшую амазонку. Характерен простой линейный ритм строгого соответствия. Здесь центр выделен одной фигурой; под ногами пеших воинов, представленных в энергичном размашистом движении, изображены две фигуры приподнимающихся раненых. Скачущая амазонка и раненая амазонка справа показаны со спины; вдоль спины проходят две широкие черные полосы, отгибающиеся в сторону двумя волютами, рукава и анаксириды украшены крупными черными точками. Обнаженное тело греков расчленено, как и на лицевой стороне пелики, лишь несколькими выразительными линиями мускулов; хитон, перевязанный на талии, передан крупными и прямыми складками, расходящимися от плеча и от талии. Фигура лежащего воина, пытающегося подняться, опираясь о землю руками, срезана полосой так, что не видно ни ног, ни кистей рук. Согнутая в колене правая нога лежащей амазонки не чувствуется под плоскостью одежды. Жирные черные линии выделяют те части фигур, которые врезаются в орнамент под ручками вазы.

Сверху и снизу роспись обрамлена орнаментом; на одной стороне сверху пять полос — меандр, чередующийся с шашечным орнаментом, овы с рельефной сердцевинкой, редко расставленные рельефные точки, овы и снова полоса меандра и шашечного орнамента. На другой стороне — две полосы ов с широкой темной сердцевинкой, между ними орнамент в виде волны. Такое обилие орнамента на горле вазы связано и с ее большими размерами, и с общей тенденцией к заполнению свободной поверхности.

Под росписью кругом вазы проходит широкая полоса меандра, чередующаяся с шашечным орнаментом. Такое завершение росписи, характерное для кратеров и среди боспорских пелик, встречается лишь на трех вышеуказанных пеликах больших размеров.

Под ручками вазы поднимается пальметта с множеством листьев на равном расстоянии один от другого; при этом, центральный лист имеет стреловидную форму, остальные плоско срезаны сверху; две большие раковины охватывают пальметту с обеих сторон; к раковинам примыкают пальметты, которые разворачиваются между ногами фигур, разрезаемые последними части пальметт рельефно выделены. Над большой пальметтой поднимается другая, заполняющая основание ручки; между центральным ее листом и боковыми помещены дополнительные треугольники.¹

Такая пальметта — плоская, со срезанными лепестками, с раковинами, похожими на геометрический узор, — развивалась в IV в. из более ранней пластической пальметты с завитками и усиками.²

Прекрасную аналогию представляет вышеупомянутая пелика Одесского музея. Роспись лицевой стороны (рис. 36) близка обратной стороне Ялтинской пелики, но отличается от нее большей выразительностью, одушевлен-

¹ Jacobstal (*Ornamente griechischer Vasen*, Berlin, 1927, стр. 176) отмечает, что такие треугольники между средним лепестком пальметты и боковыми начинаются очень рано, уже на Мюнхенской амфоре ВАУ 292/у Полигнота (табл. 112а), у Мидня, и являются очень распространенными на южноиталийских вазах.

² Повидимому, мотив раковины появился раньше на гидриях и арибаллических лекифах, где он возник из сложного орнамента, состоящего из усиков, образующих петли, и заполняющих их полупальметт (Jacobstal, табл. IIIа, б, с, д). Постепенно листики пальметт утрачивают радиальное направление и становятся перпендикулярными и параллельными очертаниями петли (там же, табл. 116а). Превращение пальметты в раковину хорошо прослеживается на итальянских вазах (см., например, стамбос ГМИИ, II, I, № 607), южноэтрусской амфоре в Мюнхене (там же, табл. 115с), кампанской гидрии в Берлине (там же, табл. 146), кампанской гидрии в Вюрцбурге (там же, табл. 58а), кампанской амфоре в Берлине (там же, табл. 59в). На лекифах схема раковины происходит от одного или нескольких лепестков, выходящих из завитка спирали (там же, табл. 127а, в, с). В этом отношении любопытен арибаллический лекиф ГМИИ, III, I, № 503, начала IV в., где в одной петле изображен лепесток, а другая петля превратилась в раковину.

ностью как целого, так и отдельных фигур, исполненных в монументальных формах, с более живым и пластичным контуром. Все фигуры там одного масштаба. Особенно это заметно при сопоставлении центральных фигур конной амазонки: на ялтинской пелике она очень маленькая, стиснутая боковыми большими фигурами, на одесской она доминирует, выступая светлым пятном, отодвигая на задний план боковые фигуры. Тонкий рисунок сочетается с обильным применением накладной краски. На одесской пелике греки изображены в коротких хитонах, скрепленных на плечах, в шлемах с развевающимся панашем, с оружием на перевязи, пересекающей грудь. Несколькими сочными линиями выделены мощные мышцы шеи и груди, напряженные мускулы рук и ног. Воин слева представлен в позе стремительного наступления: сделав широкий шаг вперед и защищаясь щитом, он направляет на амазонку копьё, на хитоне его видны остатки белой и голубой краски. Грек справа изображен так же выразительно: слегка наклонясь, быстрым движением он поражает копьём побежденную амазонку. Центральная фигура конной амазонки вся покрыта белой краской, по которой разбавленным лаком нанесены детали: упряжь, точечный орнамент, детали костюма, щит; перевязи покрыты накладной коричневой краской. Раненые амазонки и грек, помещенные у ног сражающихся, исполнены более схематично.

На обратной стороне одесской пелики изображены две амазонки, отбивающиеся от огромного грифа, под ногами грифа на переднем плане упавшая амазонка (рис. 37). Фигура могучего грифа, заносящего левую лапу над раненой амазонкой, очень декоративна и эффектна, хотя исполнена весьма схематично: левая часть грифа непропорционально массивна сравнительно с более легкой правой. При очень больших размерах фигура расчленена лишь несколькими мягко круглящимися линиями, подчеркивающими эластичность движения ног; членение груди орнаментально схематично; крылья очень малы. Фигуры амазонок имеют очень длинные ноги и короткую верхнюю часть тела. Диспропорция фигур всецело диктуется формами вазы и требованиями общего ритма. Амазонки, сильно отклонясь назад и опираясь на далеко оставленную ногу, собираются нанести удар грифу: левая направляет копьё, правая замахнулась мечом. Замыкая композицию, амазонки врезаются в боковые пальметты. Амазонка, лежащая под ногами грифа, изображена в три четверти, лицо же в профиль; она пытается подняться, опираясь о землю обеими руками; контур верхней части фигуры и движение линий складок передают мягкие формы и поворот тела, нижняя же часть тела схематична — левая нога не видна, правая резко отделена черной полосой от края одежды. Крупные фигуры амазонок и грифа размещены на поверхности вазы очень тесно. Гриф и лежащая амазонка вырисовываются на переднем плане, закрывая частично ноги обеих сражающихся амазонок; последние заполняют все свободное пространство и сливаются с орнаментом боковых частей вазы. Орнамент на горле так же сложен, как и на ялтинской пелике, но несколько иной: сверху — полоса волны, затем полоса ов, снова волна и снова овы; на другой стороне — волна между полосами ов. На лицевой стороне овы имеют рельефную сердцевину.

В общем стиль росписи на обеих пеликах один и тот же. Его существенной особенностью является упрощенный и выразительный рисунок, исполненный кистью, местами переходящий в мазок, и переход от чистого контурного рисунка к живописному пятну. Тонко выполненные детали, столь характерные для греческой вазописи V в., здесь отсутствуют. Лица переданы небрежно, суммарно очерчен контур лица с большим носом и широко раскрытым глазом в ракурсе в виде огромного черного пятна между двумя сходящимися линиями; одним длинным штрихом показана

Рис. 34 Краснофигурная пелика Ялтинского музея (инв. № 2572)
Лицевая сторона (А)

Рис. 35. Краснофигурная пелика Ялтинского музея (инв. № 2572)
Оборотная сторона (B)

Рис. 36. Пелика Одесского музея (инв. ш/3808). Лицевая сторона (А)

Рис 37. Пелика Одесского музея (инв. ш 3808). Обратная сторона. Деталь

бровь; общий силуэт выделяется широким черным мазком (например, ноги амазонок на одесской пелике), головной убор и одежда расцвечены белой накладной краской, черными пятнами, широкими темными полосами.

Фигуры имеют вытянутые пропорции, одежда не передает форм тела и большей частью представляет плоскости, расчлененные орнаментом — волютами, большими черными точками, широкими черными полосами; или же представляет плоскости, сплошь покрытые краской, — обычно белой с голубыми широкими полосами. Характерна также трактовка деталей — оружия, сбруи, украшений, исполненных накладной глиной и пройденных коричневой краской. Фигуры и орнамент сливаются в единую красочную ковровую ткань, где особое значение играет цветное пятно. Мы наблюдаем отход от краснофигурного стиля с его тончайшим и пластическим рисунком, ритмической выразительностью линий и от их целостной связности с формой вазы. Перед нами обобщенные широкие мазки, светлые и темные пятна, красочные поверхности, размещенные с декоративной выразительностью.

Ялтинская пелика является ярким образцом стиля росписей большой группы боспорских пелик конца IV — начала III вв. Тематика росписей этой группы ваз связана с местными сказаниями об амазонках, аримаспах и грифах. Среди них выделяются пелики довольно больших размеров с изображением боя пеших амазонок с пешими греками (например, ГИМ, № 19334; Симферопольский музей № 134/293 и др.). Пелики этой группы датируются монетами и стилистическими аналогиями. Так с монетами конца IV — начала III вв. найдена пелика Эрмитажа, № 25 E (Бурачков, XX, 70—71, дата А. Н. Зографа), Эрмитаж № 45 A (Бурачков, XX, 91—92, дата А. Н. Зографа),¹ Эрмитаж, № 16907 (Керчь, 1908, № 103) (Бурачков, XX, 93, дата А. Н. Зографа).² К этой группе относятся пелики ГИМ, № 11291 (Керчь, V, 12), Эрмитаж, № 45 с изображением амазономахии с фигурой конной амазонки; пелики ГИМ, № 44 п., 4303; Эрмитаж, № 51; Ялта, № 2551, 2569; Керчь, № 56 с изображением грифа, борющегося с двумя амазонками.

Характерно, что почти на всех пеликах этой группы гриф покрыт белой краской вместе с крыльями. Он близок изображениям грифов на капители пилястра храма Аполлона Дадимейона, датируемого 320 г.³

В том же стиле исполнены пелики с изображениями головы, вернее протомы амазонки, коня, грифа — в собрании ГИМ, № 43938; Керчь V, 6 в.; V, 6; V, 6е; Керчь, № 45, Эрмитаж, № 19; 65с; 15509; 63; Феодосия № 320. На фоне протомы лошади вырисовываются лицо и шея амазонки, выделенные широкой черной линией и прядями волос около шеи и покрытые белой краской; гриф имеет маленькую голову и стилизованные формы крыльев, очерченных широкой черной полосой, расчлененных косыми прямыми линиями и крупными белыми точками. Эта группа ваз с росписью, отличающейся выразительным рисунком, сочными контурами фигур, красочными контрастами, сосуществует с росписью несколько иного стиля — с более бледным рисунком, исполненным тонкими и мало выразительными линиями, например, Эрмитаж, № 14582. Стилистическим различиям росписи отвечают и различия в формах: форма наших ваз столь же выразительна, как и рисунок, и имеет четко выступающие плечи, массивные вертикальные, иногда немного прогнутые, ручки, вверху немного расширяющиеся, массивный профилированный ободок горла. Наоборот, пелики с бледным рисунком имеют менее тектоническую, более вялую форму с мало выразительными очертаниями. См., например, Эрмитаж, № 14582 (найдена с монетой конца IV — начала III вв.).

¹ ИАК, вып. 30, стр. 18—19, рис. 12.

² ОАК, 1866, стр. XI.

³ ИАК, вып. 60, стр. 23, рис. 5. Arch. Anzeiger, 1913, стр. 181, рис. 7.

Помимо этих двух резко контрастирующих направлений наблюдаются смешанные, где при довольно выразительном эскизном рисунке встречается вялая форма вазы.

Среди этих пелик ялтинская ваза и обе одесские занимают особое место по монументальности и выразительности рисунка, смелости многофигурной композиции и оригинальности сочетания уже известных, давно найденных отдельных мотивов.

Переход от линии и графического контура к пятну мы наблюдаем и на других греческих вазах IV в., например на италийских, особенно кампанских.¹ Но наши вазы носят свой особый, местный отпечаток.

Монументальный характер росписи ялтинской пелики, особая роль накладной краски ставят вопрос о возможности влияния или отражения в росписях ваз конца IV — начала III вв. до н. э. монументальной живописи. Близкими аналогиями являются рельефы сидонских саркофагов и этрусских урн, тесно связанные с живописью своего времени.² На саркофаге Александра Македонского найдем аналогичные изображения всадника на галопирующем коне с занесенной над головой рукой для удара.³ Композиция этого саркофага близка, как смелостью построения движения, так и простотой, некоторой обобщенностью форм и красочностью; детали были расцвечены, одежда расписана цветными полосами.

Самой близкой аналогией являются росписи на саркофаге из Корнето,⁴ который датируется временем около 300 г. Мы видим здесь изображение амазонки на белом коне, галопирующей между двумя пешими греками (рука занесена над головой для удара), и лежащую амазонку, опирающуюся на одну руку и поднявшую вверх другую. Возможно, что именно стенная декоративная живопись оказала влияние на вазовую живопись этого времени, как это определенно можно сказать о гидриях Хадра и других вазах эллинистического времени.

Подчеркивая общность стиля росписей ялтинской пелики и греческого искусства конца IV — начала III вв., вместе с тем, мы не можем не обратить внимание на местный вкус как в выборе сюжетов, так и в орнаментальной узорчатости рисунка, в тенденции к декоративно-плоскостному решению. Местное искусство, известное нам по каменным изваяниям, росписям склепов и керамике, характеризуется именно этими чертами.

Встает вопрос о месте производства рассматриваемых нами vaz.

По поводу места производства боспорских пелик у исследователей античного искусства имеются утверждения только самого общего характера, причем обычно их относили к Аттике.⁵ Наличие в европейских музеях пелик, открытых в тех местностях, куда Афины вывозили свою керамику, очень часто совпадающих с боспорскими и по тематике и по стилю, делает очевидным аттическое происхождение краснофигурных vaz с Боспора.⁶

¹ E. Pfuhl, т. III, рис. 628.

² Jahr D. A. Inst., т. X, 1895, рис. 1.

³ Там же, рис. 5.

Journal of Hellenic studies, т. IV, 1883, табл. XXXVI.

⁵ Martha, L'art étrusque. Paris, 1899, стр. 483; Henrey. Têtes de Femmes sur vases peints, Monuments grecs, т. II, стр. 25. Е. Ф. Штерн. Значение керамических находок на Юге России для выяснения истории Черноморья. ЗООИД, т. XXII, стр. 9. Его же, Феодосия и ее керамика, стр. 38. Payet et Collignon. Céramique grec, 1898, стр. 292. Archeol. Anzeiger, 1925, т. I, вып. II, стр. 133. Monumenti antichi dei Lincei, т. II, 1901, стр. 384, рис. 66. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 166, 198, 199. М. И. Ростовцев. Боспорское царство. — III, стр. 5—6.

⁶ S. Reinack. Répertoire des vases, т. I, стр. 130; Collignon — Couve. Catalogue du Musée d'Athènes. Paris, 1903, стр. 395, № 1859/1684, 1860/1445, стр. 591.

Связь росписей поздних боспорских пелик с аттическим искусством несомненна. Но известно, что бывали случаи переселения аттических художников в города Северного Причерноморья. Ярким примером является афинянин Ксенофан: рельефные вазы его работы с изображениями грифов и амазонок, с обильным применением накладных красок, носят печать туземного искусства.

Тяжелые громоздкие наши пелики, расписанные хрупкими накладными красками, скорее всего были исполнены на месте. Их близость к ранним акварельным вазам явно местного производства подтверждает это предположение. Акварельные вазы, как показывают совместные находки, появляются в конце IV в. Так, многие из них найдены с краснофигурными вазами¹ и с монетами конца IV — начала III вв.² При этом многие из этих пелик, вероятно самые ранние, чрезвычайно правильно передают формы поздней краснофигурной пелики конца IV в., делая силуэт более примитивным. Так, пелика Исторического музея № 15327 почти совпадает по форме с пеликами Херсонес, № 1; Херсонес, № 3; Керчь, № 47 и Керчь, № 25; ср. также Эрмитаж, № 162.

Акварельная пелика Керченского музея, найденная вместе с краснофигурной леканой в кургане № 1 по дороге в Карантин, передает другой тип поздней формы краснофигурной пелики, высокий и стройный с раздутым туловом, очень узким горлом с длинными ручками, вверху они торчат в сторону, у основания вдавлены, ободок развит. Очень близкую форму имеет пелика Исторического музея (инв. № 4302).

По темному фону этих пелик нанесен акварелью рисунок, воспроизводящий мотивы краснофигурных пелик; на В — раздутые Mantelfiguren, на А — амазономахию, грифов, журавлей. На пелике Исторического музея № 15327 на А изображена женская голова и голова лошади, на В две фигуры в гиматиях по сторонам пилеастра. Под ручками — своеобразно искаженная пальметта в рамке, на шейке — пестрый орнамент. Другие воспроизводят сцену боя пешего воина с конной амазонкой.³ В раскраске фигур они подражают поздним краснофигурным вазам: мы видим белую краску на лошади, лиловую и голубую на одежде амазонок, красную на теле воина и желтую на щите. Красной краской изображены Mantelfiguren, черной даны складки гиматий. На одной из пелик⁴ изображена амазонка, борющаяся с двумя грифами, на которых заметны следы белой краски. На другой⁵ представлена сцена амазономахии: грек борется с двумя амазонками. Обнаженные части тела и лицо воина покрыты красной краской, хитон белого цвета, лиловый панцырь, в руке белый щит. Голова амазонки окрашена в белый цвет, на голове ее фригийский колпак, она прикрывается белым щитом. На земле между сражающимися лежит другая амазонка под белым щитом, с белым лицом и красным головным убором; рисунки носят

№ 1854—2199, *Corpus Vasorum Antiquorum*, Coll. Meuret, т. X, рис. 24. Rud. Ballheimer. *Griechische Vasen aus dem Hamburger Museum für Kunst und Gewerbe*. Hamburg, 1905, стр. 45, № 11. E. Pottier. *Vases antiques du Louvres*, т. III. Paris, 1922, д. 529, д. 530; Nicole. *Catalogue des Vases peints du Musée National d'Athènes*, табл. XX, № 1138. *Atti dei Lincei Notizie degli Scavi*, 1927 (V), Reg. VIII, стр. 154. A. de Ridder. *Catalogue des vases peints de la Bibliothèque nationale*, т. II, Paris, 1902, стр. 294, табл. XVI, № 409. *Excavations at Olynthus*. P. V, 1933, pl. 120—121.

¹ ОАК, 1892, стр. 29; ИАК, вып. 30, стр. 76, № 74; стр. 83; № 98; ОАК, 1874, стр. IX; ОАК, 1875, стр. XII.

² ИАК, вып. 56, стр. 52 с монетой, Бурачков, XX, 88—89; ИАК, вып. 40, стр. 64 с монетой. Бурачков, XX, 62; М. И. Ростовцев. *Скифия и Боспор*, стр. 271 с монетой, Бурачков, XX, 70—71.

³ ОАК, 1872, стр. XXVI; ИАК, вып. 65, стр. 165.

⁴ ОАК, 1891, стр. 32.

⁵ ОАК, 1892, стр. 29.

кустарный грубый характер с расплывчатыми контурами, неправильными пропорциями. Эти вазы продолжают бытовать и позднее, в III—II вв. до н. э., но они скоро утрачивают греческие формы и греческие темы.

Наличие гончарных мастерских в греческих городах Северного Причерноморья, а именно в Херсонесе, Керчи, Феодосии, свидетельствует о существовании широкого и солидного местного гончарного производства (остатки гончарных печей, ямы для приготовления глины, колодцы и каналы для сбора и хранения воды, складочные помещения для терракотг и форм и т. д.). Доказанное в области терракотовой пластики на основании множества форм для оттискивания местное производство остается до сих пор недостаточно ясным в области краснофигурной керамики, но материал местной керамики, очень богатой, разнообразной, все более и более утверждает предположение о возможности местного производства и в этой области.

А. Л. МОНГАЙТ

РЯЗАНСКИЕ ГИРЬКИ

Найденные в 1891 г. в Старой Рязани гирьки представляют большой интерес, и притом не только для истории рязанской торговли. Подобные гирьки известны по находкам из многих других мест и связаны с общерусской торговлей с Востоком. Четыре из найденных в 1891 г. гирек имеют форму шаров разных диаметров, с двумя параллельно срезанными сегментами. Гирьки железные и поверхности их сплошь обтянуты бронзовой оболочкой. На плоских поверхностях бронзовой оболочки сверху и внизу вырезаны знаки. Вес гирек следующий: 33 зол. 81 доля, 13 зол. 16 долей и две по 9 зол. 33 доли. Пятая гирька имеет форму двух усеченных конусов, сложенных своим основанием. Гирька отлита из меди и весит 7 зол. 51 долю.¹

Исследовавший эти гирьки А. И. Черепнин установил, что на их плоской поверхности имеются загадочные рисунки, похожие на арабские письмены, но вместе с тем не являющиеся письменами никакого из известных народов. Среди рисунков, представляющих зигзагообразные или кривые линии, помещены кружочки, которые, вероятно, одни и имеют значение, так как число кружков на каждой гирьке соответствовало ее весовому отношению к другим гилям, т. е. равнялось 4 : 5 : 7 18 (на последней гире 11 кружков, но, судя по их расположению, Черепнин считает, что нужно читать $9 \times 2 = 18$). Черепнин считает, что эти гирьки представляют несколько частей какой-то весовой единицы, употреблявшейся в древней Руси. Сравнивая знаки на гирьках и их веса для гирек старорязанских и подобных им с найденными во Владимире и в Булгаре, Черепнин устанавливает, что кружки на гирьке обозначают количество содержащихся в ней весовых единиц. Каждый кружок соответствует одной весовой единице, которая равна примерно 128—129 гранам (ввиду несовершенства производства гирек, а также долгого их лежания в земле нет математической точности в весе отдельных гирек). Сделав эти правильные заключения, Черепнин пошел дальше по ложному пути, пытаясь доказать, что рязанские гири составляют части древнего ансыря, имевшего 136 зол и делившегося на 72 части по 130 гранов каждая. Для этого он привлекает косвенные, построенные на весьма шаткой основе доказательства. Так, ссылаясь на «книгу Дизим», сообщающую о весе русских денег в XVI в., и находя, что в это время ансырь, возможно, был равен 136 зол., он считает возможным утверждать, что таким же ансырь был в начале XI в. (этим временем, как мы увидим дальше, датируются рязанские гирьки). Это предположение мало убедительно. Тяжесть весовых единиц одного и того же названия не оставалась неизменной в течение веков, и поэтому нельзя считать на основании позднейших данных, что ансырь в XI в. весил 136 зол., тем более, что

¹ Тр. Рязанск. ученой архивн. комиссии, т. XVIII, вып. 1, стр. 141—142.

такой ансырь и для XVI в. является весьма сомнительным. По крайней мере, ни в каком источнике он не назван.

В XVI — начале XVII вв. были известны два ансыря, о которых сообщает Торговая книга: «Ансырь досюда был Бухарский, весит полтри гривенки малых и восемь золотников, а всего в ансыре 128 золотников..., а нынешний ансырь весит фунт и 96 золотников». ¹ И. Кауфман в своей работе «Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени» остроумно опровергает предположения о заимствовании западного веса на Руси и доказывает, что в основе русской весовой системы, так же как и монетной системы, лежал арабский вес. Основываясь исключительно на теоретических данных и на весе монет, Кауфман не обратился к таким вещественным памятникам, как гири, и совершенно не принял их во внимание. Между тем только практическая работа над вещественными памятниками могла бы вывести вопрос о происхождении русского веса из области догадок в область точного научного исследования.

Кауфман считал, что самое название ансыря свидетельствует об его восточном происхождении, что этот вес был принесен к нам арабами и что из двух названных в Торговой книге ансырей в 96 и 128 зол. именно вес в 96 зол., вопреки свидетельству Торговой книги, является более древним, и он лег в основу русской гривны и, следовательно, вообще русской монетной системы и системы веса.

Доводом в пользу того, что ансырь в 96 зол. был домонгольской гривною, Кауфман считает отсутствие гривен весом в 128,54 или 32 зол. и широкое распространение гривны в 48 зол., составляющей половину ансыря.

Соглашаясь с Кауфманом, что гривна первоначально была одновременно весовой и денежной единицей, нельзя признать правильным его утверждение, что она всегда равнялась 48 зол. Домонгольские гривны часто весят от 34 до 46 зол. ²

Как устанавливает Ильин, до первой четверти XI в., т. е. до момента исчезновения диргемов из обращения, мы не имеем ни одной собственно гривны в 96 зол. Многочисленные серебряные слитки этого времени разнообразны по форме и весу. Киевские гривны появляются не ранее середины XI в., имеют форму шестиугольника и весят 36—38 зол. (предполагают, что этот вес заимствован из Византии, как половина литры).

Не раньше середины XII в. появляются гривны в виде длинных палочек или ладьеобразные, называемые гривнами новгородского типа, вес которых приближается к полуфунту, т. е. к 48 зол. ³

Так же, как в определении веса домонгольской гривны, неправ Кауфман и в утверждении, что арабы принесли нам древнеавилонскую мину или иракский фунт в 96 зол., который и сохранился неизменным до XX в. в русской системе веса. Это утверждение Кауфмана стало общепризнанным, и в пособии по метрологии, изданном в 1944 г., Л. В. Черепнин пишет, что проблема происхождения русского фунта полностью разрешена в работах Кауфмана. ⁴ Точки зрения Кауфмана придерживается и Арне, который считает, что фунт в 96 зол. проник в Россию и в Швецию, будучи принесен

¹ Зап. отд. русск. и слав. археологии, т. I, отд. 2, стр. 114.

² Археол. изв. и зам., 1896, № 11—12, ст. 387. Отчет Археол. ком. за 1893 г., стр. 42, Н. Ф. Беляшевский. Монетные клады Киевской губ. А. Орешников. Опись серебряным монетным слиткам из собр. Ист. музея. Тр. Моск. нумизм. общ., т. II, вып. 2. Бауэр считает киевскую гривну весом в 158 г., а новгородские — в 197 или 196,89 г. Если он прав, то слитки никогда не достигали полного веса в 48 зол. (204 г.) «Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters», в Numismatische Zeitschrift. Wien, 1929—1931.

³ А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 1921.

⁴ Л. В. Черепнин. Русская метрология, 1944, стр. 20.

арабами.¹ Кауфман и Арне справедливо отыскивают происхождение русской и шведской системы веса на Востоке, ибо у всех народов наблюдается тесная взаимосвязь между монетной системой и весом, а широкое распространение у нас арабских монет позволяет предполагать, что арабы принесли нам также свою систему веса. Но был ли это фунт в 96 зол.? Кауфман опирается на работу Кейпо, который обнаружил в системе арабских весов иракский ротль, весом равный нашему фунту и делившийся на 96 частей.²

Факт существования у арабов такой единицы веса в сопоставлении с распространённостью у нас арабских монет казался достаточным для доказательства, что арабы занесли этот вес к нам. Но на самом деле этих данных недостаточно. Как мы видели, время распространения у нас веса в 96 зол. не совпадает со временем распространения у нас арабских монет. Кроме того, фунт в 96 зол. у самих арабов существовал, но не был у них единственным или широко распространённым. Сам Кейпо обращал внимание на то, что арабы употребляли и другие фунты (ротли) и что вообще у них было огромное разнообразие весов, так как они принимали веса, употреблявшиеся у народов, покорённых ими.³ Продолжившие работу Кейпо по мусульманской метрологии и нумизматике Совэр и Декурдеманш⁴ установили огромное количество различных мер и весов, употреблявшихся арабами, и попытались найти основные весовые единицы восточных весовых систем. Декурдеманшу удалось проследить источники мусульманской весовой системы и разделить веса на три группы: 1) группу «законную» или «metlaq»; 2) группу египетскую; 3) группу андалузскую. Вторая и третья группы — местные, и только первая является общемусульманской. В основе всех этих групп лежит античная весовая система: аттическая драхма, равная драхме сасанидской, равная 4.25 г, делившаяся на 6 обол. Но уже при халифе Омаре многочисленные типы диргемов, основанные на оболе, были приведены в систему, на которой и базируется группа «законная». Им были установлены «законный» мискаль, равный 5.66 г, и «законный» диргем в 3.97 г. От этих единиц имеются производные, среди которых диргем «наказ», равный 2.97 г, наиболее употребительный в торговле. Что касается больших величин, то они называются ротлем или меном, и их величина колеблется от 120 до 480 диргемов. Ротли крайне многочисленны,⁵ и попытка приписать арабам как единственный ротль — иракский фунт исторически не обоснована. Не был единственным и диргем в 2.84 г, вес которого вычислен Кауфманом. Вес диргемов был самый разнообразный, а наиболее распространённым был диргем в 2.97 г. Исходя из этого, приходится признать, что хотя арабы могли принести нам фунт в 96 зол., но нужно доказать, что он был принесен арабами и существовал в древнейшие времена. Доказательства нужны не только потому, что арабы употребляли многочисленные другие фунты, но и потому, что фунт в 96 зол., равный 409 г, был широко известен до арабов и лег в основу не только арабской, но и многих европейских весовых систем. Исходным весом для этого фунта, в свою очередь, была древневавилонская мина. $\frac{1}{96}$ часть его, как аттическая драхма, равная 4.25 г, была принята Александром Македонским за

¹ T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914, стр. 177—193. T. J. Arne. Ein persisches Gewichtssystem in Schweden. Oriental. Archiv, 1912, стр. 122—127.

² V. Vazquez Queipo—Essai sur les systèmes métriques et monétaires des anciens peuples. Paris, 1859, т. II, стр. 196—205.

³ Там же, стр. 197.

⁴ M. H. Sauvair. Matériaux pour servir à l'histoire de la numismatique et la métrologie musulmanes. Journal Asiatique, 1879—1887. Decourdemanche. Traité pratique des poids et mesures des peuples anciens et des arabes. Paris, 1909. Его же. Étude métrologique et numismatique sur les misgals et dirhems arabes. Paris, 1908.

⁵ См. M. H. Sauvair. Journal Asiatique, 1884, т. IV, № 2 — таблица ротлей.

основу для своих монет, и все диадохи приняли также этот вес. Естественно, что в последующее время эта единица веса была широко распространена.¹ Уже поэтому нужны более веские доказательства того, что фунт был принесен нам арабами, чем наличие у арабов этого фунта. Возможен и иной, западный, путь проникновения его к нам. С VIII до XI в. в Европе был распространен фунт Карла Великого в 409.3 г (Hilliger *g. Die Duursteder Karolingergewichte*). От него произошли различные средневековые марки, равные этому весу. На южном побережье Франции до сих пор сохранились так называемые «*poids de tables*», близкие к нашему фунту. Фунт Тулузы равен 409.4 г, Монпелье — 407 г, Авиньона — 408.7 г и Марселя — 400 г.² А. К. Марков считает, что новгородские гривны составляют половину кельнской марки, которая равна 96 зол. и от которой и произошел русский фунт.³ Возможно, что западноевропейский торговый фунт был введен у нас Ганзой. Самое слово фунт появилось у нас не ранее XVI в.

Что касается золотника, то он мог быть принесен к нам арабами,⁴ так как у них была распространена эта весовая величина. Это тем более вероятно, что самое название золотник может происходить от арабской золотой монеты динара Абдул-Мелика, чеканившегося весом в 4.25 г и бывшего господствующей золотой монетой у арабов.⁵

Обращаясь к цитированному выше отрывку из Торговой книги, мы видим, что ансырь в 96 зол. для начала XVII в. был новым. Торговая книга называет старый ансырь — бухарский в 128 зол. («Счетные мудрости» и арифметика Магницкого также показывают ансырь в 128 зол., как более древний. Слово ансырь оставалось до XVIII в., последний раз упоминалось в Нижегородской таможенной книге 1720 г.). Мог ли ансырь в 128 зол. быть принесенным арабами? — Мог, так как был широко распространен у арабов с древнейших времен и равнялся малой вавилонской серебряной мине в 544 г.⁶ На Востоке в средние века он употреблялся очень часто, а у арабов появился еще в домусульманское время.

Таким образом, не предлагая никакого решения вопроса о происхождении русского веса, считаю все же доказательства Кауфмана недостаточными для признания, что фунт в 96 зол. существовал как основа веса на протяжении всей русской истории до советского периода.⁷

¹ А. К. Марков. Лекции по нумизматике. 1898, стр. 238—240.

² M. Saigeu. *Traité de Métrologie*. Paris, 1834, стр. 42.

³ А. К. Марков. Русская нумизматика. Конспект лекций, изд. 2-е, Пг., стр. 9.

⁴ Здесь и в дальнейшем, употребляя термин «арабы», я имею в виду не собственно арабов, пришедших из арабского халифата, а вообще всех купцов, в том числе главным образом среднеазиатских, принесших к нам монеты с арабскими надписями. Точно так же условно употребляется термин «арабские монеты», так как большинство из них — среднеазиатские, саманидские.

⁵ Desouardemanche. *Etude...*, стр. 13.

⁶ Desouardemanche. *Etude...*, стр. 4—5.

⁷ В одной из новейших работ по метрологии Н. Т. Беляев (О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса. *Seminarium Kondakovianum*, 1927, т. 1) устанавливает, что ансырь в 128 зол. равен вавилонской серебряной и золотой мине, а наш золотник — аттической драхме. Он считает первые две величины занесенными непосредственно в VIII в. до н. э. к киммерийцам, а золотник — из Греции к скифам, через них перешедшими к славянам и сохранившимся в России. Пользуясь огромным количеством источников и исследований, Беляев в то же время совершенно игнорирует работу Кауфмана и вопрос о возможности занесения этих величин к нам арабами, вступившими в сношения с древней Русью тогда, когда закладывались основы русской культуры и государства. Теория Беляева предполагает существование точных и очень малых величин веса у народов, вряд ли в них нуждавшихся. Проще и естественней предположение о занесении к нам этих величин в эпоху более позднюю, чем время их возникновения, народами, воспринявшими их и использовавшими в своей монетной и весовой системе. Русь могла заимствовать свою систему веса у арабов, так как, когда возникли культурные и экономические связи с арабами, уровень русской культуры был в достаточной степени высок для восприятия точных мер. В этом вряд ли нуждались киммерийцы и скифы.

Обратимся теперь к нашим гирькам. Они не составляют никакой целой части ни ансыря в 96 зол., ни ансыря в 128 зол. А. И. Черепнин предположил ансырь в 136 зол., но его доказательства мало убедительны и опровергаются отсутствием у арабов подобного веса, а также отсутствием у нас исторических упоминаний о нем. Попытка объяснить величину гирек исходя из ансыря не удастся. Но накопилось большое количество гирек подобных старорязанским, что дает возможность сопоставлений. Такие гирьки были найдены во Владимирских курганах, в раскопках Уварова (более 30 шт.),¹ в Твери (2 шт.),² на городищах Булгара и Билярска,³ в Гнездовских курганах,⁴ в Муроме (1 шт.),⁵ в курганах южного Приладожья (13 шт.).⁶ Очень многочисленные находки их в Прибалтике и Финляндии (свыше 60 шт.).⁷ Болсуновский опубликовал собранную им коллекцию гирек, среди которых № 3—7, найденные в Киеве, совершенно подобны старорязанским.⁸ Из раскопок последних лет наиболее интересной является находка разновесов, подобных старорязанским, в Новгороде. Во время раскопок в Новгородском Кремле в 1938 г. был найден кожаный кошелек, внутри которого находились 2 бронзовые чашечки от небольших весов, обломок коромысла весов, бронзовый диргем, двадцать бронзовых разновесов и др. Находка, по диргему, датируется X — началом XI в. Из гирек три небольших имеют форму граненых кристаллов. Остальные большие по размеру и весу представляют собой усеченные с двух противоположных сторон шары. Значки сходны со старорязанскими.⁹ Такие гирьки найдены и за границей. В Швеции их насчитывается несколько сот. 220 из них описаны Арне,¹⁰ из них 160 подобны старорязанским, сделаны из железа и обтянуты медной оболочкой.

Все эти гирьки предназначены для взвешивания монет и драгоценностей. Они находятся в местах, где обычны арабские монетные клады, вместе с монетами, а иногда даже в кошельках купцов (в Новгороде и во Владимирских курганах). Часть из них по монетам точно датирована X — началом XI века. Были ли они привезены вместе с диргемами с Востока или по восточным образцам изготовлялись на месте, для большинства гирек решить нельзя. Часть из них, безусловно, изготовлена на месте. Доказательством этому служит гирька, найденная в начале XIX в. в Киеве генерал-инженером фон Сухтеленем и подаренная им академику Кругу (копия с нее была пожертвована Куником Киевскому археологическому музею при университете св. Владимира, где и хранилась в 1898 г.).¹¹ Она описана Кругом¹² и представляет из себя медную гирьку, подобную по форме старорязанским, весом в 369 аптекарских гранов (или 516.6 доли). От всех других гирек она отличается надписью. С одной стороны вырезано в два ряда имя «Глѣбъ», а около него двойной круг; с другой же числительная буква з (7) в малом круге, а вокруг семь точек, около которых также двойной

¹ Тр. I Археол. съезда в Москве, т. II, стр. 755, стр. 842—844.

² А. К. Жизненский. Описание Тверского музея, 1886, № 884—885.

³ Тр. II Археол. съезда, табл. III, рис. 10—30.

⁴ Матер. по археол. России, № 28.

⁵ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, стр. 52.

⁶ Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. СПб., 1895, стр. 67.

⁷ Kruse. Nekrolivonika. Dorpat, 1842; Sachssendahl. Das Gewichtssystem des 11 und 12 Jahrh. in Liv.—Est- und Curland. Sitzungsber. der gelehrten estn. Gesellsch., 1903; Jurjev., 1904.

⁸ К. Болсуновский. Древние гирьки, найденные в Киеве, и отношение их к различным весовым системам. Киев, 1898.

⁹ Строков, Богусевич и Мантейфель. Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г., Новгор. Историч. сб., вып. 5, 1939, стр. 16.

¹⁰ Arne. La Suède et l'Orient, стр. 183—191.

¹¹ К. Болсуновский. Древние гирьки, стр. 4.

¹² Критические разыскания о древних русских монетах. СПб., 1807, стр. 199—201.

круг.¹ Эта гирька, по форме подражающая восточным, несомненно местного происхождения. К какой же весовой системе принадлежат все эти гирьки? — Очевидно, что ответ на этот вопрос нужно искать в самих гирьках, в их весе. Весовую единицу, легшую в основу этих гирек, с трудом удается определить. Арне определил эту единицу для 160 железных, обтянутых медью гирь колеблющейся от 3.52 г до 4.3 г. Хотя в большинстве случаев она близка или несколько меньше 4 г, Арне счел возможным признать ее равной 4.25 г, так как это ему казалось необходимым для доказательства, что норманская весовая система происходит от иракского фунта. Другой шведский исследователь — Зеебом устанавливает единицу веса гирек, равную 3.972 г.² Единица веса старорязанских гирек, вычисленная Черепниным, равна 128—129 грамам, т. е. 7.96—8.02 г. При этом Черепнин неправильно считал количество точек только на одной стороне гирьки. Количество точек, помещенных на обеих плоских сторонах гирек, удваивается; следовательно, величина предполагаемой единицы веса уменьшается вдвое, т. е. становится равной 3.98—4.01 г. Оставляя проверку взвешивания гирек по музейным материалам, равно как и составление полной сборки находок для будущего исследования по русской метрологии, пользуюсь опубликованными данными для вычисления единицы веса гирек.

Опубликованные гирьки при исчислении единицы веса дают следующую картину:

	<i>Рязанские</i>	
	<i>вес (в г)</i>	<i>единица (в г)</i>
№ 1	144.3	5.01
№ 2	56.167	4.01
№ 3	39.808	3.98
№ 4	39.427	3.95
№ 5	32.177	4.01
	<i>Булгарская</i>	
	40.119	4.01
	<i>Владимирские</i>	
№ 6	31.744	3.96
№ 7	21.071	4.01
№ 8	24.258	4.04
№ 9	14.928	3.73
	<i>Киевские</i>	
№ 3	39.5	3.95
№ 4	31.3	3.91
№ 5	23.0	3.83
№ 6	22.5	3.74
№ 7	8.1	4.05
	<i>Киевская, найденная на Княжей горе</i>	
	15.6	3.91
	<i>Киевская с именем «Гльбъ»</i>	
	22.89	3.27

Если последнюю гирьку, отличающуюся от остальных надписью, признать относящейся к другой эпохе или другой весовой системе, то колебание в единице веса гирек, найденных в России, равно от 3.73 до 4.05 г, т. е. примерно так же разнообразно, как на шведских гирьках Арне. Это нельзя

¹ Круг. Ук. соч., стр. 200.

² Fr. Seebohm. Tribal custom in anglosaxon law, 235—236. Основываюсь на прим. 3 к стр. 228 к статье Бауэра. Денежный счет Русской Правды. Сб. ст. «Вспомогат. исторические дисциплины», 1937.

объяснять тем, что гирьки повреждены вследствие долгого употребления и многовекового лежания в земле. Многие экземпляры отличной сохванности (например, Рязанские № 1 и 3) дают различную единицу веса. Дело в том, что древние не знали способа точного установления веса ни для монет, ни для гирь, результатом чего и является тот разнобой в весах отдельных одноименных монет одной и той же эпохи, который заставлял нумизматов решать головоломные задачи, предполагая различные весовые системы. Для целой группы диргемов может быть установлен средний вес, но каждый в отдельности диргем лишь изредка будет равен по весу среднему. То же мы видим в отношении монетных слитков и древних русских монет. Это заставило Фидебантта высказаться следующим образом: «Древние, при несовершенстве техники и измерительных приборов, были не в состоянии достичь точного установления веса своих монет, поэтому, придя к такому убеждению, я в своих «Forschungen» неоднократно, как уже упоминалось, предпочитал, вместо твердых значений или наряду с ними, принимать некие нормальные зоны таким образом, чтобы все попадающие в пределы этих зон экземпляры считались бы нормальными».¹ Только став на эту точку зрения в отношении гирь, так же как в отношении монет, мы сможем объяснить многие загадочные вопросы метрологии и нумизматики. Для всех известных гирек типа рязанских (за исключением киевской с именем «Глѣбъ») мы замечаем колебание единицы веса от 3.52 до 4.3 г, причем большей частью эта единица равна или приближается к 3.97 г, т. е. к весу «законного» диргема. Если, следуя Фидебантту, мы все колебания вокруг этой единицы признаем нормальными, то мы можем считать, что в основе веса наших гирек лежал «законный» диргем. Устанавливая этот факт, я не решаюсь вдаваться в вопрос о том, почему «законный» диргем, а не другой, лежал в основе большинства гирь. Это относится целиком к области мусульманской метрологии, весьма слабо до сих пор разработанной и почти не обращавшейся к гирькам для решения проблем, а основывавшейся исключительно на книжных известиях.² Можно предположить лишь, что так как этот диргем был первым собственно арабским, принятым Омаром при основании арабской национальной системы веса, то он и оставался основным для гирь, которые, естественно, не могли следовать за всеми изменениями веса диргема при дальнейших реформах, тем более, что, как мы видели, по схеме Декурдемаша все диргемы группы «матлак», распространенной во всех арабских землях, кроме Египта и Испании, были производными от «законного» диргема. Не опровергают этого ни находка в Египте Роджерсом гирь, в основу которых был положен диргем, весивший 2.97 г (эти гирьки стальные, иного типа, чем наши),³ ни находка стеклянных гирек с арабскими надписями, дающих различные значения диргема.⁴ Эти гирьки принадлежат разным эпохам и разным арабским системам веса.

Признав за единицу, лежащую в основе рязанских гирек, «законный» диргем, мы находим объяснение обилию рубленых диргемов в монетных кладах Восточной Европы. Поскольку монеты принимались на вес, а наиболее распространенным в торговле был диргем «накиз» (уменьшенный), составлявший $\frac{3}{4}$ законного диргема (2.97 г), то целое число единиц диргемов, принимаемых на вес, лишь в редких случаях совпадало с целым числом диргемов, содержащихся в самих гирьках. Для уравнивания веса и служили части диргема. Нельзя согласиться с А. И. Черепниным, который

¹ Viedebantt. Forschungen zur Metrologie des Altertums, 1917. Цит. по статье М. М. Дьяконова. Бронзовая гиря с именем Исмаила Самани. ТОВ, т. II.

² Только в названной выше статье Дьяконов исследует вопрос о весе на основании найденных гирь.

³ Sauvage. Ук. соч. Journal Asiatique, 1884, т. III, стр. 445.

⁴ Кауфман. Ук. соч., стр. 84.

предполагал, что части диргема принимались на штуку, подобно целому диргему, и на основании коростовского клада установил деление диргема на мельчайшие обломки от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{40}$ диргема.¹ Мы видели, что даже для больших величин тогда не могли соблюдать точность в весе, тем труднее предположить такую точность и кратность отношений для мельчайших частей диргема. Вообще денежная система была в это время преимущественно весовой. Обломки диргема служили для уравнивания веса. Для облегчения расчетов славяне предпочитали ломаные диргемы, о чем и свидетельствует Гардизи. Совершенно несостоятельно мнение Бауэра, что диргемы не взвешивались, так как якобы приходилось на-глаз определять при счете полноценность или низкопробность получаемых денег, и что на Руси не было весов. Свидетельством полноценности диргема служила не проба зубами, а монетная легенда, о чем свидетельствуют многочисленные подделки диргемов, в которых главным является подражание арабской надписи, а не имитация металла. Что касается утверждения, что на Руси не было весов, то оно опровергается многочисленными находками весов и гирь и не нуждается в ином опровержении.

Давно было высказано мнение, что русские золотые и серебряные монеты Владимира и Ярослава были призваны заменить арабские динары и диргемы и потому подражали им в весе. Что касается золотых монет, то вес их равен в среднем 4.25 г и, следовательно, вполне совпадает с весом арабского золотого динара (во всяком случае наиболее распространенного его типа). Серебряные же монеты представляли загадку, так как расхождение между весом отдельных экземпляров составляет от 4.68 до 1.46 г. Это заставило даже высказать предположение, что вообще «серебро» русских князей — не монеты, а печати или медальоны.² Однако большинство нумизматов признает их монетами и, ввиду резкого отличия по форме и весу от западноевропейских динариев, ищет их происхождение в связи с восточной монетной системой. Редкость этих монет, дефективность большинства экземпляров не позволяет определить средний их вес. Особенное недоумение вызывает то, что большинство монет весит более 3.25 г, т. е. намного больше веса диргема, который до сих пор всегда принимался равным 2.83 г, как это вычислили Тизенгаузен³ и Кауфман, хотя давно уже известны работы Совэра и Декурдеманша. Лихачев пишет: «По сохранности и необрезанности строгановский экземпляр должен дать нам наибольший вес ярославова серебра. Этот вес в 85 долей = 3.78 г. Новгородский фрагмент с обломанной верхней частью весит 3.85 г. Очевидно, что в целом виде он весил бы никак не менее 4.5 г. Другие экземпляры ярославова серебра, очень потертые, все-таки весят более 3 г, приблизительно 3.1—3.2 г. Колебания весьма значительные...»⁴ Для серебряников Владимира Лихачев считает нормальным вес около 3.5 г (возможно, 3.6 г). Он замечает: «То обстоятельство, что всякий сколько-нибудь потщательнее выбитый экземпляр русского серебряника тяжелее и византийского серебра, и основной массы диргемов (за случайными исключениями), подрывает теорию замены диргемов».⁵ Я думаю, что вес серебряников может быть объяснен с помощью наших гирек, так как он более всего приближается к единице веса, лежащей в их основе. Русские князья, создавая собственную монету, призванную заменить арабскую, приняли за основу не вес монеты — диргема, который был настолько неопределенным, что даже сейчас нумизматы,

¹ А. И. Черепнин. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892, стр. 30—32.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики.

³ Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата, СПб., 1873.

⁴ Лихачев. Ук. соч., стр. 184.

⁵ Ук. соч., стр. 188—189, примечание.

вооруженные аптекарскими весами, затрудняются в определении его, а единицу веса гирек, служивших для взвешивания монеты и широко распространенных на Руси. Расхождение в весе отдельных экземпляров монет и гирь объясняется несовершенством способов проверки, а также средневековым способом чеканки, при котором отдельные экземпляры не выверялись. Вопрос о происхождении величины большей, чем единица веса, т. е. фунта, не может быть решен при изучении наших гирек, которые служили для взвешивания драгоценностей и монет и могли не составлять никакой части, большей весовой величины. Равняясь нескольким диргемам, эти гирьки в то же время могут представлять самые различные ротли и мены. Считая несомненным появление с Востока у нас единиц веса меньших, чем фунт, и считая, что они принесены арабами, в заключение нахожу нужным повторить высказанное выше мнение, что доказательства Кауфмана недостаточны, чтобы опровергнуть сообщение Торговой книги о старом ансыре в 128 зол. и новом фунте — в 96 зол. Возможно позднее проникновение к нам фунта 96 зол. с Запада.

Подведем итоги сказанному:

1. Рязанские гирьки, как и подобные им, имеют прототипом арабские гирьки, в основе которых лежит легальный диргем в 3.97 г.
  2. Гирьки служили для взвешивания диргемов, которые принимались на вес, что приводило к обилию ломаных диргемов.
  3. Древнейшие русские монеты чеканились в соответствии с единицей, лежавшей в основе гирек, т. е. с «законным» диргемом.
  4. Гирьки не являются частью какого-либо определенного ансыря, или, во всяком случае, не дают возможности установить его величину.
-

Н. П. СЫЧЕВ

К ВОПРОСУ О БУЛГАРСКИХ СФЕРОКОНИЧЕСКИХ СОСУДАХ

Сфероконические сосуды, нередко находимые на болгарских городищах, привлекали внимание исследователей памятников материальной культуры волжско-камских болгар еще в 70-х годах прошлого столетия, и с тех пор о них создается довольно значительная литература. Интерес к ним не угас и до настоящего времени, хотя происхождение и назначение этих сосудов не могут быть признаны выясненными и в наши дни.

Попыткой решения этого вопроса по материалам Чистопольского краеведческого музея и является настоящая заметка.

В Чистопольском краеведческом музее имеются лишь два таких сосуда. Один из них (инв. № А. И. 52) — это фрагмент, не представляющий особого интереса.¹ Он напоминает простейшие формы таких сосудов из собрания А. Ф. Лихачева,² другой, наоборот, представляет большой интерес и по своей форме, обработке и сохранности. Оба сосуда, по записям А. К. Булича, поступили в музей при содействии преподавателя Б. А. Догадкина из археологической коллекции А. А. Шульца,³ б. землевладельца при с. Мамыкове⁴ Старо-Мокшинской вол., б. Чистопольского кантона. Точное местонахождение, время и обстоятельства, при которых они были найдены, не указаны, но отмечено, что оба сосуда служили для хранения благовоний.

В новом инвентаре музея без указания источников отмечено что оба сосуда поступили из Билярского городища.⁵

Второй сосуд (рис. 38) имеет круглую коническую форму, резко заостряющуюся книзу. Небольшое горлышко имеет маленькое круглое отверстие. В верхней части, на плечиках сосуда, разделенных тремя выпуклыми глиняными накладками, имеются орнаментальные украшения в виде кружков из 18 точек (по три в каждом отделении), оттиснутых специальным штампом по сырой еще глине.

¹ Материал его — красная обожженная глина. Горлышко отбито; высота — 9 см. наибольшая ширина — 8,8 см, толщина стенок — 0,7 см.

² Они изданы в Археологическом атласе А. Ф. Лихачева (Казань, 1923) по рисункам художника И. И. Журавлева в цветном литографическом воспроизведении В. Ключникова.

Наиболее близким к нашему сосуду является № 9 на табл. II.

³ О нем см. отчет Чистопольской уездн. земск. управы Казанск. губ. 1900—1901 г., Казань, 1901.

⁴ Село Мамыково на реке Б. Сульча, притоке р. Б. Черемшан, впадающем в Волгу, в старину именовавшемся Б. Сармисан. Окрестности были населены булгарами и марийцами. Н. А. Спасский. Очерки по родоноведению. Казанская губ. Казань, 1913, стр. 191, 216.

⁵ Основанием, вероятно, служило то обстоятельство, что город Биляр, именовавшийся еще в XII столетии «Великим городом», был расположен у левого берега реки М. Черемшана.

Глиняные накладки с боков и в середине прорчерены по сырой глине острым инструментом. Две углубленные обводки имеются и на верхней части корпуса сосуда. Они были сделаны еще до наложения на сосуд рельефных накладок. На корпусе сосуда отчетливо видны полосы, получившиеся при обработке его на гончарном кружале. Отверстие в доньшке сосуда тщательно заделано уже по снятии сосуда с гончарного круга. Сосуд исполнен из бледной сероватой, впадающей в зеленоватый оттенок, глины. Высота сосуда — 14 см; ширина в наиболее выпуклой части — 9,5 см; высота накладок — 0,5 см. Стенки сосуда значительной толщины, что увеличивает вес сосуда. Немного ниже середины корпуса сосуда имеется небольшое углубление, сделанное, очевидно, для того, чтобы ставить сосуд в специальную подставку, подобную тем, которые имеются в б. собрании А. Ф. Лихачева.¹

В свое время А. Ф. Лихачев, решая вопрос о назначении подобных сосудов,² высказал предположение, что они могли быть и не болгарского происхождения, т. е. могли быть импортированы в Биляр (где их только и находили) из иных, не болгарских, а византийских культурных центров. На многих подобного рода сосудах имеются восточновизантийские криптограммы, иногда штампы, клейма или выбитые уже по обожженной глине тамги, а иногда не разгаданные до сих пор знаки и, в некоторых случаях, надписи арабскими буквами, как, например, «Давуд».³ Все это, как предполагали, могло служить доказательством, что подобные сосуды имели культовое значение и могли быть предназначены для хранения благовоний.

О назначении этих сосудов мнения в научной литературе, правда, весьма разноречивы. Одни считали их лампами, но против этого говорило отсутствие поддувал. Другие признавали в них даже средневековые ручные гранаты, наполнявшиеся нефтью; нефть, якобы, зажигали и такую «гранату» бросали в неприятеля. Некоторые усматривали в них специальные архитектурные украшения, другие видели в них простую тару для перевозки ртути.⁴ В последнее время было принято мнение Пельцмана и Поплавского, согласно которому такие сосуды употреблялись в Средней Азии для хранения ртути.⁵ Проф. Н. Ф. Высоцкому удалось видеть в Эски-Крыме глиняную кубышку, совершенно аналогичную болгарским. Она была наполнена ртутью, горлышко было заткнуто деревянной пробкой и залито воском. Вместе с нею были найдены древние медные монеты крымских ханов. Ртуть предназначалась, как предполагают, для амальгирования

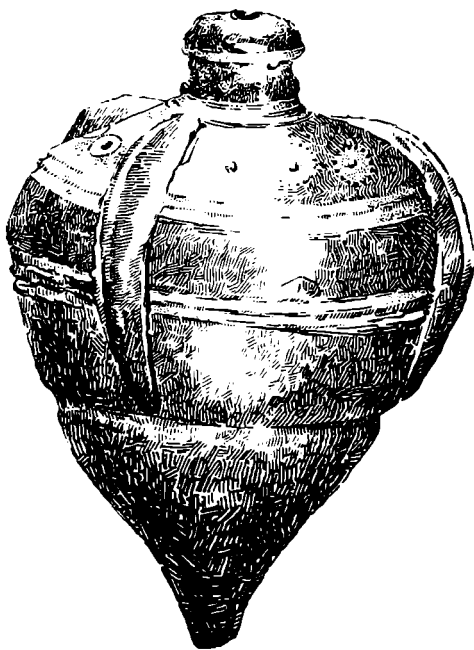

Рис. 38. Сфероконический сосуд из Чистопольского краеведческого музея

¹ Археологический атлас А. Ф. Лихачева, табл. XVI.

² А. Ф. Лихачев. О сосудах сфероконической формы. Тр. IV Археологического съезда.

³ Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, стр. 16.

⁴ Там же.

⁵ Казанск. музейн. вестн., № 1—2, Казань, 1921, стр. 63—64.

металлических зеркал, весьма часто находимых в древних болгарских поселениях.¹ Однако и с этим мнением нельзя согласиться, так как известные болгарские зеркала — как местного происхождения, так и привозные, в частности, арабские и китайские, — представляют из себя круглые, обычно бронзовые диски, отполированные с одной стороны настолько гладко, что давали отражение, а с другой стороны украшенные орнаментами и надписями. Следов ртутной амальгамы на них не было найдено.²

Назначение этих сосудов определяется, повидимому, с полной ясностью, если вспомнить о замечательных итогах раскопок культурного центра средневековой Армении — города Ани, проводившихся под руководством академика Н. Я. Марра. Во время этих раскопок в 1912 г. в одном из вновь открытых зданий, расположенном близ мечети Манучэ, были найдены сосуды, близкие по форме к изучаемым. Н. Я. Марром тогда же было высказано мнение, что найденные сосуды предназначались для хранения ртути и входили в состав инвентаря древней армянской больницы. Справедливость этого мнения, полагаю, не подлежит сомнению.

Применение ртути для лечебных целей известно в глубокой древности и было широко распространено в средневековом Востоке. Ртутью в различных ее консистенциях пользовались и арабы при борьбе с кожными заболеваниями, при люетических болезнях и пр. Арабу Гебер (Абу Мусса Джафар аль Софи), жившему в 780—840 гг. н. э. приписывается даже открытие сулемы. Нет сомнения, что ртуть применялась для лечебных целей и в средневековой Армении, и если принять во внимание, что в Булгаре существовали обширные армянские поселения (до наших дней дошли надгробия с армянскими надписями)³ и учесть, с другой стороны, что, начиная с X в., в эпоху наибольшего расцвета Булгарского государства, Булгар как центр транзитной торговли стал средоточием торговых операций купцов Востока, Средней Азии, Византии, Армении и Руси, станет вполне понятным, что ртуть как медицинское средство доставлялось (несомненно, в специальной таре) и в столицу волжско-камских булгар. В XII в. преимущественное значение в мировых торговых операциях переходит от Булгара к Биляру — «Великому городу», как более обеспеченному от военных иноземных посягательств.⁴ Характерно, что с начала XII в. в известиях

---

¹ Н. Ф. Высоккий. Несколько слов о древностях Волжской Булгарии. Изв. Общ. археол., истории и этнограф. при Казанск. унив., т. XXIV, вып. 4, Казань, 1908, стр. 349.

² Употребление зеркал волжско-камскими народами известно уже по данным раскопок могильников ананьинской культуры. Одно из них издано Невоструевым (Тр. I Археол. съезда, табл. XXII, фиг. 4), другое — Аспелиным (*Antiquités du nord Finno-Ougrien*, Helsingfors, 1877, стр. 113, рис. 468). Из числа древнейших привозных зеркал необходимо отметить одно, описанное А. Ф. Лихачевым. Скифские элементы в чудских древностях Казанской губ. Одесса, 1886, стр. 33—35. Одна сторона этого зеркала была отполирована, а на другой сохранилось высокохудожественное барельефное изображение грифона, нередко встречаемое на скифских бытовых памятниках.

О привозных с Востока и китайских зеркалах сообщает А. Ф. Лихачев. Скифский след на Билярской почве. Изв. общ. археол., истории и этногр. при Казанск. унив., т. V, стр. 5. О зеркалах из Биляра см. С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанск. губ., Казань, 1877, стр. 254, 358—359, а также в трудах о восточных зеркалах проф. Н. Ф. Катанова и у А. П. Смирнова. Очерки по истории древних булгар. Тр. ГИМ, вып. XI, М., 1940, стр. 101—102. Ср. Н. Калинина. Бытовые предметы Волжско-Камской Болгарии. Выставка болгарских древностей. Казань, 1929, стр. 45.

³ С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 249—253. Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. 1923, стр. 117. Н. Ф. Миллер. Об армянских надписях в Болгарах и Казани. Изв. ГАИМК, вып. IV, 1925, стр. 66—80.

восточных писателей происходит смешение названий Булгар и Биляр.¹ Очевидно, что ртуть попадала и в Биляр, причем специфические сосуды, в которых она привозилась, находили, по словам А. Ф. Лихачева, только в Биляре. Они привозились сюда из Средней Азии; их, несомненно, доставляли и из Армении.

Глина, из которой сделан сфероконический сосуд Чистопольского музея, — бледносероватая, впадающая в зеленоватый оттенок и очень пластичная, взятая, повидимому, из третичных геологических отложений, хотя и известна в окрестностях Биляра, но в местных болгарских памятниках подобного рода неизвестна. Скорее всего эта глина взята из третичных отложений в Средней Азии или Армении. Доказательством этого может служить замечательный фрагмент сфероконического сосуда Государственного исторического музея в Москве (инв. № 9857), поступивший из б. собрания П. И. Щукина с пометкой о том, что он происходит из Булгар на Волге. Этот фрагмент также сделан из серой с зеленоватым оттенком глины. Рельефное украшение его выполнено, повидимому, отдельно при помощи особой формы или особого штампа, как это сделано и на нашем сосуде, и, так же как на нашем сосуде, наклеено на стенки сосуда уже после его изготовления. Розетки сосуда ГИМ, близкие к орнаментике Средней Азии и обычные, как замечает исследователь этого сосуда, в самаркандской керамике, выполнены так же штампом, как и упрощенные розетки на этих сосудах Чистопольского музея. Стиль барельефных украшений фрагмента Исторического музея, близкий, как замечает Н. В. Трубникова, к стилю миниатюр Ирана в XIV столетии и к стилю среднеазиатских керамических изделий, позволяет отнести этот фрагмент к XIII—XIV вв.² Нет сомнений, что и сфероконический сосуд Чистопольского музея, сделанный из аналогичного материала, может быть датирован тем же временем и происходит из той же области средневекового Востока. Несомненно, что такого рода сосуды имели массовое распространение на Ближнем Востоке и импортировались оттуда в культурные центры волжско-камских булгар. Они были, как указывали исследователи, хранилищами ртути, применявшейся именно для лечебных целей.

---

¹ В «Обзрении миров» Ашик Мухаммеда, передающего рассказ Абу-Хамид Андалузянина, бывшего в Булгаре в 1135 г., говорится: «Благочестивый мусульманин назывался Бюляр, и по его имени город назван Бюляром, впоследствии с арабским изменением — Булгар». С. М. Шпилевский. Ук. соч., стр. 10.

² Н. В. Трубникова. Обломок сфероконического сосуда из Булгар. Тр. ГИМ. вып. XI, М., 1940, стр. 137—139, рис. 1.

Я. В. СТАНКЕВИЧ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ
ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

При изучении истории юго-восточного Приладожья конца I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э. важным историческим источником являются могильные памятники (курганы), отражающие своим вещественным материалом не только социально-экономические, но и идеологические стороны жизни современной им эпохи. Курганы эти, расположенные по течению рек, впадающих с юга и востока в Ладожское озеро (Сясь, Паша, Оять, Олонка и др.), охватывают длительное время в 3—4 столетия. Четкого хронологического разграничения этого материала до сих пор произведено не было; между тем, только после этого он сможет приобрести характер полноценного исторического источника.

Вот почему основной задачей моего исследования является установить эту хронологию, пользуясь методикой статистического учета материала в целом, разработанной П. П. Ефименко. Вопрос разрешается путем выделения последовательно изменяющихся групп инвентаря погребений со стойкими сочетаниями элементов внутри каждой из них, установления относительной, а затем (на основе повторения датирующих моментов) абсолютной хронологии в пределах конца IX — начала XIII вв. Выявленные таким образом шесть групп инвентаря нанесены на сводную таблицу. В нашей классификации привлечены не только материалы женских погребений с наиболее подверженным изменению набором украшений, но и материалы мужских погребений, где (в частности, для более ранней группы памятников — X и начале XI вв.) также выделались характерные группы инвентаря. Тщательному анализу был подвергнут и обряд погребений, претерпевающий закономерный процесс медленного изменения, что имеет существенное значение для решения вопросов об этнической принадлежности изучаемых памятников. В итоге этого анализа выделены четыре основные группы погребений с намечающимися внутри них более дробными подразделениями, образующими всего шесть групп, которые соответствуют последовательным этапам исторического развития.

Для *1-й основной группы* нашей классификации характерны небольшие курганные родовые кладбища, состоящие из 7—10 насыпей, густо расположенных по течению рек. Отдельная насыпь обычно содержит своеобразное сооружение — очаг с инвентарем (в подражание очагу в жилище) и расположенные вокруг него на различном уровне остатки трупосожжений. Инвентарь погребений отражает процесс социальной дифференциации, происходившей среди населения, оставившего памятники. Внутри этой ранней группы мы устанавливаем две подгруппы.

1-я подгруппа (1-я группа нашей классификации) характеризуется, наряду с местными изделиями (бусами, подвесками, железными изделиями

ми — кресалами, ножами и глиняными сосудами), ранними типами скандинавских украшений и вооружений (массивные литые браслеты, бляшки с геометрическим орнаментом, мечи типа Н). Встречаются также прибалтийские изделия, застежки и гривны с гранчатыми головками, снабженными шипами, встречающиеся в погребениях первой половины X в. Этим временем и датируется 1-я подгруппа в целом. Проникающие в Приладожье с некоторым запозданием ранние типы скандинавских изделий IX в. позволяют выделить комплексы, датируемые первой четвертью X в. Исключение составляет единичное варяжское погребение с инвентарем, датируемым серединой IX в.

2-я подгруппа (2-я группа нашей классификации) представлена большим количеством погребений и характеризуется широким распространением обычая сооружения очага. В инвентаре погребений местные изделия (зооморфные подвески — уточки с гладкими накладками, бусы, многочисленные железные предметы и пр.) сочетаются со скандинавским импортом (овальные фибулы стиля Борре, массивные браслеты, мечи типа S и бронзовые несимметричные топоры). Застежки и гривны с гранчатыми головками представляют прибалтийский импорт. Многочисленны позднеасанидские бляшки, монеты и другие предметы, идущие с Востока. Погребения датируются третьей четвертью X в. Выделение из общей массы рядовых погребений богатых комплексов с разнообразным инвентарем указывает на усиление процесса дифференциации.

2-я основная группа погребений несколько отличается от предшествующей по обряду. Наряду с сожжениями, появляется труположение в насыпи и на материке, также сопровождающееся ритуальным очагом. В инвентаре, наряду с бытованием поздних скандинавских изделий, появляются местные подражания им и распространяются местные зооморфные и шумящие подвески, а также пермские изделия.

На основании частых находок восточных и ранних западноевропейских монет погребения четко разделяются на две хронологические последовательные группы.

1-я подгруппа (3-я группа нашей классификации) определяется широким распространением местных изделий: железных проволочных гривен, застежек с квадратными головками, полых и прорезных подвесок и уточек, подвесок, изображающих четвероногого, пермских подвесок — коньков и шумящих подвесок, ожерелий из сердоликовых и мозаичных бус и стеклянного бисера. Встреченные в этой группе, наряду со скандинавскими изделиями, деградирующие формы овальных фибул и литых браслетов, первые из которых Т. И. Арне, на основании грубости орнамента, датировал XII в., представляют местное подражание скандинавским изделиям и лишь в виде исключения встречаются в погребениях первой половины XI в. Орудия труда и предметы вооружения представляют: топоры, наконечники копий и стрел, кресала с ручкой в виде фигур борющихся медведей, мечи типа Т. Погребения датируются последней четвертью X в.

2-я подгруппа (4-я группа нашей классификации). Наибольшего расцвета достигают местные шумящие и зооморфные подвески. Особо отметим распространение развитого типа полых подвески уточки с жгутообразными накладками, которые А. А. Спицын датировал XI в. Наряду с массивными бусами, а также восточными и западными подвесками — монетами, распространяется мелкий золоченый бисер, штампованные подвески, пластинчатые и витые гривны, пластинчатые кольца и браслеты с завязанными концами, серьги с напущенными бусами, трубчатые подвески — игольники и бубенчики с крестовидным прорезом. Распространенные скандинавские изделия в комплексах 2-й и 3-й группы классификации и местные подражания им постепенно выходят из употребления. Для мужских

погребений типичны: боевые симметричные топоры, мечи типа Z с изогнутым перекрестием и т. п. Погребения датируются первой четвертью XI в.

На основании встреченных в курганах 1—4-й группы орудий труда и других материальных остатков (кости животных и т. п.) можно судить об основных занятиях населения на первой стадии распада патриархально-родовых отношений. Наряду с ведущей отраслью хозяйства — подсечным земледелием (массивные топоры служили для рубки леса), было развито скотоводство (кости коровы, лошади, овцы и свиньи). Большое значение имели подсобные промыслы: охота (кости диких животных и птиц; разнообразные формы наконечников стрел — ланцетовидные, с утолщением, «срезни»), рыболовство (встречена пешня для раскалывания льда, грузила) и бортничество (встречены куски воска). Литейное дело, очевидно, также было известно местному населению; локализация отдельных типов местных украшений говорит о развитии в Приладожьи ремесленных центров. Было также развито ткачество (находки шиферных и костяных прясел). Большой сравнительный материал для суждения об основных формах хозяйства в эту эпоху дает древний слой IX—X вв. Старо-Ладожского городища с деревянными постройками.

3-я основная группа (5-я группа нашей классификации) отражает дальнейшее развитие погребального обряда в Приладожье. Происходит резкое изменение не только в инвентаре, но и в общем характере памятников: распространяются крупные курганные группы, содержащие до 20—30 насыпей, свидетельствующие о возникновении новой общественной организации — сельской территориальной общины. Общее распространение получает обряд труположения в насыпи или в могильной яме; последний вариант распространен лишь в южной части Приладожья, где сказывалась сильнее волна славянской колонизации. Влияние христианства заметно и в обряде погребения: в уменьшении инвентаря, в особенности в мужских погребениях, и в его качестве. Появляются отдельные типы славянских украшений (проволочные и пластинчатые браслеты с завязанными концами, проволочные височные кольца, подвески, игольники, лировидные пряжки). Погребения этой группы датируются по ведущим формам украшений и монетным находкам второй и третьей четвертью XI в. Отсутствие в юго-восточном Приладожье характерного для новгородских кривичей набора металлических украшений и слабое проникновение сюда ряда типов славянских изделий свидетельствует лишь о славянизации продолжающего здесь жить местного населения. В то же время в северной части территории распространения изучаемых памятников и в южной части Карело-Финской ССР долгие бытуют местные языческие обычаи, проявляющиеся в обряде погребений в срубках на материке и в сохраняющемся наборе зооморфных подвесок и других изделий.

К *4-й основной группе* (6-я группа нашей классификации) относится небольшое количество труположений в могильных ямах с ориентировкой головой на запад и незначительным инвентарем. Они датируются концом XI и XII вв. В южной части территории распространения изучаемых памятников возникают крупные курганные могильники, близкие славянским памятникам соседних территорий. Встреченные в них, наряду с другими орудиями труда, плужные лемехи свидетельствуют о развитии в этом районе плужного земледелия. В северной части юго-восточного Приладожья и южной части Карело-Финской ССР распространяются могильные памятники иного типа с труположениями в срубках, сопровождающимися инвентарем переходного характера к более поздней кексгольмской культуре. Находки в этих погребениях земледельческих орудий — мотыг — свидетельствуют о длительном сохранении на территории Карело-Финской ССР подсечного земледелия, в отличие от южной части территории Приладожья.

При изучении наших памятников существенным является вопрос о влиянии скандинавской культуры и роли норманов в жизни исследуемого района. Норманисты, опираясь на известные указания летописи под 859 г. о взятии варягами дани с чудских и славянских племен и легенды о призывании варягов, выдвигали гипотезу о норманском завоевании и скандинавских колониях в Приладожье, «подкрепляя» свои выводы археологическим материалом (Т. Арне, Н. Оберг, Е. Кивиковская, Э. Лайд). Однако на основании проведенной работы по изучению могильных памятников юго-восточного Приладожья можно констатировать отсутствие в собственном смысле варяжских погребений, за единичными исключениями. Это полностью опровергает теорию о массовой варяжской колонизации Приладожья. Несомненно, однако, что население этого района, расположенного в узле водных путей, находилось в оживленных торговых связях как со Скандинавией и Прибалтикой, так и с восточными областями (Прикамье, Юго-Восток Руси), что накладывало свой отпечаток на его культуру. Изучение аналогичных памятников показывает, что того же происхождения скандинавские изделия находились в синхронных могильниках Ярославского Поволжья (Михайловский и Тимиревский могильники).

Вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего изученные нами приладожские курганы, может быть решен лишь предварительно. На основании выявленного своеобразия инвентаря и обряда погребения в целом можно определенно утверждать, что они оставлены не славянами, а вепсами — летописной велью.

Н. Н. ВОРОНИН

БОГОЛЮБОВСКИЙ САРКОФАГ

(К вопросу о княжеских погребениях XII—XIV вв.)

Во время раскопок в Боголюбове 1937 г. у северо-западного угла лестничной башни было обнаружено погребение в белокаменном саркофаге

Рис. 39. Боголюбовский саркофаг. Вид сверху

(рис. 39). Его крышка, сделанная из двух белокаменных плит, лежала на уровне вымостки дворцовой площади, выходя таким образом на дневную поверхность XII в. Постановка саркофага была произведена вскоре по за-

мощени площади: на соседних плитах мостовой прослежен слой вырытого из могильной ямы песка, затем плиты были подогнаны к крышке саркофага. Последняя, как и сама гробница, была покрыта сетью мелких трещин и слегка прогнулась внутрь как бы от сильного удара сверху. Пласт обломков тесаного и бутового камня от развалин северного дворцового перехода перекрывал гробницу. Разрушение перехода относится к концу XII — началу XIII вв., подтверждая таким образом дату этого погребения в пределах XII в. Судя по изложенному выше, вероятнее думать, что погребение имело место вскоре по окончании строительства Боголюбовского замка, т. е. в 60-х годах XII в.

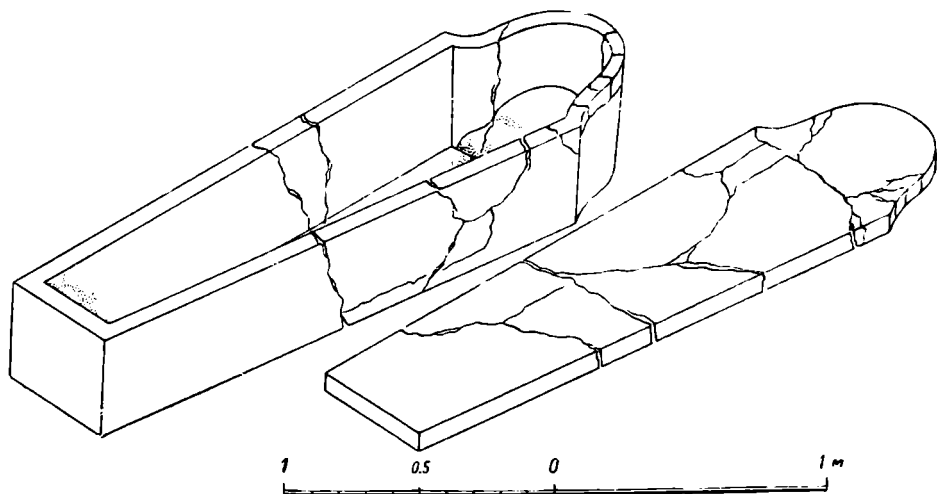

Рис. 40. Боголюбовский саркофаг. Общий вид

Обнаруженный в гробнице скелет принадлежит взрослому мужчине. Общая сохранность костей хорошая. Найдены: череп с нижней челюстью, с хорошо сохранившимися нижними зубами, правая подъязычная кость с прилегающими к ней гортанными хрящами, все позвонки, крестец и ребра (9-й грудной позвонок слился с 10-м, 11-й с 12-м). Кости конечностей представлены полностью, за исключением нескольких мелких костей (утрачены: левая трехгранная и полулунная, от правой ноги — две средние фаланги и четыре концевых, у левой ноги — одна средняя фаланга и две концевых). Череп мезокранной формы со слабо развитыми теменными буграми, узкий с отчетливо выраженными лобными буграми, лоб слегка покат, надбровные дуги развиты не сильно, глобелла по шкале Мартина достигает второго балла, затылок угловатый; швы черепа сильно облитерированы. Лицо средней высоты с относительно широкими скулами, хорошо профилировано, носовые кости сильно выступают, подносовой шип сильно развит, орбиты невелики, подбородок хорошо развит. Общий рост костяка, вычисленный по формуле Ля Пирсона, равен 165.2 см. Руки относительно коротки. Все трубчатые кости достаточно массивны.¹

Череп костяка был повернут на правый висок, руки сложены на животе; в области колен и тазовых костей — небольшой слой земли, просыпавшейся сквозь трещины в крышке; под костяком тонкий слой черного глина; никаких вещей при погребенном нет.

Большой интерес представляет форма самого саркофага (рис. 40) с полукруглой головной частью, плечиками и приподнятым изголовьем внутри, сужающаяся к ногам по форме человеческого тела. Известные саркофаги киевской Софии в сравнение не идут. В княжеско-епископской

¹ Описание костяка сделано М. М. Герасимовым.

усыпальнице во владимирском Успенском соборе гробницы являются простыми белокаменными ящиками, форма которых была, вероятно, обусловлена помещением гробницы в стенной аркосолий; подобный же простой ящик представляет раскрытая нами гробница Всеволода, свободно стоявшая у стены в СВ приделе собора.¹ Но все же непосредственные аналогии мы находим лишь в северо-восточной Руси XII—XIV в.

Таков белокаменный гроб, открытый при раскопках 1938 г. А. Ф. Дубынина и А. Д. Варганова в южном притворе Суздальского собора. Его формы почти тождественны боголюбовскому саркофагу, крышка также состоит из двух частей, но положена на извести. В гробнице — скелет муж-

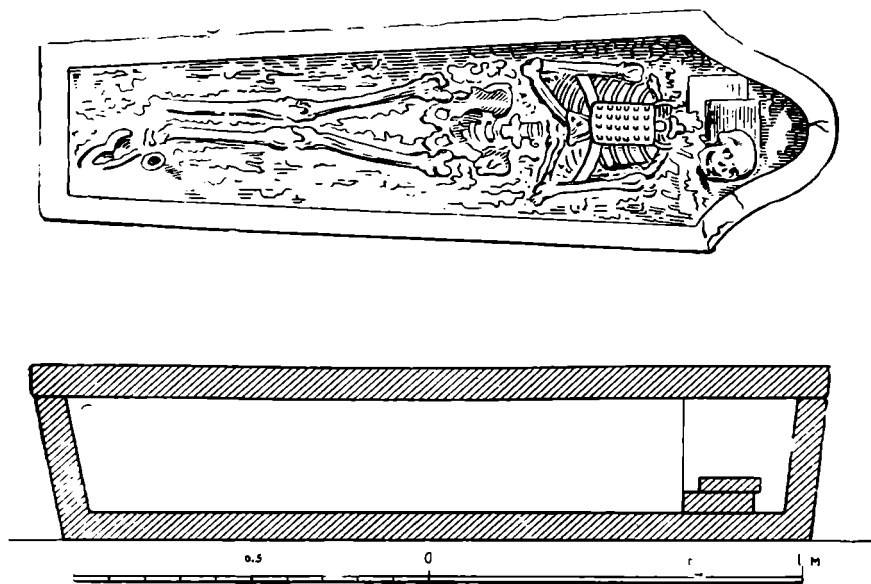

Рис. 41. Саркофаг из усыпальницы церкви Спаса на Бору в Москве (по Солнцеву)

чины, череп лежал на левом виске, правая рука на груди, левая вытянута вдоль тела. Сохранились куски редкой шерстяной ткани, с тканной шелком каймой, на ногах — остатки кожаной обуви и, выше, обмотка из шерстяной ткани. По мнению А. Ф. Дубынина, это погребение кн. Святослава Юрьевича, умершего в 1174 г. и погребенного, по указанию летописи, в Суздальском соборе.²

Затем две аналогичные белокаменные гробницы, но несколько более грубые по выделке, с толстыми стенками и без тесаного изголовья внутри, замененного подложенными под голову каменными плитками, были найдены в 1836 г. под полом в притворе церкви Спаса на Бору в Москве; одна гробница помещалась к югу, другая — к северу от входа. Гробница, изданная в «Древностях государства Российского»,³ содержала костяк, при котором сохранился кожаный параманд, кожаный пояс и остатки кожаных сандалий; в ногах был маленький желтый поливной сосудик (рис. 41). Во второй гробнице была погребена женщина в шелковом платье и убресе, в ногах также стояла муравленая чашечка.⁴ Издатели считают,

¹ Отчет о раскопках в архиве ИИМК. Краткие сведения см. в сводном отчете «Археологические исследования в РСФСР 1934—1937 гг.», Л., 1940.

² А. Ф. Дубынин. Археологическое исследование Суздаля (1936—1940 гг.). КС ИИМК, вып. XI, 1944.

³ Атлас, т. I, табл. 107.

⁴ Там же, текст, стр. 162—166; ср. разноречия в описании погребений в «Русских достопамятностях», изд. А. Мартынова, т. II, М., 1883, стр. 9—10.

что здесь были погребены сын Донского Иоанн, в иночестве Иоасаф (ум. в 1393 г.), и жена Симеона Гордого Мария (ум. 1399 г.).¹ Последнее приурочение едва ли правомерно: известно, что кн. Мария была монахиней и в 1473 г. ее останки были вновь облачены «во все новые ризы монашеские»,² а, по описанию женского погребения, сохранившиеся одежды — светские. На обнаруженном при планировочных работах в Кремле около ц. Спаса на Бору кладбище также находились «каменные гробы».³

Подобные же белокаменные гробницы были открыты в 1844 г. в аркосолии западной стены Спасской церкви в Коломне,⁴ белокаменные основания которой относятся якобы к середине XIV в.⁵ Под западным притвором XVII в. «в белокаменной стене цоколя находится ниша (2.10 × 2.10 м). глубоко входящая внутрь под храм, замкнутая в глубине белокаменной же стеной и перекрытая коробовым сводом из массивных белых камней. Нет сомнения, что ниша современна возведению цоколя храма, по крайней мере в его западной части, и, возможно, предназначалась для погребения создателей храма. По обеим сторонам ниши находятся два белокаменных гроба в виде прямоугольного сечения ящиков с округлыми головными концами, суживающиеся к ногам и имеющие плоскую кровлю. Никаких надписей гробницы не имеют. Гробницы были вскрыты и разорены, очевидно, в последнее время... Говорить о княжеских погребениях нет никаких оснований».⁶ Автор приведенного описания датировал погребения XVII в., основываясь на их сходстве с гробницей Д. М. Пожарского (см. ниже).⁷ Однако они сходны как с гробницами XII в. из Боголюбова и Суздаля, так и с саркофагами Спаса на Бору XIV в. Нам представляется вполне возможным датировать их временем предполагаемого основания Спасской церкви, т. е. серединой XIV в. Наконец, из наиболее поздних укажем гробницы-усыпальницы в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, открытые А. С. Уваровым в 1851 г. В нем, наряду с кирпичными склепами, находились четыре белокаменных гробницы, по форме ближайшим образом напоминающие древнейшие гробницы Боголюбова и Суздаля; на одной из них также двухчастная крышка.⁸ Если доверять А. С. Уварову, на гробницах были надписи о погребении кн. Никиты Андреевича Хованского, в схиме Нифонта (ум. в 1609 г.), и сына Пожарского, кн. Федора Дмитриевича (ум. в 1633 г.).⁹ Гробница самого князя Дмитрия Михайловича Пожарского — без надписи и была определена Уваровым на основании косвенных данных.¹⁰ Издаем здесь план погребений (рис. 42), дополняющий материалы, опубликованные при переписке Уварова.¹¹

В XVI—XVII вв. эта форма гробницы становится широко распространенной не только для княжеских погребений.

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 72.

² ПСРЛ, т. VI, стр. 198.

³ И. Снегирев. Памятники Московской древности. М., 1842—1845, сто. 125.

⁴ «Под Спасской церковью найдена пространная пещера и в ней самодревнейшие каменные гроба, вмещающие, вероятно, останки коломенских или рязанских князей XIII в.». А. Ратшин. Полное собрание истор. сведений о всех... монастырях и прикметательных церквях России. М., 1845.

⁵ Мнение А. И. Некрасова, пока не проверенное археологическим путем. А. И. Некрасов. Возникновение московского искусства. М., 1929, стр. 77 сл.

⁶ Там же, стр. 79. Положение гробниц указано на рис. 39, ук. соч.

⁷ Там же, стр. 80.

⁸ Сб. мелких трудов А. С. Уварова, т. III. Материалы для биографии. М., 1910, табл. I.

⁹ Там же, стр. 27.

¹⁰ Там же, стр. 28—29.

¹¹ Подлинник хранится в отделе архитектурной графики ГИМ. Подпись на чертеже. «1851 года Сентября 21-го снимал с натуры и чертил Владимирский особый землемер Василий Аляев».

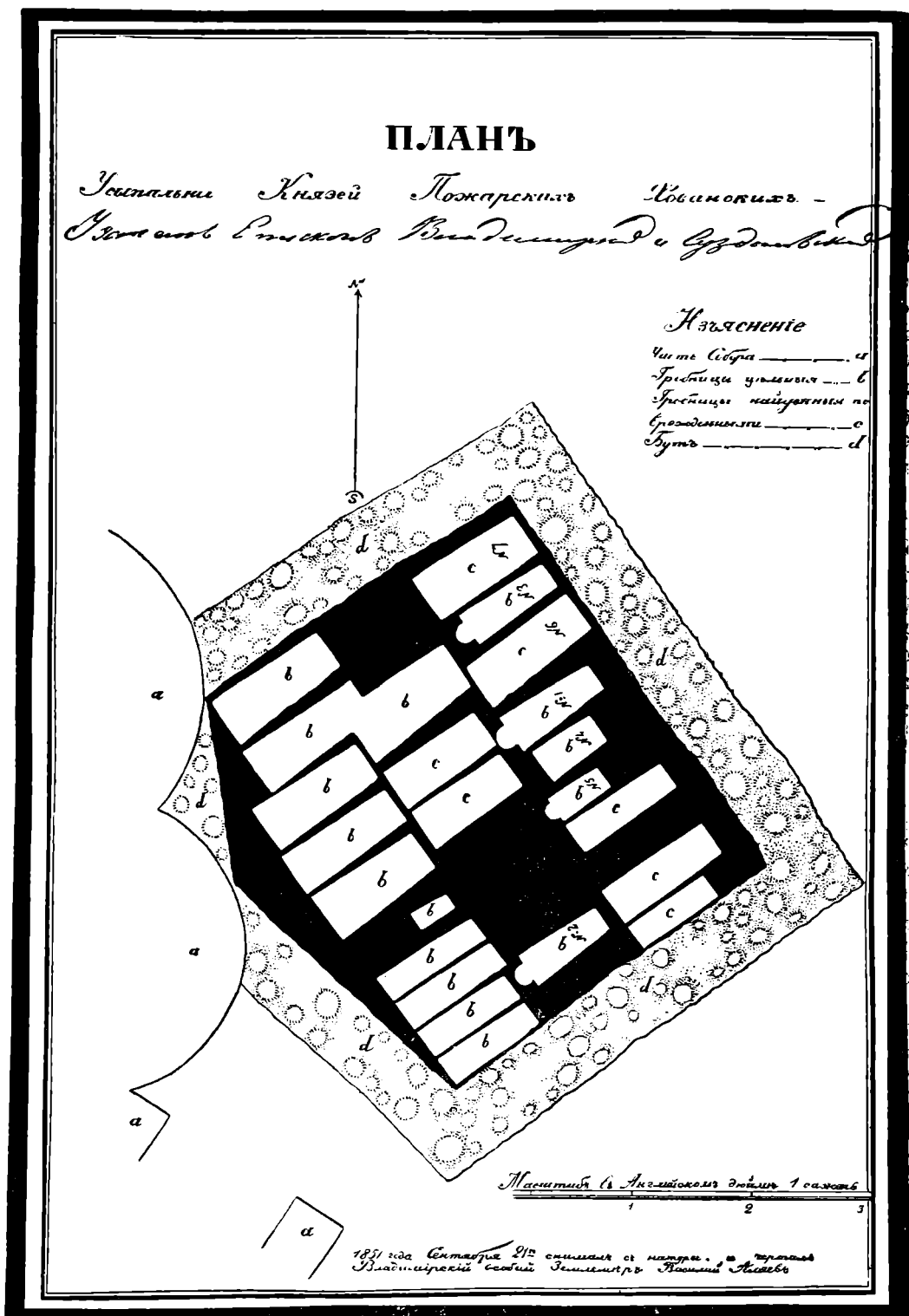

Рис. 42. План усыпальницы в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре
(из собрания кабинета архитектурной графики ГИМ)

Представляет большой интерес вопрос о происхождении данной формы саркофага. Древнейший саркофаг этого типа встречен в Боголюбове; он относится к периоду строительства Боголюбовского замка или ближайшим по его окончанию годам (60-е годы XII в.). Второй, несколько более поздний саркофаг кн. Святослава Юрьевича, также принадлежит времени князя Андрея Боголюбского (1174 г.). Напрашивается вопрос: не является ли данная своеобразная форма гробницы связанной с романскими мастерами-строителями, работавшими у кн. Андрея?

Наши поиски в этом направлении не дали большого количества фактов. Однако единственная прямая параллель Боголюбовскому саркофагу встречена именно в прирейнской области, откуда вышли андреевские зодчие.¹ Ф. Х. Краус в своем описании древностей Эльзаса и Лотарингии приводит франкскую гробницу, найденную около капеллы Михаила в Ингвейлере, совершенно тождественную боголюбовской и суздальской.² Типологически предшествующую форму, повидимому, дает прямоугольный песчаниковый саркофаг римского времени, приводимый Ф. Кеннег; но изголовье здесь лишь закруглено, хотя внутри уже имеется характерная полукруглая с плечиками выемка для головы и приподнятое изголовье.³ Отсутствие специальной литературы по погребальным памятникам этого рода на Западе не позволяет проследить хронологические и территориальные пределы распространения саркофага данного типа. Однако факт западноевропейского его происхождения не подлежит сомнению, что подкрепляется, с другой стороны, данными историко-архитектурного порядка, также ведущими нас к признанию культурных связей державы Боголюбского с прирейнской областью. Несомненно, что именно романские мастера занесли с собой на Суздальский северо-восток и данный тип саркофага, который стал, повидимому, обычным для феодальных, в частности княжеских, погребений.

Не менее существенна и последующая история саркофага этого типа. Из княжеского обихода домонгольского Владимира этот тип гробницы усваивается для княжеских усыпальниц ранней Москвы, о чем с полной убедительностью свидетельствуют саркофаги Спаса на Бору и Коломенской церкви Спаса. Этот, казалось бы, мелкий факт весьма знаменателен в общей совокупности наших представлений о роли владими́ро-суздальского культурного и художественного наследия в истории роста Московского княжества. Он свидетельствует о том, как пристально и глубоко всматривались люди XIV в. в сохранные от прошлого остатки искусства, жизни и быта Владимиро-суздальского княжества.

---

¹ Об этом мы говорим в монографии о владими́ро-суздальском зодчестве.

² Ф. Х. Краус. Kunst und Altertum in Elsass-Lothringen, т. I, Strassburg, 1877, стр. 120.

³ Ф. Кеннег. Neue römische Funde in Wien. Mitteilungen der k. k. Central-Kommission. 1879, стр. 27, рис. 2.

М. А. ИЛЬИН

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ЗОДЧЕСТВА РАННЕЙ МОСКВЫ

(Старая трапезная Троице-Сергиева монастыря 1469 г.)

В Троице-Сергиевой лавре некогда существовала белокаменная трапезная XV в. Она стояла примерно на месте, занимаемом теперь колокольной (Д. Ухтомского). От здания сохранились не исследованные еще фундаменты, обнаруженные лет пять назад. Только путем их раскопок мы можем получить более или менее точное представление о размерах и композиции этого интересного сооружения. Однако имеются и другие источники — письменные и изобразительные — позволяющие не только восстановить общий архитектурный облик трапезной, но и выяснить некоторые факты, имеющие большое значение для истории древнерусского зодчества.

Трапезная представлена на двух почти одинаковых иконах XVII в., изображающих Троице-Сергиевский монастырь.¹ Помимо этого, мы имеем описание трапезной, принадлежащее Павлу Алеппскому, посетившему монастырь в 1654 г., и сделанное с большой наблюдательностью и точностью. Наконец, Ермолинская летопись сохранила нам указание точной даты постройки. Под 1469 г. мы читаем: «Того же лета в Сергиеве монастыри у Троици поставили трапезу камену а предстатель у нее был Василен Дмитриев сын Ермолина».² Следовательно, автором этого здания был известный строитель-подрядчик XV в. Василий Ермолин.

Изображения трапезной на двух иконах — Троице-Сергиевой лавры и церкви Рогожского кладбища — достаточно отчетливы и сравнительно подробны. Отдельные неточности относятся скорей к деталям, чем к общим формам.³

На иконах (рис. 43) изображено двухэтажное здание, окруженное каменными и деревянными пристройками, вероятно, более позднего происхождения. Во второй этаж ведет наружная лестница — крыльцо с площадками-рундуками, столь типичными для XVI—XVII вв. За трапезной видна церковь Михаила Маленина, пристроенная в 1621 г.; следовательно, до этого года в трапезной церкви не было. Павел Алеппский дает следующее описание трапезной: «Затем повели нас в трапезу, которую отворяют

¹ Опубликовано Е. Голубинским. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909, табл. 1а и 1б. Одна из икон принадлежит Загорскому историко-художественному музею (бывшая Троице-Сергиева лавра), другая находилась в собрании церкви Рогожского кладбища. Здание трапезной, по предположению Е. Голубинского, сломано после постройки новой трапезной в 1687—1692 гг.

² ПСРА, т. XXIII, стр. 158.

³ Это заключение можно сделать, сравнив другие здания, изображенные на иконах, с ныне существующими.

только в присутствии царя... Эта трапеза как бы висячая, выстроенная из камня и кирпича с затейливыми украшениями,¹ посредине ее один столб, вокруг которого расставлены на полках в виде лесенки всевозможные серебряно-вызолоченные кубки».² Далее Павел Алеппский говорит о малой «трапезе отцов». Отсюда можно заключить, что в трапезной было не менее двух помещений: одно большое, предназначавшееся в XVII в. для царских приемов, другое — для повседневных нужд братии. Царская палата, как видно, имела столб, на который опирались своды. Как были расположены помещения, упоминаемые Павлом Алеппским, остается пока неясным. Они могли быть расположены рядом в верхнем же, втором этаже, куда вела наружная лестница. «Малая трапеза отцов» могла помещаться и внизу в первом этаже (где располагались по описи 1642 г. хозяйственные помещения), или рядом, в изображенных на иконах пристройках. Важнее то, что верхняя «царская» палата трапезной имела столб в центре. Это архитектурное решение предвосхищает не только композицию Грановитой палаты московского Кремля 1487—1491 гг., но и плановое и конструктивное построение старой трапезной Симонова монастыря 1485 г. Высказанное ранее предположение³ о зависимости постройки Марко Руффо и Пиетро Солари от форм трапезной Симонова монастыря уточняется приведенным текстом Павла Алеппского. Авторы московской Грановитой палаты, повидимому, считались с русской традицией постройки светских зданий так же, как Аристотель Фиераванти, создавая Успенский собор, исходил из привычных представлений русского человека об облике храма.

В свете изложенных фактов новгородская одностолбная «грановитая» палата архиепископа Евфимия 1433 г. (оставляя в стороне ее сравнительно сложные своды с нервюрами) оказывается не такой уже «немецкой», как это принято думать.

Помимо архитектурно-конструктивного приема, описанного Павлом Алеппским, важны и некоторые детали изображенной на иконах трапезной. В нижнем ее этаже, справа, т. е. со стороны так называемой монастырской площади, изображена кладка из крупных квадров белого камня. Если учесть, что на помещенном здесь же Троицком белокаменном соборе 1423 г. изображение кладки отсутствует, можно думать, что квадратная кладка трапезной условно передавала какой-то особенный ее характер. Не являлась ли эта кладка условным воспроизведением граненой рустовки стен трапезы (может быть, это те самые «затейливые украшения», о которых

Рис. 43. Изображение трапезной в Троице-Сергиевской лавре на иконе церкви Рогожского кладбища

¹ Очевидно, речь идет о втором этаже. См. Ю. А. Олсуфьев. Три доклада по изучению памятников искусства б. Троице-Сергиевской лавры, 1927, стр. 34.

² Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию..., вып. 4, стр. 33.

³ А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусской архитектуры XI—XVIII вв., М., 1936, стр. 226.

упоминает Павел Алеппский) и не была ли подобная декорировка Московского здания в Кремле соответствующим подражанием древнему зданию Троице-Сергиевского монастыря?

Достовернее другая деталь. Окна верхнего этажа трапезной, судя по вполне отчетливому их изображению на иконах, расположены как бы парно, а в простенках между ними находятся круглые окна-люнеты, что предвосхищает расположение древних окон XV в. той же московской Грановитой палаты. Таким образом наличие парных окон с круглыми углублениями в простенках на глубину одного-двух кирпичей в трапезных XVI в. (например, в трапезной Пафнутьево-Боровского монастыря 1522 г.) указывает не столько на влияние Московского здания, сколько на устойчивость древнего традиционного архитектурного решения, дожив-

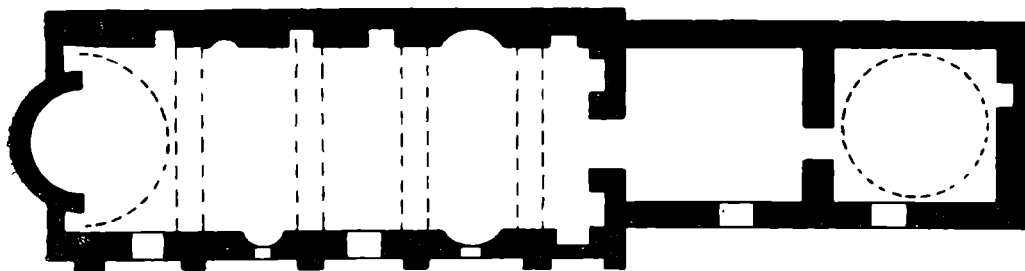

Рис. 44. План трапезной монастыря Бронтохион на Афоне (по А. Орландосу). Масштаб 1:200

шего до конца XVII в., в частности, в постройках той же Сергиевой лавры — «в чертогах» 1686 г.¹

Как видим, появление и этой детали нельзя связывать с деятельностью итальянских зодчих в Москве в XV в.

Относительно наличия у большинства русских трапезных XV—XVI вв. одного центрального столба, несущего своды, обычно высказывалось предположение, что подобное конструктивное и архитектурное решение исходило или было заимствовано с Запада. Вышеприведенные факты, как видим, заставляют иначе расценивать это явление. Особенно важно указание того же Павла Алеппского, что «столовые в этой стране [т. е. в России.— М. И.], которые называют палатами, бывают четырехугольные с одним только столбом посредине, будет ли строено из камня или строганого дерева [курсив мой.— М. И.]. Вокруг столба имеются полки в виде ступенек, одна над другой, покрытые материями. На каждую ступень ставят серебряные, вызолоченные кубки». Это свидетельство, во-первых, устанавливает полное тождество между монастырскими трапезными и зданиями, предназначенными для пиров, а во-вторых, приближает нас к пониманию генезиса форм русской трапезной.

Стоит сравнить русские трапезные XVI в. (более поздние, XVII в., мы пока оставляем в стороне) с трапезными греческих монастырей на Афоне (рис. 44) и Ближнем Востоке, а также с трапезными — рефекториумами Западной Европы, чтобы убедиться в оригинальности и своеобразии русских зданий этого рода. Византийские и романо-готические трапезные (например, в Сен-Галленском монастыре 830 г.) обычно представляют собой зальное помещение, ширина которого колеблется от 4 до 8 м при длине в 10—22 м. Перекрытие обычно сводчатое, коробовое. В виде исключения встречаются зальные трапезные с одним рядом колонн. Про-

¹ Эту деталь XVII в. И. Э. Грабарь связывал именно с Грановитой палатой (Ист. русского искусства, т. II, стр. 290).

тивоположная входу торцовая сторона заканчивается конхой, иногда даже тройной, подобно церковной, выступая наружу или скрываясь в толще стены.¹ Под конхой апсиды помещается стол игумена, напоминающий и по месту расположения в здании и по форме престол алтаря. Эти византийские трапезные, даже поздние, повторяют в общих чертах форму базилики, представляя собой вполне законченное и самостоятельное произведение монастырской византийской архитектуры. Необходимо отметить, что с нартексом — притвором храма — византийская трапезная никак не связана.

Сопоставление приведенных фактов убеждает в том, что русские монастырские трапезные XV—XVI вв. никакого отношения к византийским, афонским или западноевропейским трапезным не имеют. Имея в виду традиционность и устойчивость архитектурных решений на Руси и учитывая описание Павлом Алеппским столовых палат, мы вправе предположить, что появление такого рода зданий имело место еще задолго до XV в.

Общезвестно то большое значение, которое в древней языческой Руси имели пиры и тризны, совершавшиеся в зданиях — гридницах, служивших также и местом собрания княжеской дружины, совещаний и т. д. Говоря о гридницах, былины обыкновенно характеризуют их эпитетом «светлая», что указывает на их обильное освещение, а косвенно и на их размер. Постройки эти были, вероятно, деревянными. Без наращивания бревен они не могли превосходить 10 м в квадрате (наращивания бревен «в замок», не говоря уже о соединении бревен впритык, наши предки не применяли). Естественно, что потолочные прогоны-мáтицы, имеющие от 8 до 10 м длины (12—15 аршин), должны были поддерживаться в центре столбом или двумя столбами — подпорами. При воспроизведении квадратной залы в камне переведен был в камень и этот конструктивный прием: при квадратном плане постановку одного каменного столба в конструктивном отношении осуществить было легче, чем постановку двух столбов со сложной системой сводов и распалубок. Кроме того, наличие двух столбов, каменных или деревянных, предполагает проход между ними, т. е. движение в направлении к какому-либо следующему помещению. Наличие же одного столба в помещении никакого дальнейшего движения не предполагает. Квадратный в плане зал с одним столбом в центре является вполне завершенной и статичной композицией. Можно думать, что в основе одностолбия русских каменных трапезных и палат XV—XVI вв. лежит глубокая традиция, восходящая к седой старине.²

К деревянному прототипу восходит, вероятно, и старая трапезная Троице-Сергиева монастыря, являясь, вместе с тем, одним из последних отражений каменного гражданского зодчества в монастырском строительстве.

¹ См. А. Orlandos. *Manasteriaki architectonici*. Athen, 1927 (по-гречески).

² В. Ф. Ржига привел интересное свидетельство одной из скандинавских саг, где о русских гридницах рассказывается, что русский великий князь Ярослав хвалился перед своей супругой Индегердой великолепием своей вновь выстроенной залы; но она возразила, что зала ее отца, шведского короля Олафа, еще лучше, хотя она стоит на единственной колонне (В. Ф. Ржига. *Очерки из истории быта домонгольской Руси*. Тр. ГИМ, вып. 5, М., 1929, стр. 9). Отсюда можно заключить, что русские гридницы имели не только одну центральную опору. Постановка одной опоры в центре гридницы может быть сопоставлена и с внутренним расположением древнерусской избы (по раскопкам В. А. Городцова и др.), в центре которой помещалась печь. Печь как бы расчленяла помещение избы, выделяя углы, каждый из которых имел свое особое назначение. В этой связи интересно расположение царского трона в Грановитой палате — в одном из ее углов, на что обращали внимание иностранцы, удивлявшиеся этому: они привыкли видеть трон стоящим по центральной оси базиликального зала. Сопоставление всех приведенных фактов еще более убеждает в глубоком родстве избы, гридницы и монастырской трапезной.

Не менее интересно наличие каменного шатра над изучаемой трапезной. Изображенный на иконах шатер не есть обычное «палатное письмо», где конусообразное покрытие, отдаленно напоминающее шатер, условно передает форму крыши зданий, часто весьма далеких от действительности. Шатер старой трапезной Троице-Сергиевого монастыря — это вполне конкретное, реальное изображение. При этом существенно то, что на шатре отсутствуют глава и крест (на прочих изображенных зданиях кресты нанесены киноварью); вместо него помещен флюгер в виде флажка. Наличие шатра на трапезной столь ранней постройки требует объяснения.

Со зданием храмовой трапезной связаны следующие обряды и действия: крещение, трапеза нищих и убогих и собрание общины по делам церкви. В связи с последним русские деревянные трапезные XVII в., а также армянские XII—XIV вв. имеют вдоль стен скамьи.

Самое крещение в русской православной церкви производилось (в противоположность раннехристианской церкви и западной) не в особой постройке, а в храме, но не собственно храме, а в нартексе или притворе. В притвор была перенесена и купель.

Однако таинство и обряд крещения на Руси не обставлялись особенно торжественно. Вероятно, в связи с этим русские церковные трапезные не получили того специфического покрытия в виде кивория и завершения куполом или шатром, которое имели в раннесредневековой христианской архитектуре отдельно стоящие крещальни или, например, армянские притворы XII—XIII вв. Поэтому появление шатра в русских монастырских трапезных никак не может быть связано с надкрещальным киворием, даже и в видоизмененной форме.

Большее значение имеет, полагаем, развитие принципа надпрестольной сени. Первое упоминание о ней относится еще к IV в.¹ Как купол осенял храм — священное место для молитвы, так киворий осенял престол — священное место храма, где совершалось великое таинство претворения хлеба и вина в плоть и кровь Христову. Престол в алтаре рассматривался, как стол-трапеза, с которого верующие получали причастие.² Традиция осенения священного места восходит к глубокой древности и была присуща почти всем народам. Очаг как источник света, тепла и жизни с конусообразной крышей юрты или землянки над ним был далеким предком престола и надпрестольной сени. Позднейшее «осенение» очага можно наблюдать в монастырских поварнях Афона. Большинство из них имеет купольное сводчатое покрытие со световым барабаном или низкий шатер с таким же, иногда сильно вытянутым вверх, барабаном-трубой. Световые его отверстия служили как для освещения, так и для выхода дыма.³ Однако шатры афонских поварен видны лишь изнутри, а снаружи скрыты либо поднимающимися до барабана стенами нижней части здания, либо скатной конусообразной кровлей, которая однако имела более отлогий уклон, чем шатер. Обычно эти поварни стоят отдельно от трапезных, как и поварня Троице-Сергиева монастыря, изображенная на тех же иконах.⁴ Лишь в отдельных случаях поварни соединены с трапезными, будучи расположены по одной оси: за поварней следует входное помещение, затем трапезная.

Каменные поварни упоминаются русскими летописцами с XV в., но, как правило, они располагаются в нижних этажах трапезных и столовых

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Изд. П. Сойкина, т. I, стр. 1266, слово «киворий».

² Там же, стр. 1272.

³ A. Oglanos. Ук. соч.

⁴ Ю. А. Олсуфьев (Три доклада...) вполне обоснованно предполагает, что поварня Троице-Сергиева монастыря связана с деятельностью того же В. Ермолина и, следовательно, датируется теми же 60-ми годами XV в. Изображенный на иконах шатер поварни скорее всего близок к утилитарным шатрам поварен Афона.

палат.¹ Тот же Павел Алеппский, говоря о трапезных, указывает, что «под ними кухни, дабы они зимою были теплые и согретье». Из приведенного следует, что афонские поварни с их характерными завершениями прототипами русского шатра в трапезных также служить не могут.

Существенную помощь в решении интересующего нас вопроса может оказать типикон, т. е. монастырский устав, основанный на Студийском монастырском уставе IX в. В главе о чине монастырской трапезы мы читаем, между прочим, следующее: «Вечером же ради, ничтоже варити подобает, не студеное же его ядят, но тепло, от обеда до вечера соблюдено.

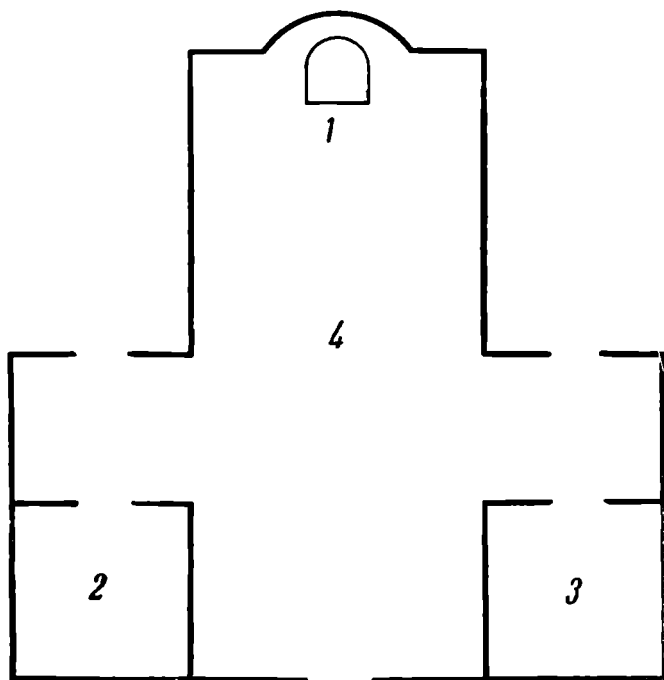

Рис. 45. Схема плана трапезной в монастыре св. Афанасия на Афоне (по В. Г. Барскому)

1 — стол игумена; 2 — хлебодарня; 3 — раздаточная пища; 4 — трапезная

Да будет углие на огнище в трапезе, а на нем сосуд глинян станет до вечера, и тако сочиво тепло будет и без вреда и сладостно на вечери поставится». Естественно, что подобно расположенным под трапезными поварням, трапезные отдельно и отапливались. Древнейшие русские трапезные XV—XVI вв. распланированы следующим образом: к центральной, обычно квадратной в плане, одностолбной палате — собственно трапезной — примыкают два меньших, квадратных же в плане, помещения. Одно (правое) служило раздаточной палатой, другое (левое) с XVI в. — церковью, обычно увенчанной шатром. Такие же отдельные помещения мы находим в некоторых древнейших трапезных Афона² (рис. 45). Одно из этих помещений предназначалось для раздачи пищи, другое было хлебодарней.

Старая трапезная Троице-Сергиева монастыря, как было указано, до 1621 г. церкви не имела (в этом году к ней была пристроена церковь Михаила Малейна),³ как не имели их и более древние трапезные,

¹ Новгородская летопись под 1442 г. В этом году архиепископ Евфимий построил поварни под своей «комнатой», расположенной в верхнем (втором) этаже.

² Например, в монастыре св. Афанасия. В. Г. Барский. Странствования, часть III, 1887, табл. при стр. 72.

³ Ю. А. Олсуфьев. Три доклада...

упоминаемые летописью. Следовательно, шатер старой трапезной, видный справа, осенял не церковь (на что указывает и флюгер завершения), а раздаточную палату или хлебодарню. Стол обоих этих помещений по смыслу может быть уподоблен престолу храма. Следовательно, шатер мог представлять собой своего рода сень над местом раздачи пищи или хлеба. С раздаточной палатой, предположительно, может быть связан и очаг самой трапезной, где сохранялась горячая пища к ужину.¹ Такое осмысление шатра при сопоставлении его с купольными завершениями новгородских трапезных Антониева и Хутынского монастырей (1532—1537 и 1552 г.) в известной мере объясняется отсутствием апсид у большинства монастырских трапезных храмов, которые появляются лишь в XVI в. Вполне естественно, что, начиная с XVI в., когда при трапезных появляются храмы (что объясняется усилением деятельности церкви, шедшей параллельно усилению светской власти), шатер располагается уже над последними. Он осенял, подобно своеобразному киворию над престолом, сам храм, что также отражало и распространенность шатрового покрытия над обычными храмами, строившимися в то время и вне стен монастыря.

Необходимо обратить внимание на то, что Грановитая палата московского Кремля была покрыта четырехгранным, относительно отлогим, шатром. Так же было покрыто большинство трапезных XVI в. Обращает на себя внимание и кубоватая кровля столовой палаты Коломенского дворца. В ней можно усмотреть измененный, согласно вкусам XVII в., тот же шатер-колпак Грановитой палаты.² Во всех этих зданиях, несмотря на их постепенно изменявшееся внешнее убранство, наблюдаются общие черты, которые позволяют не только сопоставить их с монастырской трапезной Троице-Сергиева монастыря, но и ощутить в них далекий образ былинных гридниц. Слова Павла Алеппского о русских трапезных напоминают эпитеты былин, относящиеся к гридницам: «В монастырях Московской земли... более всего тщеславятся благолепием, величиной и обширностью помещения трапезных, кои бывают просторные, высокие, каменные...»

Распространение здания трапезных (помимо монастырских) на Руси³ объясняется тем большим значением, которое придавалось милостыне, почитавшейся одной из высших добродетелей человека: здесь в трапезных кормили нищую братию и убогих. Таким образом в этих зданиях как бы слились две традиции. Одна восходит к ритуальным предписаниям Студийского монастырского устава,⁴ другая — к древним народным пирам в гридницах, где князь угощал свою дружину.

Как видим, изучение старой трапезной Троице-Сергиева монастыря с ее шатром, даже по рисункам и описанию, дает возможность дополнить историю древнерусского зодчества. Ее каменный шатер, светский по своему характеру,⁵ говорит о том, что эта форма была не только известна в XV в.,

¹ Интересно, что так называемые царские места также имели шатровую сень над собой (царское место московского Успенского собора 1552 г. и царское место новгородской Софии 1570 г.). В афонских же монастырях стол игумена и он сам во время трапезы помещались в конхе апсиды, что восходит к римско-византийской традиции. См. Барский и Ук. соч., стр. 72 сл., а также А. Oglanos. Ук. соч.

² Так же изменено шатровое покрытие на кубоватое в церкви св. Зачатья XVII в.

³ Деревянные трапезные известны с XVI в. См. описание Тихвинского монастыря 1560 г.

⁴ Первые каменные трапезные отмечены летописью под 1110 г. (Киево-Печерская) и 1127 г. (Антониева монастыря в Новгороде).

⁵ Очень интересно одно место в описании раннехристианского кивория у Павлиния: «Catharus... quem cancelata tegit arca culmine turgis», т. е. огражденный колодец, несущий прочное покрытие, заканчивающееся подобно покрытию башни (F. X. Kraus. Real-encyclorädis der christlichen Altertums. 1882, стр. 122). Тем самым мы имеем еще одно косвенное подтверждение высказанного мною мнения о происхождении церковного шатра от форм деревянного покрытия крепостной башни.

но и была связана в различных случаях своего применения с различными же источниками. Шатер для древнерусского зодчего, применявшийся им лишь на определенных постройках, обладал не столько декоративным, сколько определенным смысловым значением. В связи с этим шатры имели и различную форму: то крутую, то пологую, то заканчивающуюся главой, то сходящую на-нет, подобно покрытию башни и т. д.

Старая трапезная Троице-Сергиева монастыря как определенный архитектурный тип сложилась на основе различных источников, обрядов и обычаев, слившихся друг с другом. В этом ее интерес и значение.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

РАБОТЫ ФАРХАДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В УЗБЕКИСТАНЕ в 1943—1944 гг.*(Предварительное сообщение)*

В феврале 1943 г. в районе города Беговат (Узбекская ССР) начались работы по сооружению мощной Фархадской гидроэлектростанции, рассчитанной на использование энергии р. Сыр-Дарьи.

Строительные работы, осуществляемые методами народных строек, развернулись сразу же на значительной территории—протяжение трассы строительства составляло около 15 км. Исходным пунктом трассы является район Фархадских скал—8 км восточнее Беговата, где должна быть сооружена громадная плотина и головная часть деривационного канала.

Канал тянется отсюда на северо-запад вдоль левого берега Сыр-Дарьи до гидроэлектростанции, место строительства которой находится примерно в 6—7 км северо-западнее Беговата. Ввиду большого объема предстоявших земляных работ, притом охватывающих обширную территорию, возникла потребность организации систематического археологического надзора на трассе Фархадстроя, особенно необходимого потому, что район Беговата никогда прежде не подвергался археологическому обследованию и поэтому представлял на археологической карте Узбекистана в полном смысле «белое пятно».

После предварительного осмотра трассы строительства, произведенного в марте научным сотрудником Узбекского филиала АН СССР В. Д. Жуковым, в начале апреля 1943 г. на Фархадстрой была направлена Фархадская археологическая экспедиция, организованная Институтом истории материальной культуры АН СССР. Экспедиция в составе В. Ф. Гайдукевича (руководитель работ), М. М. Герасимова и М. Э. Паничкиной имела своей задачей проведение общего археологического надзора на всей территории строительства и производство раскопок в местах обнаружения наиболее важных археологических памятников. Детальное обследование экспедицией всей трассы строительства к востоку и западу от Беговата показало, что на ее территории расположено несколько крупных археологических объектов. в той или иной мере затронутых начавшимися земляными работами. Было выяснено, что на левом берегу Сыр-Дарьи и в районе строительства плотины, а также в районе строительства электростанции, т. е. на обоих концах трассы, расположены остатки древних поселений; деривационный канал близ Ширин-сая перерезал большой древний могильник, связанный, очевидно, с городи-

щем, находящимся против Фархадских скал — в районе строящейся плотины.

В соответствии с ходом строительных работ, в апреле Фархадская археологическая экспедиция сосредоточила основное внимание на расследовании могильника у Ширин-сая. Параллельно с этим экспедиция вела наблюдения за земляными работами на площадке строительства электростанции, где сносилась часть древнего городища, состоявшая из культурных отложений, главным образом IX—XII вв. Что касается городища в районе плотины, то, поскольку оно не попадало сразу в зону интенсивных строительных работ, его изучение было отложено до второй половины 1943 г.

Могильник у Ширин-сая расположен на левом берегу Сыр-Дарьи, примерно в 400 м южнее реки, имея с запада, приблизительно на таком же расстоянии, широкое русло впадающего в Сыр-Дарью Ширин-сая, наполняющегося водой лишь во время весенних ливней.

Выделенная управлением Фархад-строя в распоряжение экспедиции рабочая сила в количестве до 100 землекопов была использована для углубления канала на протяжении около 75 м, в результате чего было обнаружено 10 погребений; кроме того, раскопке подвергся южный борт канала, что позволило открыть еще 18 погребений. Всего таким образом удалось расследовать 28 погребений, часть которых, однако, оказалась в той или иной мере нарушенной предшествовавшими земляными работами. Помимо раскопок могильника, был произведен тщательный сбор всего вещественного материала, который происходил из могил, разрытых еще до прибытия экспедиции.

Все раскопанные могилы — простые грунтовые, и таков, повидимому, был весь могильник. Большинство могил содержало одиночные захоронения, лишь одна (№ 2) оказалась с двумя костяками — рядом со скелетом женщины лежал скелет ребенка; и еще одна могила (№ 1) содержала коллективное захоронение — в одной большой могильной яме находились три костяка. В преобладающей части могил были обнаружены костяки, которые лежали в вытянутом положении на спине, обращенными головой преимущественно на ВЮВ, но наряду с этим все же довольно значительное число расследованных погребений (около 25%) содержало костяки, лежавшие скорченными (рис. 46), чаще всего на левом боку, с поджатыми ногами. В двух погребениях покойники оказались лежащими на спине, но ноги у них были согнуты в коленном суставе и поставлены коленями вверх.

Значительный интерес представляет упоминавшееся погребение № 1 с тремя костяками; могила эта оказалась частично срытой еще до приезда экспедиции. В могиле (рис. 47) возле черепа крайнего восточного костяка найден был, с одной стороны, изящный глиняный кувшинчик, покрытый красным ангобом и украшенный рельефными горизонтальными поясками,

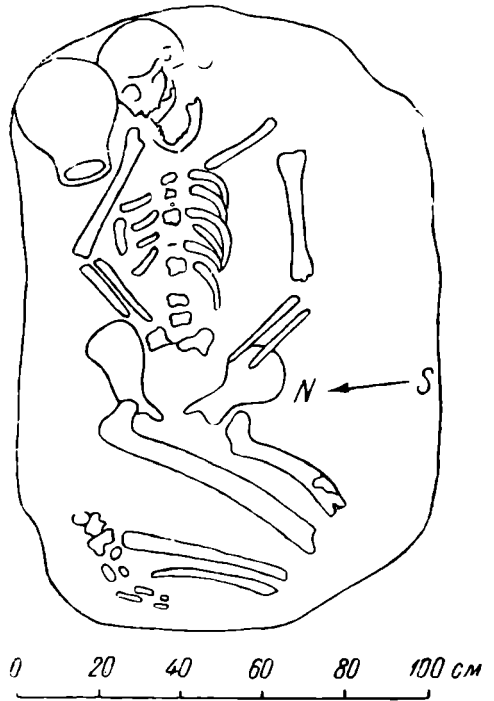

Рис. 46 Могильник у Ширин-сая.
План погребения № 26

а также углубленными волнистыми линиями на плечах, с другой стороны — полусферической формы чаша, тоже покрытая красным ангобом. У среднего костяка на уровне шеи оказалось довольно много бус, преимущественно стеклянных, но, наряду с этим, найдена одна крупная буса из горного хрусталя, одна янтарная, раковинка каури и др. Весьма важной явилась находка хорошо сохранившейся бронзовой китайской монеты, которая лежала под левой щекой, возле рта; возможно, что монета была положена покойнику в рот, но затем выпала. Крайний западный костяк, отчасти перекрывший соседний средний, был без вещей.

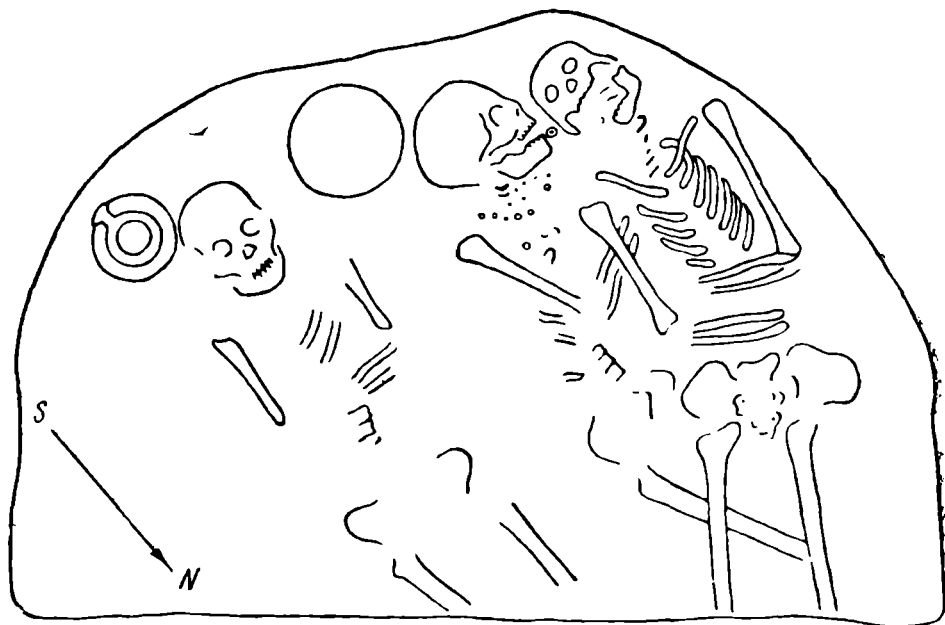

Рис. 47. Могильник у Ширин-сяя. План погребения № 1

Китайская монета имеет вид кружка (диаметр 2,5 см, вес 2,55 г) с четырехугольным отверстием в центре. На лицевой стороне один иероглиф обозначает цифру 5 («V»), другой указывает наименование монетной единицы («чжу»).

Как сообщил нам А. А. Быков, «подобные монеты отливались в Китае между 118 г. до н. э. и 618 г. н. э. Более точные датировки, сообщаемые в китайских источниках, на основании веса и характера иероглифов — сомнительны». Исходя из вышеприведенного указания, нашу монетную находку было бы трудно использовать в качестве хронологического критерия, поскольку может идти речь о семи — восьми столетиях.

Между тем, в одной из гробниц, открытых в Dông-Son (Индокитай) было обнаружено значительное число китайских монет «у чжу», идентичных нашему экземпляру. Наряду с ними там же оказалось несколько китайских монет Ван Мана (время его правления 9—23 гг.),¹ что указывает на синхронность монет «у чжу» нашего типа с хорошо датируемыми монетами Ван Мана.

Имея в виду вышесказанное, полагаем, что нашу монету «у чжу» мы вправе датировать первыми десятилетиями I в. н. э. В могилу она могла попасть значительно позднее, однако, вероятнее всего, в течение первых ве-

¹ Bulletin de l'école Française d'Extrême-Orient, t. XXIX, Hanoi, 1930, стр. 11.

ков н. э. Основываясь на монете (*terminus post quem*) и керамике (важен в этом отношении ангобированный кувшинчик) считаем, что весь комплекс погребения № 1 относится к II—III вв. н. э.

Большое количество разнообразных украшений сопровождало костяк молодой женщины, открытый в погребении № 8 (рис. 48). Здесь найдено много бус — стеклянные в виде зеленого и черного бисера, лигнитовые, пастовые, фаянсовые, сердоликовые, агатовые; пронизь из черного роговика и серпентина. Под крестцом лежал бронзовый четырехгранный пирамидальной формы колокольчик, наружные стороны которого орнаментированы гравированными кружками с точкой в центре; колокольчик, повидимому, служил украшением косы. Кроме того, при костяке был найден бронзовый перстень, находившийся, вероятно, на кисти правой руки, а на нижней части левой половины грудной клетки лежала бронзовая рукоятка железного ножа, разрушенного коррозией.

Бусами иногда украшались запястья рук. Так, в погребении № 4, помимо бус, найденных на шее (лигнитовые в форме цилиндриков и кружочков, а также шаровидные сердоликовые), у запястья левой руки костяка оказалось 8 бус из стекловидной массы в виде продолговатых параллелепипедов с срезанными углами. В этом же погребении возле черепа стояла глиняная чаша, покрытая красным ангобом и близкая по форме чаше из погребения № 1. В ногах лежал плоскодонный глиняный горшок, крытый белым ангобом и орнаментированный двумя волнистыми углубленными линиями.

Особо должно отметить погребение № 14. При костяке, лежавшем в вытянутом положении, на спине, у ног найдена большая глиняная выючная фляга (рис. 49, 1), у которой один бок плоский, другой выпуклый, причем последний украшен орнаментом в виде врезанной спирали: близ фляги стояло большое глиняное блюдо на трех ножках (рис. 49, 2). И фляга, и блюдо покрыты красным ангобом. Весьма интересно, что на блюде лежала челюсть собаки. Последнее свидетельствует о существовании какого-то погребального ритуала, при котором, повидимому, совершалось жертвоприношение собаки.

В двух погребениях найдены сосуды с ручками в виде животных. В погребении № 21, где оказался детский костяк, лежавший в скорченном положении, найден глиняный плоскодонный кувшин, покрытый светлокремевым ангобом и имеющий ручку в виде кабана. В разрушенном погребении № 28 (рис. 49, 3) найдена ангобированная красная чаша, внутри которой лежал кувшинчик; плечи его украшены небрежно вырезанной линией,

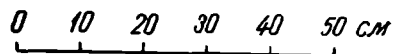
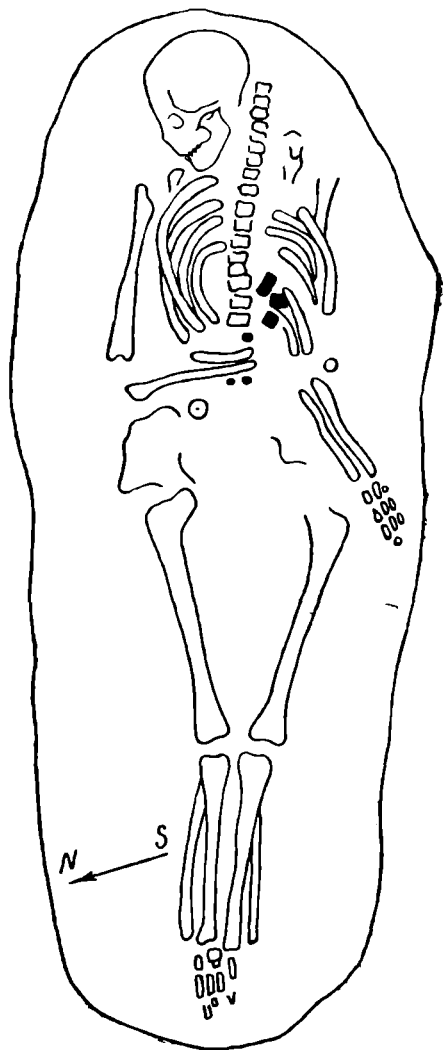
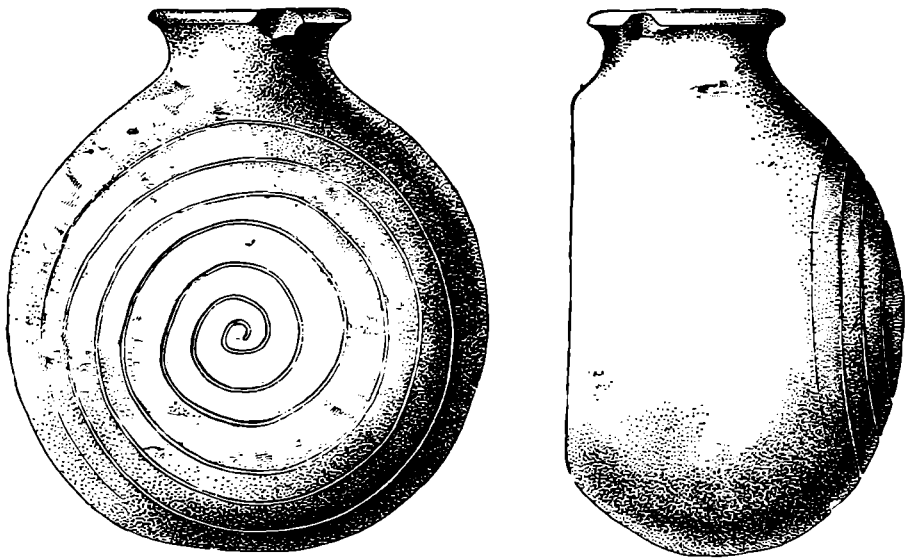
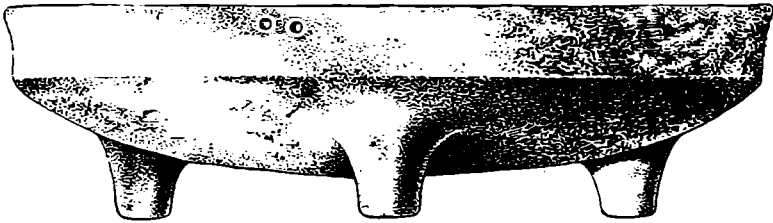

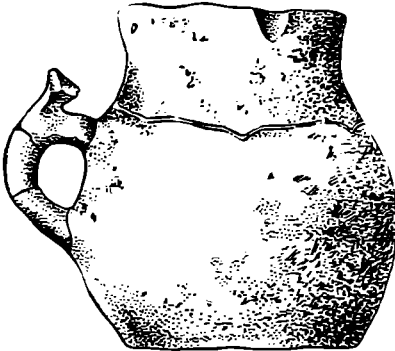
Рис 48. М. гильник у Ширин-сая.
План погребения № 8

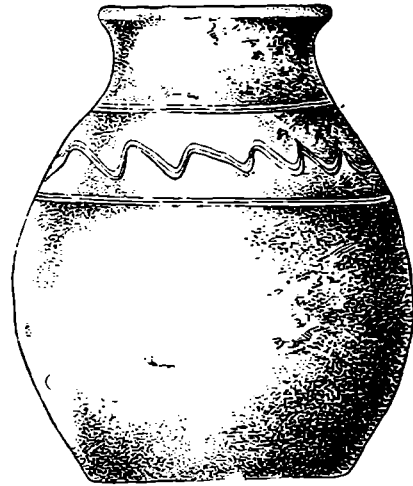
1

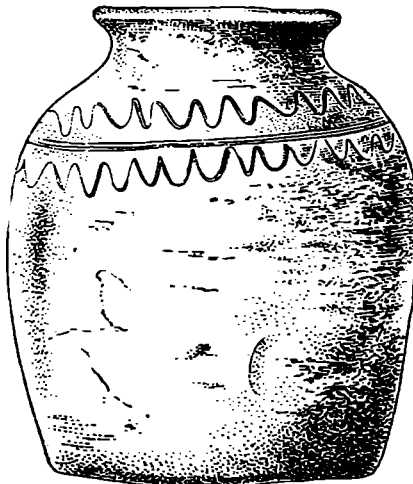
2

3

4

5

Рис. 49. Могильник у Ширин-сая.
1 — глиняная вьючная фляга из погребения № 14; 2 — глиняное блюдо из погребения № 14; 3 — глиняный кувшин из погребения № 28; 4 — сосуд из погребения № 11; 5 — сосуд из погребения № 25

ручка имеет обращенный к горлу выступ, который оформлен в виде головы овцы. Глиняные сосуды найдены были почти во всех погребениях. Чаще всего в могиле находилась пара сосудов — чаша и горшок или кувшин. Преобладают сосуды, изготовленные без гончарного круга, но формовка их обыкновенно отличается тщательностью; стенки старательно выравнены, сглажены: повидимому, завершающая стадия формовки сосуда велась на каком-то примитивном приспособлении, которому придавалось вращательное движение. Окончательная наружная отделка сосудов выражалась в покрытии поверхности ангобом, красным или белым. Иногда ангобировка была двойной: сначала сосуд покрывался белым ангобом, а поверх него красным

Внешняя отделка чаш обычно ограничивалась нанесением красного ангоба, иногда, правда, дополняемого лощением поверхности.

Горшки и кувшины в большинстве случаев покрывались только белым ангобом, имеющим часто кремовый или оливковый оттенок. Но зато этого рода сосуды часто украшались еще и орнаментом в виде волнистых горизонтальных врезанных линий. Изображенные на рис. 49 (4, 5) сосуды из погребений № 11 и № 25 дают представление о характере орнаментации, представляющей различные комбинации волнистых и горизонтальных углубленных линий. На нескольких сосудах из могильника у Ширин-сая орнамент волны и горизонтальные линии исполнены гребенчатым шаблоном.

Могильник, расследованный у Ширин-сая, дал первый вещественный материал, характеризующий древнюю культуру района Беговата, входившего в прошлом в состав среднеазиатского государства Усрушаны, или Сутрушаны. Могильник этот должен быть датирован по основной массе погребений II—III вв. н. э., хотя в целом, он охватывает, повидимому, несколько более широкий промежуток времени, примерно I—IV вв.

Предварительные сопоставления находок из могильника у Ширин-сая, главным образом керамики, с археологическими материалами других смежных районов Средней Азии позволили установить ряд близких черт, прежде всего с районом древнего культурного оазиса Шаша первых веков н. э. (раскопки на Ташкентском канале А. И. Тереножкина, раскопки в Каунчи Г. В. Григорьева). Наряду с этим необходимо отметить несомненную общность многих форм керамики могильника Ширин-сая с керамикой древней Ферганы тоже первых веков н. э., на что указывают материалы, добытые при недавних раскопках на Большом Ферганском канале. Указанные культурные сближения будут вполне понятны, если учесть местонахождение Беговата — у выхода из Ферганской долины, на границе степи.

Раскопки могильника у Ширин-сая привели к выводу о наличии оседлой культуры в районе Беговата в первой половине I тысячелетия н. э. Однако не сразу оказалось возможным определить, с каким поселением этот могильник был связан. Несколько позднее, используя наблюдения за прорытием деривационного канала к востоку от Ширин-сая, удалось с несомненностью установить, что могильник у Ширин-сая представляет собою лишь часть обширного древнего могильника, тянувшегося с перерывами на восток вплоть до городища Мунчак-тепе, расположенного против Фархад-тау; местами на указанном пространстве могильник подходит близко к Сыр Дарье.

Городище Мунчак-тепе было подробно обследовано в июне 1943 г. автором совместно с А. Ю. Якубовским. Котлован, вырытый на городище при закладке плотины и прорезавший его посередине с севера на юг, дал обнажения культурных наслоений, достигающих 5—6 м глубины. Подъемный керамический материал, собранный при первом ознакомлении с городищем, включал, с одной стороны, фрагменты лощеной керамики с красным ангобом, а с другой — многочисленные фрагменты поливной керамики, что ориентировочно указывало на крайние даты начала и конца жизни городища в

пределах приблизительно III—XI вв. Как показали дальнейшие археологические исследования, указанная первоначальная датировка городища в основном оказалась правильной и в дальнейшем была лишь немного уточнена.

На городище Мунчак-тепе раскопки велись с сентября 1943 г. до января 1944 г., а затем возобновились в марте 1944 г. и были продолжены до конца сентября. В состав экспедиции входили: В. Ф. Гайдукевич (руководитель экспедиции), научные сотрудники Т. Н. Книпович, А. Н. Карасев, М. А. Наливкина, С. М. Шмерлинг, аспирант Е. Е. Слащев, архитектор В. Л. Воронина (от Государственного научно-исследовательского института искусствознания Узбекской ССР); работы экспедиции на всем их протяжении проводились под общим наблюдением и руководством заведующего Ташкентской группой ИИМК члена-корр. АН СССР А. Ю. Якубовского. Существенную помощь экспедиции оказал Гос. Эрмитаж, усиливший ее материальные средства.

Необходимо особо отметить внимательное отношение, которое было оказано нашей экспедиции руководством Фархадстроя (в лице начальника строительства А. А. Саркисова, главного инженера И. Я. Каминского и начальника головного узла инж. Б. Я. Моисеева), обеспечившим экспедицию рабочей силой в количестве до 70 человек.

Участникам экспедиции ИИМК приходилось испытывать, как и строителям Фархадской ГЭС, все те невзгоды и бытовые трудности, которые были неизбежны в условиях большого скоростного строительства, осуществляемого в обстановке военного времени. Трудности эти усугублялись еще тем, что, учитывая быстрые темпы строительства и обусловленную этим ограниченность времени, в течение которого городище Мунчак-тепе могло еще быть объектом археологического исследования, экспедиции пришлось работать с большим напряжением сил почти круглый год, включая осеннее и зимнее время,— при частых дождях, снегопадах и холодных ветрах, систематически дующих в это время года со стороны Ферганской долины, и притом нередко с ураганной силой.

Городище Мунчак-тепе занимает площадь около 4 га. В плане оно представляет возвышенный четырехугольник (200 × 180 м), одна сторона которого образует высокий обрывистый берег Сыр-Дарьи. С остальных трех сторон городище ограничивается склонами, наиболее четко выраженными с востока и запада, тогда как южный край городища несколько искажен насыпью Кауфмановского (недостроенного) оросительного канала 70—80-х годов прошлого столетия. На относительно ровной площади городища резко выделяется его северо-восточная часть, имеющая форму продолговатого высокого холма длиной 70 м, шириной 40 м, центральная часть которого почти на 24 м выше уровня Сыр-Дарьи. Холм этот (тепе) по занимаемой им площади составляет примерно $\frac{1}{12}$ всей территории городища. Обрывистый край тепе со стороны Сыр-Дарьи носит явные следы разрушений, вызванных размывами высокого берега рекою и приведших, несомненно, к сносу некоторой части древнего городища. На крутом восточном склоне тепе хорошо видны остатки оборонительной стены, построенной из сырцовых кирпичей и входившей в систему укреплений данного поселения. С самой высокой части Мунчак-тепе открывается широкая картина окружающей местности: в восточном направлении видна Ферганская долина — сплошная и зеленеющая даль садов; южнее на горизонте появляются и тянутся к западу величественные цепи гор Туркестанского хребта с их снежными вершинами, бесконечно меняющими свою окраску в зависимости от времени года и метеорологических условий. На юго-западе отчетливо вырисовывается возвышенная гряда, на вершине которой виднеются развалины древней башни, представляющей собою остатки разрушенной крепости. Последнее является частью довольно большого древнего городища (от Мунчак-тепе до него

около 6 км), известного у местного населения под названием Ширин-кыз, как, впрочем, именуется и весь кряж, близ которого с восточной стороны проходит Ширин-сай.

Однообразный равнинный ландшафт к западу от Мунчак-тепе, в направлении к Беговату оживляется лишь извилистым руслом Сыр-Дарьи, по правому берегу которой прорыт Дальверзинский канал. В полуторах километрах от Мунчак-тепе, над Дальверзинским каналом, на берегу высятся курганообразная насыпь (тепе), являющаяся остатком древнего сторожевого пункта. Степной район к северу от Сыр-Дарьи замыкается с востока горным массивом Могол-тау, скалистые отроги которого, опускаясь, вплотную подходят к реке. Непосредственно против Мунчак-тепе правый берег Сыр-Дарьи состоит из высоких, почти отвесно обрывающихся краснобурых известковых скал, называемых Фархадскими (Фархад-тау). Скалы постепенно повышаются в восточном направлении; приблизительно в 0.5 км от Мунчак-тепе они достигают наибольшей своей высоты. В этом месте Сыр-Дарья круто огибает скалы, делая поворот на северо-восток.¹

Народная легенда приурочила к этим скалам богатырские подвиги героя Фархада, приписав ударам его чудодейственного кетменя происхождение отвесных скалистых обрывов, омываемых Сыр-Дарьей.

Ввиду невозможности подвергнуть раскопкам всю территорию городища Мунчак-тепе, подлежащего в дальнейшем включению в земляное тело плотины Фархадской ГЭС, экспедиция должна была ограничить раскопочные исследования некоторой его частью. Решено было основные раскопки развернуть на возвышенной северо-восточной части городища (тепе), где со стороны котлована, срезавшего западный край этого тепе, в обресе насыпи видны были признаки крупного сооружения, заставляющие предполагать наличие на тепе остатков постройки типа замка. Избрав главным объектом исследования тепе, экспедиция вместе с тем произвела разведочные раскопки и в других местах городища, а также раскопки внутри котлована, юго-западнее тепе. Здесь верхние культурные слои уже были сняты на глубину до 3 м. Заложенный раскоп (II) привел к открытию интересных остатков большой керамической обжигательной печи, относящейся, как можно судить по найденной в печи и возле нее керамике, к первым векам н. э. От печи сохранилось топочное помещение, которое было построено в лёссовом материке. Оно представляет собою вытянутое с севера на юг пространство, длиной 5.70 м, наибольшей шириной 1.10 м, ограниченное стенами толщиной 0.42 м, которые сложены из сырцовых кирпичей, подвергшихся обжигу во время производственного функционирования печи. Внутри топки, устье которой находилось в южном конце, обе боковые стены, т. е. восточная и западная имеют выступы — лопатки; с западной стороны их 6, с восточной — 7. Лопатки эти служили для поддержания сводчатого перекрытия, на котором, повидимому, лежал под верхней обжигательной камерой, полностью разрушенной. Все внутренне части топки покрыты глиняной обмазкой с большим количеством примешанной к глине соломы.

Топка керамической печи была заполнена золой, кирпичами и кусками глиняной обмазки от обрушившихся частей печи; кроме того, внутри топки оказалось много обломков керамики, т. е. той посуды, которая обжигалась в данной печи. Принадлежность указанной керамики мастерской, в производственное оборудование которой входила и обжигательная печь, не подлежит сомнению, что подтверждается большим числом повторяющихся однородных типов изделий, а также наличием среди них явного производственного брака. Следует добавить, что такого же рода изделия

¹ Скалы Фархад-тау считаются крайней западной границей Ферганской долины.

обнаружены были и близ печи среди завала кирпичей, образовавшегося от разрушений обжигательной камеры и залежавшего толстым слоем с западной стороны. Посуда, обжигавшаяся в печи, представлена двумя основными группами: тонкая ангобированная керамика и простая керамика без ангоба. Обе изготовлялись с применением гончарного круга. Первая группа изделий состоит из тонкостенных чаш и блюдец, покрытых ангобом, цвет которого варьирует от яркочерного до красновато-коричневого, причем часть сосудов поверх ангоба подверглась еще и лощению. Вторую группу изделий, более простой выделки, образуют главным образом крупные одноручные сосуды (кувшины), горло которых имеет слив; по форме они близко напоминают эллинистические энохи.

В своей совокупности продукция керамической мастерской свидетельствует о высоком уровне гончарной техники: глина хорошего качества, для тонких изделий она несомненно подвергалась отмучиванию, формовка производилась на круге, тщательно ангобированная поверхность имеет гляцевитый вид, иногда усиленный штриховым лощением.

Керамическая печь относится к самому нижнему культурному слою городища Мунчак-тепе; весь комплекс находок, добытых из раскопок с печью, характеризует наиболее ранний («кушанский») период жизни поселения. Наблюдения, которые можно было сделать над этим же ранним культурным слоем в ближайшем районе около печи, указывали на ярко выраженный земледельческий характер поселения. Множество крупных глиняных хумов для хранения продовольственных припасов в домах, обилие каменных зернотерок, масса костей домашнего скота и т. д., — все это говорит об оседлом земледельческом быте жителей Мунчак-тепе в первые века н. э.

Надзор за земляными строительными работами, производившимися в береговой полосе тепе, позволил также установить, что и здесь, под средневековыми культурными отложениями, имеется достаточно хорошо выраженный культурный слой первых веков н. э., содержащий вещественный материал, аналогичный тому, который обнаружен на раскопе с гончарной печью в котловане. В нижнем культурном слое тепе, залежавшем непосредственно на материке (таким здесь является мощный слой галечника), наряду с обильно представленной керамикой, покрытой красным ангобом, были найдены каменные литейные формы. Особенно интересна литейная форма, служившая для отливки серег. Она состоит из двух плиток (7.4 × 7.9 см) темносерого сланца, на внутренних сторонах которых вырезаны формы пары серег и каналы для заполнения формы металлом, каковым, очевидно, являлось золото; чтобы обе половинки точно совпадали и не сдвигались, в одну половинку формы были вделаны два металлических штифта, на которые надевалась другая половинка, для чего в соответствующих местах последней были просверлены отверстия.

Изготавливавшиеся в указанной литейной форме серьги состояли из кольцевидной основы (диаметр 2.9 см) с желудевидной подвеской, заканчивающейся внизу шариком и имеющей каннелированную поверхность. Интересно, что обе серьги, отливавшиеся одновременно в форме, хотя почти и тождественны, но все же не совпадают в одной детали: подвеска левой серьги имеет с обеих сторон в верхней своей части восьмеркообразные дополнительные украшения, которых не имеет правая серьга. Замечательной особенностью найденных древних литейных форм является их внешнее оформление. Несмотря на то, что они являлись утилитарными предметами производственного назначения, наружная отделка была исполнена с большим изяществом. Верхняя половинка литейной формы для серег была украшена по краям мозаичным узором из желтоватых и красных треугольных пластинок, такие же цветные треугольники заполняли круг, находя-

щийся в центре, угловые части заняты четырьмя вырезанными звездами о семи лучах.

Таким образом Мунчак-тепе в его наиболее древних культурных напластованиях рисуется как земледельческое поселение, являвшееся одновременно незаурядным торгово-ремесленным центром. Тут было развито керамическое производство, как это показало открытие гончарной обжигатель-

Рис. 50. Мунчак-тепе. Фрагмент глиняного оссуария с рельефной маской божества и виноградной гроздью

ной печи; здесь существовало и ювелирно-металлическое производство, засвидетельствованное находками литейных форм.

Для полноты характеристики культуры Мунчак-тепе раннего периода необходимо упомянуть находки, сделанные весной 1944 г. на территории так называемого восточного некрополя при земляных работах восточнее Мунчак-тепе, в прибрежной полосе близ Сыр-Дарьи. На расстоянии около 100 м к востоку от городища, при снятии верхнего слоя земли в целях разработки галечного карьера, был вскрыт ряд древних могил, относящихся к первым векам н. э. и давших серию важных по своему значению находок. Из них прежде всего упомянем бронзовое китайское зеркало (диаметр 17,6 см), украшенное рельефными орнаментами и снабженное иероглифической надписью. Зеркало это, по стилистическим признакам относящееся к Ханьской эпохе, заставляет вспомнить китайскую монету из погребения

№ 1 могильника у Ширин-сая: и то, и другое свидетельствует о живых связях с Китаем в первые века н. э.

К той же категории вещей, подтверждающих сношения с Китаем, принадлежит и найденная при срытии нижнего культурного слоя (с северной стороны тепе) плоская галька (наибольшая длина 6,5 см, ширина 4,5 см, толщина 1 см) с китайской надписью. На одной стороне посредине вырезаны два иероглифа, которые, как указал нам А. А. Драгунов, обозначают слова: «Золото и драгоценные камни», ниже указанных иероглифов справа тем же способом нанесены цифровые обозначения. На оборотной стороне процарапано схематическое изображение человека с огромной бородой. Назначение этого предмета выяснить еще не удалось.

Рис. 51. Мунчак-тепе. Общий вид раскопок с запада

Интересна могила того же восточного некрополя, к сожалению, сильно пострадавшая при строительных работах, в ней был погребен воин; рядом со скелетом покойника лежал железный меч, в могиле оказалось значительное число золотых нашивных бляшек (четырёхлепестковые розетки, круглые бляшки, окаймленные зернью, прямоугольные бляшки с рельефными S-образными украшениями и др.), которыми была украшена одежда покойника. Отметим попутно, что типы этих золотых бляшек очень близки, а отчасти просто тождественны аналогичным украшениям, широко представленным в греко-сарматских погребениях северного Причерноморья римского времени. Замечателен фрагмент глиняного оссуария, найденный на территории восточного могильника (рис. 50). На обломке (наибольшая высота его 29 см, ширина 15 см) полностью сохранилось изображение маски божества, напоминающей образ индийского *Vajgarāni*. Большие, круглые, резко очерченные глаза с зрачками, подчеркнутыми посредством впадинок, устрашающе устремлены на зрителя; широкий и мясистый нос сильно приплюснут, рот обрамлен длинными изгибающимися усами, массивный подбородок раздвоен, изо рта выступают сверху большие клыки. Эффектна стилизация бровей, трактованных в виде растительных мотивов. Поле стенки оссуария ниже маски украшено изображением виноградной грозди.

Вернемся к раскопкам городища. На вершине тепе, вдоль западной линии среза, образованного котлованом плотины, был заложен раскоп площадью 10×30 м. Вскоре здесь была открыта хорошо сохранившаяся галерея замка (рис. 51). В дальнейшем площадь раскопок постепенно расширялась и охватила значительную часть территории тепе, западная половина которого оказалась занятой большим замком, представляющим собою монументальное сырцово-глинобитное архитектурное сооружение.

С западной стороны в замок ведет галерея, шириной 2.20—2.40 м. На протяжении 8,50 м галерея идет в восточном направлении (отрезок А), затем она делает поворот (под углом около 100°) на север (отрезок В), далее опять поворачивает на восток (отрезок С) и, наконец, еще раз

Рис. 52. Мунчак-тепе. Галерея замка, вид с севера

поворачивает под тупым углом на север (отрезок D). Галерея эта, очевидно, являлась главным ходом, ведущим во внутренние помещения замка. Особенно парадно оформлен первый ее поворот (угловая часть). Здесь на стене, обращенной лицевой поверхностью в сторону одной из галерей, выложена из сырцовых кирпичей декоративная арочка, а рядом в углу, также из сырцовых кирпичей, искусно сооружен ступенчатый троп (рис. 52), создающий переход к сводчатому перекрытию, от которого уцелели лишь самые нижние ряды кладки из наклонно уложенных кирпичей. Вся галерея построена из сырцовых кирпичей (размер $8 \times 24 \times 48$ см), часть которых снабжена тамгой, напоминающей по форме букву С. На высоте примерно человеческого роста кладка стен образует небольшой выступ, являющийся началом перекрытия. В конструкции стен галереи имеется одна интересная деталь, не совсем понятная. В верхней части этих стен в некоторых местах устроены квадратные (20×20 см) глухие нишки, глубиной 50 см. Таких нишек открыто 11, все они расположены на высоте приблизительно 1.90 м от пола. Возникавшее первоначально предположение, что это пазухи от бывших деревянных связей, скреплявших перекрытие, приходится отклонить, так как нишки размещены в стенах не симметрично одна против другой, а в одном месте такая нишка обращена просто в сторону открытого

пространства галереи. Представляется наиболее вероятным декоративное назначение нишек, которые, возможно, генетически восходят к боевым амбразурам укрепленных жилых замков, сохранных здесь в виде декоративного элемента.

Последующими раскопками было выяснено, что основные внутренние помещения замка расположены к северу от галереи (рис. 53). Это пять смежных прямоугольных в плане комнат и шестое трапециевидное помещение, сообщавшиеся посредством длинного, так называемого западного коридора (шириной 1.90 м) с главной галереей замка. Крайнее северное помещение № I, выходящее своей внешней стеной к береговому откосу тепе, имеет размеры: длина 8.75 м, ширина 2.65 м, сохранившаяся высота стен

Рис. 53. Мунчак-тепе. Общий вид раскопок замка, вид с юго-запада. Помещения II, III, IV

достигает 2.60 м. Следующее помещение № II несколько меньших размеров — длина 4.70 м, ширина 3 м; № III — длина 4.80 м, ширина 2.70 м; № IV — длина 5.12 м, ширина 2.60 м; № V — длина 4.77 м, ширина 2.55 м; № VI — длина 6.35—6.55 м, ширина 3.10—4.10 м, причем все помещения, начиная с № II, имеют с западной стороны дверные проемы, выводящие в западный коридор, который вытянут с севера на юг. В нескольких проемах сохранились арочные перекрытия. Это дало возможность детально изучить принципы построения и технические приемы возведения арочных перекрытий, применявшихся строителями замка. Все помещения были перекрыты сводами, но они не сохранились; обвалившиеся сырцовые своды в виде громадных завалов заполнили внутренние пространства помещений. Интересно, что стены внутренних помещений замка построены не так, как стены галерей и коридоров, где применена сплошная сырцовая кирпичная кладка. Стены комнат сложены своеобразной узорной кладкой, представляющей сочетание серой пахсы и желтых сырцовых кирпичей (размер $10 \times 26 \times 52$ см), расположенных в шахматном порядке, чем достигался определенный декоративный эффект: на фоне серого глинобитного массива стены выделялись прямоугольные

ячейки желтоватых сырцовых кирпичей, выступавших наружу или тычками или ложками. Как и в главной галерее, стены комнат замка на определенной высоте образуют легкий выступ, нарушающий гладь стены и обозначающий линию перехода к перекрытиям. Начиная от указанной линии, все верхние части помещений, включая и самые своды, были сложены исключительно из сырцовых кирпичей. В крайнем береговом помещении № 1 северная стена оказалась с такими же нишками, которые упоминались при описании главной галереи. В некоторых помещениях пол вдоль стен имеет возвышения — «лежанки», сложенные из сырцовых кирпичей или сделанные из пахсы. В помещениях № II и № III в восточной стене вырублены большие глубокие ниши, выходящие на уровень пола. Глинобитные очаги хорошо сохранились в помещении № I. На основании керамических находок (хумы, сосуды с красным ангобом, лепная посуда), оказавшихся в помещениях и галереях замка, время сооружения его следует отнести к IV—V вв. н. э.

На протяжении своего существования замок не раз подвергался перестройкам. Замок, повидимому, был заброшен и подвергся частичному разрушению в VIII—IX вв., когда его повидимому основательно опустошили и разграбили. Этим только и можно объяснить то обстоятельство, что в помещениях замка при раскопках встречено сравнительно мало находок. Из отдельных находок, представляющих выдающийся интерес, должен быть отмечен набор своеобразных глиняных фигур, обнаруженных как бы замурованными в неглубокой нише южной стены помещения № II. Фигуры вылеплены из глины (без обжига), имеют цилиндрическую форму с перехватом в верхней части (напоминают по виду современные изоляционные ролики, применяемые для электропроводки). Часть фигур имеет естественный светлосерый цвет глины, другие окрашены в красный цвет. Кроме того, каждая группа фигур — белых и красных — имеет различия в размерах, есть фигуры крупные и есть более мелкие; наибольшая высота 3 см, диаметр основания 4.8 см; наименьшая 1 см, диаметр 1 см.

В каждой фигуре сверху сделано углубление. Первое объяснение, которое было дано найденному комплексу глиняных предметов, истолкованных сразу же как набор игральных фигур типа шахмат, не представляется нам сейчас вполне решающим вопросом. В свете ряда параллелей, имеющих в археологических памятниках древнего Китая и Индии, нельзя считать исключенным культово-магическое значение найденных в замке глиняных необычных изделий, не встречавшихся еще в Средней Азии.

Разведочные раскопки, произведенные в августе — сентябре 1944 г. у северного края тепе (раскоп IV), позволили установить и здесь также наличие остатков крупного сырцово-кирпичного сооружения, представляющего часть замка несколько более раннего времени, чем тот архитектурный комплекс, который был детально расследован в западной части тепе (раскоп I) и краткое описание которого мы уже дали. На раскопе VII были обнаружены остатки двух в значительной мере разрушенных помещений А и В, стены которых построены из сырцовых кирпичей, размерами 10—12 × 35 × 65 см. Южнее, позади помещений А и В, открыто башнеобразное сооружение с внутренним помещением 2.60 × 3.80 м и мощными стенами (восточная стена имеет толщину 1.85 в). Глинобитный пол в помещениях А и В залегал на глубине около 6 м от поверхности тепе, тогда как полы помещений I и VI в замке, открытом на раскопе I, расположены значительно выше, на глубине 3—3.70 м. Керамика, оказавшаяся в помещениях А и В, интересна в том отношении, что здесь представлены те же типы, которые известны по могильнику у Ширинсая: плоскодонные с широким основанием сосуды, покрытые белым ангобом и украшенные волнообразным орнаментом, чаши с красным ангобом.

Это позволяет датировать помещения *A* и *B* III в. н. э. На уровне верхних рядов уцелевшей кладки стен названных помещений при раскопке были найдены фрагменты нескольких серебряных чаш. Среди них оказались четыре фрагмента венчика серебряной чаши с выгравированной надписью на древнем согдийском языке.

Новое возрождение жизни на Мунчак-тепе наступило в X в. На месте помещений полуразрушенного монументального замка, заполненных кирпичными завалами и землей, стали возникать жилые постройки, остатки которых образуют верхний культурный слой тепе (его глубина в среднем 1.50—1.80 м), относящийся в своей совокупности к X—XII вв. Этот верхний культурный слой, перекрывающий развалины замка домусульман-

Рис. 54. Мунчак-тепе. Часть глиняного очажка XI в. из так называемого блокового здания

ского периода, отличается большой насыщенностью вещественным материалом, и раскопки его дали множество интересных находок.

Постройки верхнего слоя также сырцовые и глинобитные. Наиболее крупным зданием этого времени на тепе является дом, который был сооружен в X—XI вв. над развалинами замка, на пространстве между помещением № III и отрезком С главной галереи замка. Дом был возведен на глинобитной площадке толщиной свыше 1 м. Стены дома имели толщину 1.20 м и представляли собою пахсу, нижний слой которой был снабжен вертикальными разрезами, придающими стенам вид монументальной кладки из громадных блоков. Внутри дома обнаружено три последовательно повышавшиеся уровня пола, соответствующие трем периодам использования здания на протяжении X—XII вв. Последняя, наибо-

лее поздняя, перестройка сопровождалась накладкой стен сырцовыми кирпичами, характерными и по своим размерам (5—6 × 17 × 32 см), и по способу применения их в кладке для наиболее позднего строительного периода Мунчак-тепе, т. е. для XII в. Раскопки этого так называемого блочного здания дали много интересного. В одном из помещений дома найден орнаментированный рельефными украшениями глиняный очажок, обнаруженный при раскопках *in situ*, что является очень редким, если даже не первым, случаем в археологических исследованиях на территории Средней Азии. Очажок состоит из центральной полукруглой части (здесь собственно и горел огонь) и обрамляющих ее с обеих сторон по бокам двух симметрично расположенных и одинаково орнаментированных прямоугольных

Рис. 55. Мунчак-тепе. Глиняный сосуд (горло утрачено) с рельефным орнаментом XI—XII вв.

Рис. 56. Мунчак-тепе. Стекло-
вый сосуд с лекарственной
жидкостью

фронтальных плоскостей (рис. 54). Очажок был вделан в нижнюю часть стены и является художественно-декоративным оформлением обычного домашнего очага, служившего для удовлетворения бытовых потребностей обитателей дома. Тем самым окончательно решается вопрос о назначении такого рода очажков, широко распространенных в средневековых поселениях Средней Азии и долгое время порождавших различные догадки у исследователей, поскольку не удавалось их найти *in situ*. При раскопках того же блочного дома было найдено много различной керамики, в том числе поливной — блюда, миски, чираги и т. д. На уровне верхнего пола обнаружен толстый слой обуглившихся зерен пшеницы, здесь же лежали круглые каменные жернова от ручных мельниц, а в яме был найден хорошо сохранившийся железный серп. На том же уровне среди различных бытовых предметов оказался замечательный костяной нож, украшенный знаками, исполненными резьбой и имевшими, вероятно, значение магических символов.

Уровень сельского хозяйства населения Мунчак-тепе в X—XII вв. характеризуется находками хорошо сохранившегося железного сошника от плуга, железных серпов и других орудий; в ямах-зернохранилищах обнаружены пшеница, ячмень, просо, рис: по собранным археоботаническим

остаткам можно заключить, что население культивировало также виноград, персики, урюк, алчу, дыни, тыквы.

В кратком обзоре нет возможности дать более или менее обстоятельную характеристику всего того разнообразнейшего вещественного материала, который добыт при раскопках верхнего слоя Мунчак-тепе. Многие группы находок и отдельные предметы заслуживают специального описания и исследования. Особенно богато представлена поливная расписная керамика, свидетельствующая о своеобразии орнаментальных мотивов, а также красочной гаммы и подтверждающая наличие местных традиций в данной отрасли художественного ремесла. Интересны образцы средневековой лепной керамики, расписанной линейно-геометрическими узорами посредством красной краски, стилистически восходящие к чрезвычайно далекой архаике, пережитком которой эта роспись в сущности является; такова же, очевидно, и вся «трипольская» (по Вяткину) керамика Афрасиаба — в действительности средневековая. Довольно значительно число находок сероглиняной керамики с рельефной орнаментацией поверхности сосудов, имитирующей металлическую художественную посуду (рис. 55). Обильны находки изделий из стекла. Прежде всего, это многочисленные стеклянные бусы, представляющие обычно весьма искусную комбинацию разноцветных масс стекла, нередко поражающих тонкой изысканностью сочетаний тонов. Из найденных фрагментов стеклянных сосудов необходимо отметить образцы тонкостенных сосудов с рельефными узорами. На глубине 1.10 м в южной части раскопа тепе, в слое X—XII вв., был найден целый стеклянный флакон (высотой 9.5 см) (рис. 56), наполненный жидкостью, отлично сохранившейся благодаря герметичности закупорки: горлышко сосуда плотно закрыто глинистой массой. Эта редчайшая находка была подвергнута исследованию в Ташкенте химиком Л. Окуличем-Казариным (в химической лаборатории Гос. Геологического управления УзССР).

Было выяснено, что в сосуде содержится полужидкое вещество, представляющее собой какой-то бальзам, к которому подмешаны ртуть и хлебные зерна (обнаружены зерна пшеницы, ячменя, проса, риса и курмыка). Дополнительное исследование, произведенное в Ленинграде В. А. Петровым, показало, что основная масса содержимого в сосуде состоит из солада. Очевидно, в флаконе хранился ценный медикамент. Изучение этой уникальной археологической находки проливает свет на древнюю медицину Средней Азии.

В том же месте, где был обнаружен упомянутый стеклянный сосуд, несколько глубже найдена была пара массивных золотых серег, напоминающих своей формой букву Э; на одной из серег сохранились украшающие ее жемчужины.

Верхний слой дал и серию монетных находок, имеющих важное датировочное значение. По определению М. Е. Массона, это главным образом фельсы династии Илеков XI в. (один экземпляр XII в.) и черные дирхемы «мусейяби» X—XI вв., встречено также несколько тюрко-согдийских монет VII — начала VIII вв. Ни одной монеты более поздней, чем XII в., нет. Очевидно, жизнь на городище Мунчак-тепе была прервана монгольским нашествием, после которого она уже больше здесь никогда не возобновлялась. Картина громадного пожара, уничтожившего город, вырисовывается повсюду при расследовании верхнего слоя, в котором почти каждый поздний дом представляет собою остатки сгоревшего строения.

На всем протяжении существования Мунчак-тепе основой жизни населения здесь являлось, несомненно, земледелие, базировавшееся на использовании прежде всего прекрасных обильных источников ключевой воды, на-

ходящихся в 3 км юго-западнее городища Мунчак-тепе (нынешний кишлак Кош-Тегермен) и пьаныне орошающих прибрежную полосу к востоку от Беговата вдоль побережья Сыр-Дарьи. Наряду с этим, на орошение, очевидно, шла, как и теперь, вода горной реки Ак-су. Особенно большое значение имели, конечно, ключи. Показательно, что в Кош-Тегермене на холме, к которому примыкает современный кишлак, сохранились остатки сильно укрепленного древнего поселения с мощным арком, грозно обращенным в сторону Ферганской долины.¹ Очевидно, источники воды, обеспечивавшие жизнь обширной округи, находились всегда под надежной охраной. Мунчак-тепе являлся одним из пограничных населенных пунктов северовосточной окраины Сутрушаны (Усрушаны), владения которой ограничивались с севера Сыр-Дарьей.

Как опорный пункт на границе со степью Мунчак-тепе было укрепленным поселением, затруднявшим проникновение кочевников в Сутрушану с правой стороны Сыр-Дарьи. В этой связи интересно отметить наличие воздвигнутых на правом берегу Сыр-Дарьи охранно-сторожевых аванпостов. Следы сторожевых тепе отмечены в районе гравийного карьера Фархадстроа (правый берег в 1.5 км западнее Фархад-тау) и непосредственно против Мунчак-тепе.

Из краткого обзора работ Фархадской археологической экспедиции видно, что ей удалось добыть большой и очень богатый материал, который ярко и разносторонне обрисовывает материальную культуру одного из центров древнего среднеазиатского государства Сутрушаны, в состав владений которой входила, прежде всего, предгорная полоса между Джизаком и Ходжентом.² Древние культурные центры — поселения Сутрушаны — ранее совершенно не подвергались археологическому изучению, если не считать беглого внешнего описания памятников старины Ура-Тюбе и Шахристана, составленного П. Скварским и И. Кастанье несколько десятков лет назад.³ Работы Фархадской экспедиции, таким образом, существенно восполняют пробел в историко-культурном изучении древних государств Средней Азии, поскольку они впервые вводят в научный оборот новые ценные фактические данные по истории материальной культуры поселений Сутрушаны.

---

¹ Древнее городище в Кош-Тегермене подвергнуто Фархадской экспедицией обследованию. Жизнь в этом поселении продолжалась значительно дольше, чем в Мунчак-тепе.

² Об этом подробнее в моей статье: «Археологические работы на Фархадстрое в 1943 г. Раскопки могильника близ Ширин-сая» (печатается).

³ П. С. Скварский. Несколько слов о древностях Шахристана, Среднеазиатский вестник, 1896, октябрь; И. А. Кастанье. Древности Ура-Тюбе и Шахристана. Прот. Туркестанск. кружка люб. археол., т. XX, вып. I, 1915.

С. А. ТАРАКАНОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ГОРОДНЕ НА ВОЛГЕ в 1944 г.

Среди славяно-русских археологических памятников наименее изученными являются феодальные городища — бывшие центры удельных княжеств. Скудость письменных источников по истории удельных городов Руси делает археологические исследования этих памятников особенно важными.

В августе 1944 г. был обследован один из таких памятников — городище Городня, расположенное на правом возвышенном берегу Волги, в 40 км ниже г. Калинина.¹

Городня, или Городень на Волге, иначе Вертязин городок, известна по письменным источникам, начиная с XIV в. Здесь в 1312 и 1318 гг. тверичи заключили мирные договоры с Великим Новгородом и Москвой. В Городне чеканилась своя серебряная и медная монета.

Городище расположено на холме, возвышающемся над уровнем Волги на 25 м, и отделено от материкового массива глубоким, до 16 м, рвом. Склоны городищенского холма круты и искусственно обработаны. Вся площадь городища (5.368 кв. м) занята современным кладбищем и обнесена каменной оградой XIX в. На городище сохранилась церковь XV в. с пристройкой XVII в. На могильных насыпях встречаются дьяковская (сетчатая и более поздняя гладкая) и славянская керамика. Культурный слой на склонах городища, прослеженный в обнажениях, достигает 20—30 см. Он также дал дьяковскую и славянскую керамику.

При обследовании территории, примыкающей к городищу, особое внимание было обращено на участок, расположенный между подножием городищенского холма и Волгой. Здесь, на песчаном пологом берегу, частично затопленном поднятием уровня воды Волги, хорошо были заметны темные пятна культурного слоя на протяжении около 100 м. Работа на этом участке выразилась в обследовании поверхности культурного слоя и раскопках разведывательного характера.

В результате обследования собран разнообразный и интересный материал, свидетельствующий о непрерывном пребывании здесь человека, начиная с эпохи позднего неолита. Весь берег Волги на этом участке густо покрыт кремневыми желваками и осколками. Среди них найдены кремневый наконечник стрелы (рис. 57, 1), кремневый ретушер и фрагмент ямочно-гребенчатой керамики, который можно отнести с равным основанием и к эпохе позднего неолита и к эпохе бронзы данного района.

Обильнее оказался материал, характеризующий раннюю и позднюю стадии дьяковской культуры. Он представлен сетчатой и гладкой, а также

¹ Раскопки продолжались 10 дней. В них участвовали: ИИМК АН СССР, Калининский педагогический институт и Калининский областной краеведческий музей.

поздней дьяковской керамикой (среди которой имеется несколько фрагментов черной, лощеной), костяными проколками (рис. 57, 2) и полуобработанными глиняным грузиком дьяковского типа.

Рис. 57. Вещи из поселения Городня на Волге

- 1— кремневый наконечник стрелы; 2— костяная проколка; 3— обломок бронзового браслета; 4— проволочная серьга с подвеской; 5—6— славянские ножи; 7— кресало; 8— костяное пряслице с линейным орнаментом

Среди собранных предметов особенно многочислен славянский материал, который можно расчленить на несколько групп.

1. *Предметы украшения*: обломок проволочного височного кривического кольца. Кольца подобного типа часто встречаются в кривических погребениях и очень редко на поселениях; проволочное перстнеобразное височное кольцо; обломок бронзового ложно-витого браслета с плоскими расширяющимися концами (рис. 57, 3); проволочная серьга с подвеской (рис. 57, 4).

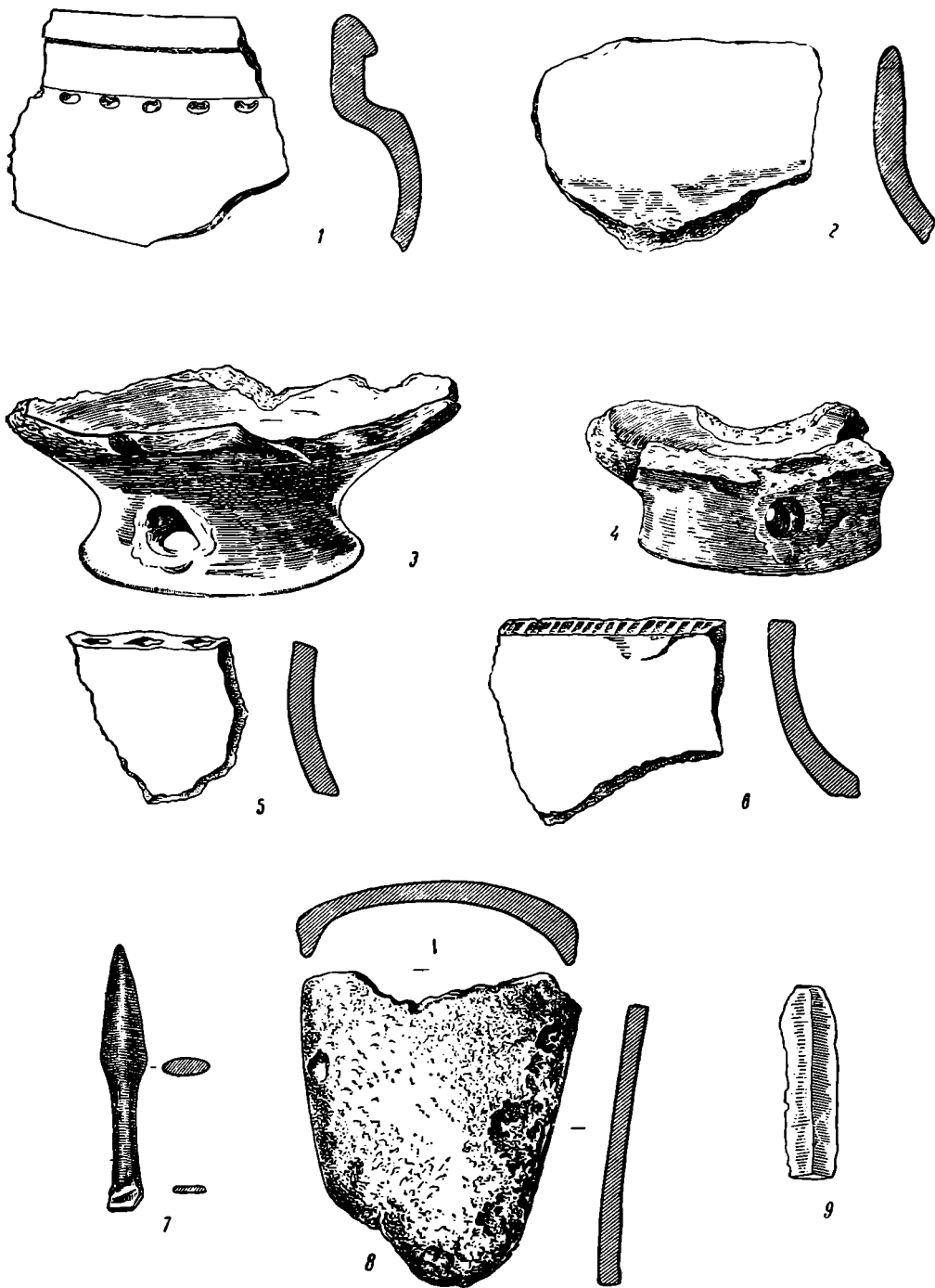

Рис. 58. Вещи из поселения Городня на Волге

1—2— славянская керамика; 3—4— днища сосудов с подставкой; 5—6— керамика поволжьяковского типа; 7—костяной наконечник стрелы; 8—сошник (наральник); 9—ножевидная кремневая пластинка

¹ Всего ножей найдено около 40 экз.

2. *Оружие, орудия труда и бытовые предметы*: железный широколезвийный топор (обушек обломан); славянские ножи различных типов, датированные X—XIV вв. (рис. 57, 5, 6);¹ кресало (рис. 57, 7); рыболовные крючки, обломки серпа и косы, железная пешня; несколько маленьких точильных брусков с отверстием для шнура; костяной кочедык для плетения лаптей; костяной штамп для нанесения линейного и волнистого орнамента на глиняную посуду; железный светец; костяное пряслице с линейным орнаментом (рис. 57, 8); глиняные и керамические грузила для рыболовных сетей.

3. *Керамика славянская* очень разнообразна по форме и технике изготовления и может служить специальной темой исследования. В настоящей заметке отмечу только некоторые ее типы. Фрагменты славянской керамики густо покрывают всю поверхность культурного слоя раскопанного участка. Из собранного материала следует выделить группу лепной керамики — гладкой, толстостенной, с большой примесью дресвы и с явными признаками кострового обжига. По составу теста, характеру формовки и обжига она очень близка керамике из длинных курганов.

Круговая керамика по форме венчика, форме сосуда, его назначению, а также составу теста и характеру обжига принадлежит нескольким типам. К одному из них относятся высокогорлые сосуды с прямо срезанным краем. Некоторые из них имеют примесь полевого шпата, чего не наблюдается у сосудов других типов (рис. 58, 1). Керамика другого типа имеет низкую шейку, отделенную от плечиков ребристым выступом, часто украшенным ямочным орнаментом. Край таких сосудов отогнут наружу в форме валика (рис. 58, 2). Много найдено фрагментов мисок, тарелок и крышек. Вся основная масса собранной круговой славянской керамики может быть датирована в пределах X—XV вв. Кроме того, найдено несколько фрагментов черной лощеной керамики XVII в.

Среди керамического материала следует выделить одну группу, определение которой затруднено. Она состоит из шести днщ сосудов значительных размеров. Особенностью их является то, что все сосуды сделаны на подставках, напоминающих по своей форме скифские бронзовые котлы. В подставке каждого сосуда имеются по два круглых сквозных отверстия неизвестного назначения (рис. 58, 3, 4).

Для определения характера культурного слоя на задернованной части участка у подножия городищенского холма были заложены два раскопа на расстоянии 15 м один от другого.

Раскоп № 1, размером 4 × 6 м, оказался в двух местах перекопанным и не дал интересного материала. Из найденной керамики следует отметить два фрагмента позднедыяковского времени с орнаментом по краю сосуда (рис. 58, 5—6). Мощность культурного слоя колеблется от 0.85 до 1.10 м.

Раскоп № 2, размером 2 × 6 м, оказался интереснее. Он захватил, кроме задернованного участка, часть песчаного берега. Мощность культурного слоя от 0.50 м (в квадрате № 3) до 1.15 м (квадраты № 1 и № 2).¹

Культурные напластования не были нарушены перекопами, но все же наблюдалось некоторое смещение материала, особенно в верхних пластах, что можно объяснить сползанием их по склонам городища.

В квадрате № 1 на глубине 0.60 м были обнаружены остатки сильно деформированного очага круглой формы диаметром в 0.65 м. Славянские ножи, найденные около него, а также керамика курганного типа позволяют датировать это сооружение X—XII вв. Под очагом, на глубине 15 см, была найдена славянская лепная керамика, а еще ниже на 5 см, на расстоя-

¹ Нумерация квадратов идет в направлении от городища к Волге.

нии 30 см от очага, была найдена дьяковская гладкая керамика и костяной наконечник стрелы (рис. 58, 7).

Самой замечательной находкой в квадрате № 1 явился сошник (вернее, наральник),¹ найденный на глубине 0.70 м близ очага (рис. 58, 8).

В квадрате № 3, почти на самом материке, открыта бесформенная группа камней со следами обжига. Среди них встречалась глиняная обожженная обмазка. Камни уходили в северный профиль раскопа. Между камнями найдено много осколков кремня и одна кремневая ножевидная пластинка (рис. 58, 9). Возможно, что это остатки очага неолитического времени.

Обследованное поселение не явилось селищем. Со стороны нижней Волги его окружала вторая линия укрепления Городни — городской вал. Конструкция этого вала хорошо прослеживается в обрыве берега, где сохранились его остатки. В основании вала насыпан высотой в 50—60 см чистый речной песок, покрытый цементирующей его коркой в 5—10 см толщиной. Поверх песка рядами лежат деревянные плахи, на которых покоятся крупные гранитные камни, прикрытые сверху полуметровым слоем плотно утрамбованной глины. Затем снова идет ряд деревянных плах с лежащими на них крупными камнями, также прикрытыми утрамбованной глиной. Высота вала в этой части — свыше 2 м. Произвести более подробное обследование его не представилось возможным.

Непродолжительные работы на Городне показали, насколько интересен этот памятник. Он ждет более длительного исследования.

¹ См. об этом ниже статью И. И. Никитина.

И. И. НИКИШИН

НАРАЛЬНИК ИЗ ГОРОДИЩА ГОРОДНЯ НА ВОЛГЕ

Летом 1944 г. при раскопках поселения у подножия городища Городня на Волге, в слое на глубине 70 см от поверхности, среди вещей и керамики курганного типа, датируемой X—XII вв., археологической экспедицией ИИМК был найден фрагмент (носовая часть) железного наральника (рис. 58, 8).

Длина фрагмента около 8 см, ширина в задней части — около 7 см, толщина его тела колеблется от 3 мм в верхней части до 7 мм на боковых сгибах, причем левая (по ходу орудия) часть тела наральника несколько более утолщена, чем правая, которая как бы чуть приспущена книзу. По своему размеру фрагмент составляет едва ли более трети всего наральника, общие размеры которого, вероятно, заключаются в пределах 20—24 см в длину и 9—11 см в ширину, как можно судить о том по предварительной проекции.

Место надлома наральника совпадает с началом трубицы, оставившей по себе заметные следы в виде намечающегося более сильного загиба краев. Линия надлома зигзагообразно опускается к носу наральника и в основном совпадает с нижней границей деревянной станины, заключавшейся в этой трубице. Правая носовая часть наральника, более слабая по конструкции, повидимому, принимала на себя большую часть работы и поэтому несет на себе следы резкой деформации.

Наральник имел выпуклую форму с резко выраженными боковыми гранями (загибами). В носовой части высота этих граней на отдельных участках достигает 1 см, в задней части фрагмента она составляет около $1\frac{3}{4}$ см.

В целом наральник имел довольно вытянутую форму, со слабо сбежавшими (к носу) краями и с закругленным, полуовальным, а не заостренным носом. По своему внешнему виду он был скорее строго симметричен, чем асимметричен, так как наблюдающаяся некоторая неправильность формы его объясняется неточностью ручного исполнения и некоторыми специфическими моментами, о которых речь ниже.

Находка наральника в Городне является второй по счету после находки Уварова в с. Б. Брембола, Владимирской обл.,¹ сделанной на территории северо-восточных славянских племен и датируемой, примерно, этим же временем или немного более ранним (X—XI вв.). Правда, известны и другие находки железных наконечников пашущих орудий этого же периода с территории Восточной Европы, однако они принадлежат или южной части

¹ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, табл. XXIX, рис. 14.

восточнославянского племени,¹ которая бытовала в совершенно иных природных и географических условиях, или же племенам не славянского происхождения.² Конечно, это обстоятельство не может не придавать особого значения находке наральника из Городни, которая, как и находка из Б. Бремболы, подтверждает наличие пашенного земледелия на территории Верхнего Поволжья в период X—XII вв., а устройство наральника проливает свет на характер как самого орудия, бытовавшего в это время, так, отчасти, и на характер пашенного земледелия в целом.

По общему своему виду наральник из Городни не представляет собою какого-либо исключения среди аналогичных находок этого периода. Он имеет более или менее правильную симметричную форму. Эту же форму имеют все без исключения наиболее древние находки железных наконечников пашущих орудий, открытые до сих пор на территории Восточной Европы. Наконечники этого рода свойственны или орудиям типа рала, либо орудиям типа плуга, когда эти последние, обладая двусторонним лемехом, имеют нож и отвал. В последнем случае они получают название лемехов (по плугу). Ни одну из находок, вошедших в указанные выше издания, мы не в праве отнести к группе сошников, характеризующихся односторонней, асимметричной лопастью и, как правило, только в парном составе сопровождающих пашущее орудие. Следовательно, фрагмент из Городни, также как и находка из Б. Бремболы, относятся не к сошникам, как, например, последняя названа автором раскопок А. С. Уваровым,³ а к наральникам, и следовательно, они являются принадлежностью не сох, а рал.

Второй общей чертой, сближающей наральник из Городни с аналогичными ему древними археологическими находками, является его сравнительно небольшой размер. Проектировочные цифры для него мы привели выше. Их повторяют почти все находки. Так, наиболее типичный наральник из Райков составляет 21,5 см в длину и 15 см в ширину (в его самой широкой части). Наряду с этим, там же в Райках были встречены экземпляры и меньшего размера. А. С. Уваров не сообщает цифровых данных о своем «сошнике» из Б. Брембола, но, судя по исключительной аналогии его формы с формой одного из наральников из Прикамья,⁴ имеющего в длину 21 см и в ширину 7 см, можно предполагать, что и наральник из Б. Брембола был, примерно, такого же размера. Находки из Верхнего Прикамья, опубликованные Ф. А. Теплоуховым, не выходят за пределы этих же цифр. Максимальная длина наральников (см. Ф. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. 1, рис. 5 и 10) — около 21 см, максимальная ширина их — около 11 см. Правда, в работе Теплоухова приводятся наральники с шириной лопасти в 20 см (там же, табл. 1, рис. 15) и 35 см (там же, табл. 1, рис. 14), однако они короче первых (соответственно: 14 и 15 см), а кроме того, представляют собой уже переходные формы к плужным лемехам. Наральники из булгарского Прикамья также небольшие по размеру и имеют в длину 14—16 см и 6—7 см в ширину⁵. Для других находок тех же авторов и находки И. И. Ляпушника из Правобережного Цымлянского городища мы не приводим соответствующих цифровых показателей, так как эти находки трактуются нами в качестве плужных лемехов.

¹ См. Проблемы истории докапиталистических обществ, изд. ГАИМК, 1934, № 5. Райковецкое городище XI—XIII ст.; Наукові записки інституту історії матеріальної культури УАН, кн. 5—6, Київ, 1935.

² Ф. А. Теплоухов. Земледельческие орудия Пермской Чуды. Пермский край, т. I, Пермь, 1892, А. Штукенберг. Земледельческие орудия древних болгар. Уч. зап. Казанск. унив., год LXIII, кн. 5, Казань, 1896, И. И. Ляпушкин. Раскопки Правобережного Цымлянского городища (VIII—X вв.). КС ИИМК, вып. IV, 1940.

³ А. С. Уваров. Ук. соч., опись № 756 и 759.

⁴ Ф. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. 1, рис. 5.

⁵ А. Штукенберг. Ук. соч., табл. 1, рис. 5а и 6а.

С первого взгляда невольно поражаешься слишком скромным размерам древних наральников; приходится строить догадки относительно способа использования их. Ф. А. Теплоухов, например, высказал предположение о возможности рассматривать рала с подобного типа наральниками даже в качестве орудий ручной тяги, мотивировав это, помимо малого размера самого наральника, еще тем, что трубицы у них кажутся ему недостаточно крепкими, чтобы выдержать сопротивление почвы, которое развивается при работе конным орудием.¹ К этому соображению невольно присоединяется и другое, а именно: резкое, на первый взгляд, несоответствие между мощностью конской тяги и той нагрузкой, которая падает на лошадь, впряженную в рало с подобным типом наральника. Кажется просто невероятным, что в такое небольшое орудие, которое свободно может тащиться парой людей, впрягалась лошадь или пара волов.

Однако при более внимательном изучении данного вопроса все эти соображения в значительной мере теряют свою убедительность.

Во-первых, оказывается, что малый размер наральников присущ не только древним ралам, характер тяги которых может казаться для нас не вполне ясным, но он свойственен также и всем этнографическим ралам, дошедшим до нас в описаниях очевидцев и известных нам исключительно лишь в виде орудий конской или воловьей тяги. Следовательно, якобы малый коэффициент использования запаса живой силы скотской упряжи в рале имел место не только в археологических пашенных орудиях, где на этом основании оспаривается ее применение, но также и в аналогичных этнографических орудиях, где применение лошади и вола не подвергается никакому сомнению. Объяснение этому положению вещей следует искать как в примитивности конструкции этого архаического орудия, так и в специфических условиях применения его, а именно — на залесенных, каменистых и гористых землях,² с присущей им крайней неравномерностью и скачкообразным характером сопротивления, при котором рабочая поверхность наральника, рассчитанная на максимальную нагрузку, естественно должна быть крайне ограниченной.

Во-вторых, было бы рискованно распространять наше представление о работе лошади или вола в современных условиях на работу этих животных в древности. Здесь может быть допущена большая ошибка как в оценке самой мощности рабочего скота в тот период, так и в коэффициенте использования ее, обусловленного способами упряжи. Ведь сравнительно еще недавно у лесных племен Алтая, по свидетельству Н. Ядринцева, дышло их «андызана» (местного рала), кстати имевшего наральник столь же незначительных размеров (22 см в длину и около 9 см в ширину), как и все наши археологические наральники, лежало не на коромысле ярма или на гужах хомута, а «прикреплялось между двух седел».³ Мы не склонны, понятно, в таком примитивном виде представлять себе сельскохозяйственную технику наших предков славян или насельников Прикамья X—XII вв., в каком выглядела она у алтайских племен в начале прошлого столетия; однако у нас и нет оснований сильно приближать ее к современной.

В-третьих, относительно небольшой размер трубицы (в ширину) и сравнительно малая прочность ее загибов, так смущающая Ф. А. Теплоухова, — без учета наклона наральника к поверхности почвы и длины самой трубицы, которая может простираться почти по всему наральнику, — ни в какой степени не может являться показателем объема сопротивления,

¹ Ф. А. Теплоухов. Ук. соч., стр. 84.

² П. Преображенский. Общепринятое руководство к практическому сельскому хозяйству, ч. III, изд. 2-е. М., 1860, стр. 154.

³ Н. Ядринцев. Начало оседлости. Литер. сб., изд. ред. «Восточного обозрения». СПб., 1885, стр. 155. Прил. рис. 16 и 19.

которое может выдержать данное орудие, ибо тяжесть этого сопротивления каждый раз падает не столько на наральник, сколько на станину, поддерживающую его. В конструкции всех рассмотренных нами наральников этот момент учитывается довольно точно, о чем речь будет ниже.

Таким образом не подлежит сомнению, что все упомянутые наральники, и в том числе наральник из Городни, являются принадлежностью пашущих орудий конской или воловьей тяги, но отнюдь не ручной. Сказать что-нибудь большее (например, о характере упряжи и пр.), разумеется, совершенно нельзя, имея под рукой одни лишь наральники.

Анализ можно продолжить лишь по линии хаактеристики самого наральника. Дело в том, что у одних наральников имеется длинная лопасть и относительно короткая трубица, у других, наоборот, как правило, трубица длиннее лопасти. Наральник из Городни относится к последней категории. К ней же принадлежат находки Ф. А. Теплоухова из Верхнего Прикамья, представленные на его рис. 5 и 6, находки А. Штукенберга из Нижнего Прикамья, изображенные у него же на рис. 5а и 6а, и наральник из Б. Бремболы. К первой категории, т. е. с относительно короткой трубицей и длинной лопастью, относятся находки из Верхнего Прикамья (у Ф. Теплоухова — рис. 7—15) и из Нижнего Прикамья (там же, рис. 2—4, 8, 9). Так называемый «типичный» наральник из Райков занимает промежуточное положение.

Что может означать такое деление наральников? Наблюдения показывают, что наральники с короткой трубицей обычно встречаются у таких рал, у которых он сидит на станине, расположенной горизонтально к поверхности почвы, т. е., другими словами, когда эта станина представляет собою вполне развитую подошву; наральники с длинной трубицей встречаются преимущественно в тех случаях, когда станина рала, несущая на своем конце наральник, расположена под известным, часто большим углом к поверхности почвы и, следовательно, не образует собою более или менее развитой подошвы. Бесподошвенные рала, главным образом, известны как орудия основной обработки почвы на копанях, изобилующих пнями и мелким кустарником, на почвах каменных и т. п., одним словом, на почвах, неоднородных по своему механическому составу и не лишенных древесного покрова, где требуется крутая постановка наральников, дабы пахарь мог быстро и без особого усилия вытащить рало при любом встретившемся препятствии. Так, например, устроена «соха-попрыгуша», или «лесовая соха», имеющая совершенно прямую постановку сошников.¹ Бесподошвенные рала неплохо рыхлят землю и уничтожают сорняки, поэтому нередко они употребляются и на почвах однородного механического состава, но, главным образом, лишь в качестве орудия вторичной обработки почвы. Напротив, рала с подошвой можно рассматривать в качестве орудий основной обработки почв однородного механического состава и лишенных древесного покрова, т. е. степных и разработанных земель.

Рало из Городни, очевидно, не имело развитой подошвы. Его наральник сидел на деревянной станине, которая располагалась под каким-то углом к поверхности почвы, но отнюдь не горизонтально. Доказательством в пользу этого служит не только характер надлома, идущий как раз по нижней границе станины, но и своеобразно выпуклая, ребристая форма спинки наральника, продиктованная скорее наклонным, чем горизонтальным положением его в работе. Другим доказательством в пользу этого может явиться форма лопасти наральника, характеризующая соотношением его сторон, а именно — основания к его оси.

Из сельскохозяйственной механики, например, известно, что чем клин уже, тем легче вгонять его в какое-либо тело, и поэтому, следовательно, чем

¹ П. Преображенский. Ук. соч., стр. 149, 154.

лопасть наральника длиннее своей ширины, тем легче последний проникает в почву, и наоборот, чем он шире при той же длине, тем он труднее идет в землю. Обратный вывод отсюда можно сделать такой: чем уже тот или иной наральник, тем он больше всего предполагается быть использованным на почвах плотных, задернованных, и напротив, чем шире он, при одной и той же длине, тем больше имеется оснований предполагать, что такой наральник будет использован на землях мягких, разработанных, а если и будет применяться на задернованных почвах, то при наличии лишь специального ножа-резака.

Наральник из Городни имеет относительно узкую лопасть; во всяком случае, ширина ее меньше длины. В этом отношении он приближается к двусторонним лемехам из Прикамья и Придонья, с той лишь разницей, что последние сопровождаются ножами, чего, конечно, не могло быть у наральника из Городни. В тех же случаях, когда этих ножей нет, наральники из Прикамья приобретают крайне удлиненную форму. Поэтому, если последние, а также лемеха из Прикамья и Придонья, приходится рассматривать в качестве орудий степных почв, то в наральнике из Городни следует видеть скорее орудие лесных земель, подвергшихся пашенной обработке, где наклонное положение его к поверхности почвы продиктовало относительно удлиненную форму для его лопасти.

В. К. ЛУКОМСКИЙ

(1882—1946)

11 июля 1946 г. скончался доктор исторических наук профессор Владислав Крескентьевич Лукомский. Покойный ученый являлся крупнейшим специалистом в области изучения ряда вспомогательных исторических

дисциплин, в особенности, генеалогии, сфрагистики и геральдики. Еще до Октябрьской Социалистической Революции появился целый ряд печатных работ В. К. Лукомского. Среди них особый интерес представляет выпущенный В. К. Лукомским совместно с Н. А. Типольтом труд «Русская геральдика» (Пг., 1915 г.). В. К. Лукомскому принадлежит в этой книге раздел «Источники русского гербоведения». Заслуживает также внимания очерк В. К. Лукомского «О геральдическом искусстве в России» («Старые годы», февраль, 1911 и отдельно). Наконец, В. К. Лукомский опубликовал такие капитальные издания по геральдике, как «Гербовник Царства Польского» (Спб., 1910) и «Малороссийский гербовник» (Спб., 1914, совместно с Б. Л. Модзалевским).

Великая Октябрьская Социалистическая Революция открыла В. К. Лукомскому богатые возможности для применения своих огромных знаний и многолетнего опыта в области гербовой экспертизы. В. К. Лукомский целиком отдал свои силы и знания делу социалистического строительства. За четверть столетия В. К. Лукомскому пришлось произвести свыше тысячи экспертиз самых разнообразных предметов, требовавших установления их происхождения. Эта работа, удовлетворявшая научные запросы ряда учреждений (Оружейной Палаты, Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического Музея) стимулировала дальнейшие исследовательские искания. В. К. Лукомский пишет ряд работ, в которых герб, в качестве исторического источника, помогает ему в разрешении проблем, имеющих большое научное значение. Достаточно указать на такие блестящие исследования, как «К вопросу о родоприсхождении Ивана Федорова» (Сборник «Иван Федоров-первопечатник», изд. Института книги, до-

кументы, письма Академии Наук СССР, М—Л, 1935); «Гербовая экспертиза» («Архивное дело», 1939, № 49); «Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных — Радше» («Временник Пушкинского дома», вып. VI, М—Л, 1941). Много внимания после Октябрьской Революции В. К. Лукомский уделял изучению книжных знаков (экслибрисов и суперэкслибрисов). В то же время вопросы вспомогательных исторических дисциплин В. К. Лукомский связывал с проблемами архивоведения.

В последней своей, предсмертной статье «Герб как исторический источник» В. К. Лукомский разработал очень широкую программу исследовательских трудов по сфрагистике, геральдике и генеалогии на ближайшие годы.

Со смертью В. К. Лукомского советская историческая наука понесла тяжелую утрату. Сошел в могилу человек высокой культуры, громадных знаний, человек обаятельный в личных отношениях, простой, скромный, отзывчивый.

Сохраним о нем благодарную память и постараемся сделать так, чтобы намеченная им программа работ была претворена в жизнь.

Л. В. Черепнин

III. ИНФОРМАЦИЯ

А. К. Т А Х Т А И

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ХЕРСОНЕСЕ в 1942—1944 гг.

При земляных работах военного характера во время осады Севастополя в 1942 г. и работах по приведению в порядок городища, выполненных силами музейных работников во время немецко-фашистской оккупации (1943—1944 гг.), были сделаны некоторые археологические открытия, краткой характеристике которых посвящены нижеследующие заметки.¹

В апреле и мае 1942 г. за главным музейным корпусом (средневековый отдел), к ССВ от него, у кладбища (ныне — мусорные ямы) были обнаружены:

1. При выемке земли из первого котлована, ближайшего к музею и главной улице, найдено два смежных подвальных помещения, неглубоко врубленных в скалу, с остатками стен в СЗ и ЮЗ концах котлована; помещения ориентированы по длинной оси котлована, т. е. с СЗ на ЮВ.²

В I, северо-западном, помещении обнаружен *in situ* большой пифос с обломанным верхом (низ раскололся); во II, юго-восточном, помещении — вырубленное в скале гнездо для пифоса (?). Насыпь, заполнявшая это помещение, была насыщена разным материалом, частью, несомненно, относившимся к помещениям верхнего этажа.

В числе находок: груборифленая амфора, круглодонная с низким горлышком, дуговидными ручками, широкими плечами и ровными стенками; амфора плоскодонная, банковидная, грубой работы со следами светложелтой облицовки и редкими кругловидными бороздками в верхней части, с невысоким горлышком и плоскими ручками; два небольших кувшинчика и обломки третьего; части двух поливных чашек розовой глины с орнаментом, выполненным росписью, игральная кость (шашка), плоско-круглая с гравированным орнаментом на лицевой поверхности в виде розеток в круге; части бронзовой проволочной цепочки от подвесной лампы; бронзовый крест (фрагментированный) с редким в Херсонесе накладным орнаментом, выполненным сканью; наконец, единственный в своем роде бронзовый кувшин закавказского (иранского) типа с узким горлышком, слегка каннелированным и перехваченным валиком у основания, яйце-

¹ Наиболее важным памятникам посвящены будут специальные работы.

² Котлован врезался в самую середину помещений, первоначально не затронув их стен и пола, который был разрушен при углублении в скалу. По наличию дверного проема следует думать, что открытые помещения продолжают в сторону главной улицы (к ЮВ).

видным туловом и большой ручкой с шариком наверху и отгибом вниз (обломан).

В целом материал находок носит позднесредневековый характер и должен быть отнесен ко времени после X в. Обнаруженные в насыпи помещения херсоно-византийские монеты X в. датирующим материалом служить могут только в смысле установления *terminus post quem*, как это обычно для Херсонеса в подобных случаях.¹

2. При устройстве второго котлована — к СЗ от первого, на продолжении его длинной оси (аналогично ориентированном) под средневековым (перекопанным) слоем обнаружены остатки стенок двух помещений — римской и эллинистической эпох, с культурными отложениями, насыщенными керамическим и другим материалом первых веков н. э. и III—II вв. до н. э.; единичные находки в наскальном слое чернолаковой керамики восходят, по видимому, к IV в. до н. э.²

3. В конце мая 1942 г. при земляных работах в насыпной перемычке перибола у цитадели, между XV и XVI башнями, с южной стороны цитадели, обращенной к XVI башне, на глубине приблизительно 1.5 м, красноармейцами был обнаружен бюст из белого мрамора хорошей сохранности, высотой около 0.60 м; бюст представлял в натуральную величину погрудное изображение женского божества с покрывалом на голове, спускавшимся на плечи и грудь, со скрещенными на ней руками и с углублением на голове для стержня, поддерживавшего калафос или корону (?).

Судя по всему, это было изображение Деметры, ктонического божества, которое как бы выходит из земли (встречено впервые в Херсонесе). По стилю и технике оно может быть отнесено к позднеэллинистической эпохе. Нахождение его в насыпи перибола по соседству с позднеэллинистическим некрополем³ представляется вполне естественным. Принимая во внимание, что Деметра здесь изображена в ее роли божественной хранительницы могил,⁴ можно думать, что бюст попал в насыпь из некрополя.⁵

4. В тяжелые дни, когда гитлеровцы бешено рвались к Севастополю (7—10 июня 1942 г.), на херсонесском некрополе было сделано интересное открытие.

В поисках древних погребальных склепов в юго-восточном секторе некрополя, близ херсонесских казарм, красноармейцы обнаружили еще не раскопанный склеп. Он находится неподалеку от участка раскопок 1937 г., к западу от него, в 20 м от небольшого домика, построенного в 1937 г. у подошвы правого южного склона херсонесской балки. Склеп вырублен в террасовидном уступе скалы, обрывающейся к ССВ. Шурф, по счастливой случайности, пробил переднюю стенку склепа как раз рядом с входным отверстием в него, благодаря чему сам склеп остался почти не затронутым.

Склеп (рис. 59) типичен для херсонесского некрополя, лишь с некоторыми отличиями в деталях. Эта небольшая квадратная камера (2.25 м шириной и 2.15 м длиной, 1.75—1.85 м высотой), лежащая под мощной 2—3-метровой толщей скалы, вырублена киркой (штриховые следы ее остались на стенках). Входное отверстие (0.50 м высотой, 0.85 м шириной) в передней стенке со стороны уступа (ССВ) закрыто снаружи прямоугольной

¹ Все ценные находки, за исключением амфор, были похищены немцами, так же как и вчерне законченный отчет о раскопке. Информация о раскопках была помещена в «Маяке коммуны» в начале мая 1942 г.

² Материалы раскопки хранятся в фонде музея. Отчет о ней был написан и также похищен немцами.

³ См. ИАК, вып. 2, стр. 10 сл.

⁴ Ср. «Mithologie figurée de la Grèce par Max Collignon. Paris, 1889, стр. 241.

⁵ Мрамор также похищен.

закладной плитой (0.90 м высотой, 0.85 м шириной), опущенной из дромоса через люк.¹

В остальных трех стенках камеры во всю их длину вырублены погребальные ниши-лежанки, по две в каждой стенке, одна над другой. При этом ложа нижних трех ниш врублены немного ниже уровня пола (на 0.10—0.15 м) так, что их нижние закраины в полу несколько выступают из плоскости. Задняя ниша первоначально была закрыта закладом из кровельных черепиц в два яруса на красноватой цемянке; при вскрытии склепа *in situ* оставался один нижний ярус; черепицы верхнего найдены частью целыми, частью разбитыми. Боковая правая ниша была обрамлена на

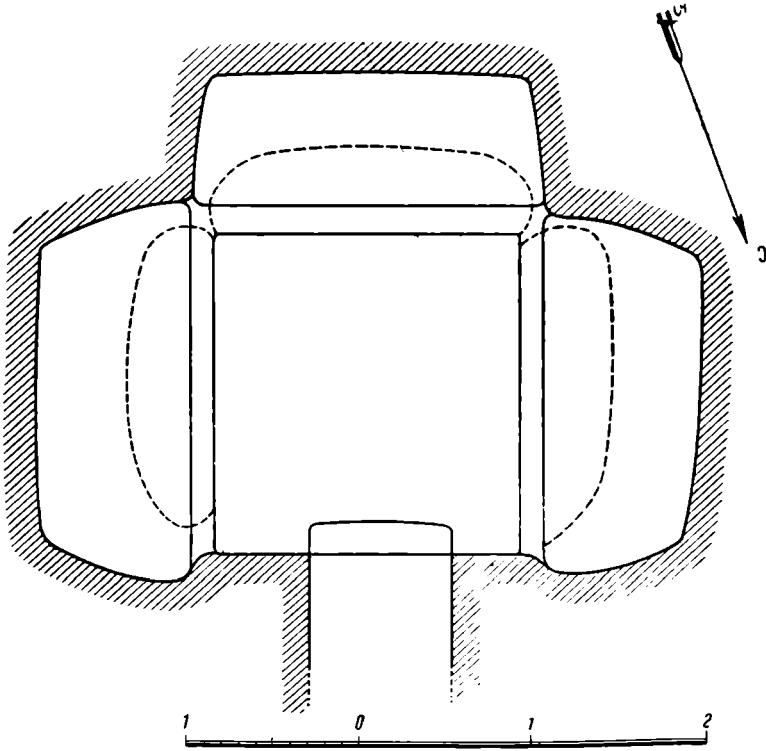

Рис. 59. Херсонес. Схематический план римского склепа, открытого в 1942 г.

нижней закраине в полу склепа бортиком из ряда небольших камней, также на цемянке. Боковая левая ниша была обнесена по нижней закраине низким бортиком, вырубленным в скале и сохранившимся целиком.

Аналогичными скальными бортиками были обрамлены по нижнему краю и ложа трех верхних ниш.

Потолок и простенки камеры между нишами, равно как и стенки верхних ниш склепа, были оштукатурены красноватой цемянкой, сохранившейся *in situ* лишь местами и найденной в обломках на полу склепа и на ложах ниш в завалах.

При вскрытии склепа он оказался засыпанным вследствие обвалов потолка и стенок и наплыва земли; последняя проникала в него через неплотно закрывавшееся затвором отверстие, которое неоднократно открывалось при повторных погребениях. Погребения в склепе были обнаружены:

¹ В верхних нишах — по одному в каждой, причем в боковых нишах костяки лежали головами ко входу (ССВ), в задней — головой к левой

¹ Дромос пока не раскопан.

нише (ЮЮЗ). Кости — удовлетворительной сохранности, за исключением раздавленных черепов. Из вещей, сопровождавших погребенных, были найдены две небольшие поясные пряжки, одинаковые по материалу, форме и технике; ныне они утрачены: после захвата Севастополя их похитили немецкие офицеры, орудовавшие в музее. Пряжки эти принадлежат к очень редкому в Херсонесе типу; они бронзовые литые, довольно массивные, овальной формы с прямоугольными щитками на шарнирах.¹ Щиток одной пряжки был украшен рельефно прорезным орнаментом геометрического характера, с рельефными зигзагами между параллелями по краю в виде бордюра и прорезными кругами и треугольниками посередине. Щиток другой пряжки, особенно интересной, был украшен рельефными изображениями борьбы двух зверей, обращенных головами в разные стороны, одного над другим: верхний, напоминающий льва, терзает нижнего — широкомордого, массивного.²

Различные по своему характеру, обе пряжки считаются одинаково характерными для варварского художественного ремесла позднесарматской эпохи,³ стиль их сигнализирует о вторжении в Крым скифо-сибирских художественных вкусов, столь характерных для эпохи, связанной со «сменой прежнего скифского населения южной России сарматским...» и последующим затем вторжением гуннов.⁴

В нижней левой нише лежал остов удовлетворительной сохранности головой ко входу, без вещей, среди керамических и стеклянных фрагментов римского императорского времени, заполнявших нишу.

В нижней задней нише с черепичным закладом обнаружены остатки трех-четырех погребений, очевидно неодновременных (чем, вероятно, и объясняется разрушение черепичного заклада ниши), с костяками в беспорядке, также без вещей.

Подобные неодиоичные погребения с костями в беспорядке (как результат повторных погребений и следовавших затем завалов) — явление очень характерное для некрополя позднеримской поры в Херсонесе. На это время указывает и тип черепиц заклада ниш.

Наконец, в нижней правой нише был обнаружен костяк хорошей сохранности, головой ко входу в склеп с деформированным черепом удлиненно-овальной формы,⁵ также без вещей. Однако в самой нише, заключающей костяк, нашлась вещь, которая может в известной мере датировать погребение: в кладке бортика этой ниши, у изголовья склепа, был обнаружен довольно крупный фрагмент — левый верхний угол прямоугольной мраморной плиты синевато-серого тона, обнесенный высокой гладкой рамкой с барельефами и изображениями масок Силена и под ней Менады в венке из виноградных листьев и гроздьев, обе в три четверти (рис. 60); композиция встречается в Херсонесе впервые.⁶

По своему типу и стилю близкую аналогию маске Силена дает херсонесский барельеф мавзолея римской императорской эпохи, который

¹ ИАК, вып. 20, стр. 31, рис. 10.

² Аналогии по композиции см. у И. И. Толстого и Н. П. Кондакова. Русские древности..., вып. III, рис. 60, 62, 63. Ср. М. И. Ростовцев. Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль. I. Seminarium Kondakovianum. Прага, 1929, стр. 7—9.

³ Ср. там же, стр. 3—4.

⁴ Там же, стр. 4.

⁵ К сожалению, почти полностью уничтожен при разрыве снаряда в средневековом отделе музея 1 июля 1942 г. Уцелел фрагмент лицевой части с крупным куском лобной кости (№ 591).

⁶ Размеры фрагмента: наибольшая ширина (внизу) — 0.20 м, наибольшая толщина — 0.075 м, наибольшая высота — 0.25 м. Ширина рамки — 0.030—0.035 м. (Инв. № 592).

датируется серединой II в.¹ Приблизительно к этому же времени или немного более позднему должен быть отнесен и наш барельеф.² Но при устройстве ниши барельеф был вторично употреблен в качестве строительного материала. Следовательно, погребение в этой нише должно быть датировано временем более поздним, но на немного, на что указывает общая датировка склепа, которая определяется культурными остатками в засыпи его камеры. В ней обнаружены керамические, стеклянные и металлические фрагменты позднеимперской эпохи, которые и дают общий *terminus ante quem* для всех его погребений, в том числе и для погребений с деформированным черепом.

Это последнее вместе с античным барельефом его ограждения (вторично использованным), так же как и наличие погребения с пряжками сарматского стиля,³ придает склепу ярко выраженный варваризованный облик. Возможно, что этот облик был присущ склепу изначально, т. е., что варварские погребения в нем были первоначальными, в отличие от других античных погребальных памятников херсонесского некрополя, которые были лишь использованы варварами для своих погребений.

Так или иначе, открытый склеп умножает число памятников, несомненно свидетельствующих о варваризации, точнее, может быть, о сарматизации, населения Херсонеса в позднеимперский период.

5. В феврале 1943 г. из насыпи перемычки в переболе между XV и XVI башнями, со стороны последней, неподалеку от куртины 17, на глубине около 1.5 м, извлечена частью обнажившаяся (в результате повреждения насыпи во время штурма) надгробная стела из пористого известняка в виде глубокой эдикулы с фронтоном и антаблементом, покоящимся на антах с трапециевид-

Рис. 60. Херсонес. Барельеф с изображением Силена и Менады, найденный в склепе в 1942 г.

ными капителями. Высота — 0.30 м, ширина — 0.20 м. Внутри эдикулы помещено слаборельефное антропоморфное погрудное изображение без детализации (рис. 61). Керамический материал, сопровождавший находку, относится к римскому времени. Повидимому, к этому же времени, судя по форме и стилю, должна быть отнесена и стела.⁴

6. Летом 1943 г. при земляных работах, произведенных немцами для устройства бомбоубежища между собором и маяком, в слое с культурными остатками римского времени (глубже этого слоя раскопка не пошла) обнаружены и разобраны две стены, пересекающиеся под прямым углом.¹

¹ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., стр. 55, 72, рис. 32.

² Ср. суховатый, несколько схематизирующий стиль маски Силена с полнокровно-пластичным, полным живой экспрессии стилом барельефа 1935 г.

³ Пряжки исчезли, как и предыдущие находки, вместе с отчетом о раскопке. Отчет восстановлен по памяти и передан в ИИМК.

⁴ Ср. эллинистические антропоморфные стелы без эдикулы (Г. Д. Белов. Путеводитель по Херсонесу, 1936 г.) и римские надгробия в виде эдикулы, например, ИАК. вып. 33, стр. 20.

7. При обследовании воронки от снаряда, разорвавшегося 1 июля 1942 г. в южной части базилики, что у собора, была произведена углубленная зачистка ямы до скалы. При этом обнаружена неизвестная ранее гробница-усыпальница (в этой базилике — 5-я), прислоненная к стене-фундаменту южной колоннады базилики тремя сторонами; сложена гробница частью из бутовых камней, большей же частью из обломков алтарной преграды; из крупных кусков ее состоит и перекрытие гробницы, сорванное взрывом. Верхний (нарушенный при взрыве) слой земляной насыпи гробницы был вынут нами, причем обнаружены кости и части черепов 3—4 человеческих скелетов в беспорядке.

Рис. 61. Херсонес. Фрагмент надгробной стелы (из находок 1943 г.)

Установлено, что мраморный настил пола базилики, под которым была устроена гробница, уложен на мощной насыпи смешанного землисто-глинистого состава с культурными остатками (по преимуществу керамическими) римского времени. Находки эллинистического времени, обнаруженные в выкидах от взрыва, — единичны: очевидно, эллинистический слой здесь уничтожен еще в римскую эпоху. Насыпь идет на глубину до 2.50—2.60 м — почти до скалы, перекрытой глинистым стерильным слоем. В эту насыпь опущен фундамент колоннады до наскального слоя, мощность которого здесь не больше 0.25—0.30 м. Таким образом вносится корректив в утверждение, что «все остальные базилики Херсонеса [за исключением базилики раскопок 1935 г. — А. Т.] построены на скале». ² Базилика у собора, подобно раскопанной в 1935 г., построена на насыпи, что и следовало ожидать на античном акрополе Херсонеса с его долгой тысячелетней историей, которая должна была отложиться в соответственно мощных культурных напластованиях. Помимо того, налегание плитного пола

¹ См. Д. Айдалов. Развалины храмов. В серии «Памятники христианского Херсонеса», вып. 1, 1905, рис. 43. См. также рис. 43 и 44 с показанием прежних гробниц.

² Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса в 1935—1936 гг., стр. 90.

базилики непосредственно на насыпь римского времени должно указывать на относительно раннюю дату ее сооружения (V в.).

8. При зачистке воронки от снаряда на главной улице, у эллинистического общественного здания, был вскрыт поврежденный взрывом канал водопровода, выложенного на скале из двух рядов камней и заканчивающегося небольшим грушевидным бассейном; нижней частью он врублен в скалу, в верхней части выложен из бутовых камней на землястом растворе.¹ Между бассейном, восточным углом здания и II поперечной улицей обнаружены остатки плитной вымостки двух родов: 1) из правильных продолговатых плит сероватого известняка, подобного камням здания, уложенных вплотную к его стене, с продолжением поперек II улицы (сохранилось два ряда) и 2) из плит и обломков желтого мраморного известняка между первой вымосткой и бассейном на несколько более низком уровне. На поверхности этой вымостки сохранились остатки красноватого цемянкового перекрытия. Возможно, что это остатки эллинистической вымостки и ремонта ее в римскую эпоху, когда здание продолжало существовать.² Не современным этому зданию должен быть признан канал с бассейном, учитывая как технику его кладки — типично позднесредневекового (из нетесанных камней на землястом растворе), так и характер культурных остатков заполняющей его насыпи (смешанных). Канал этот является подземным, перекрытым плитами (одна из них уцелела *in situ*), водостоком для дождевой воды, стекавшей с крыши здания по вертикальному желобу, который был проложен в стене, на что указывает выруб в скале, вдающийся в толщу стены снаружи. По этому водостоку вода по уклону стекала в бассейн-водохранилище, которое, очевидно, имело крышку, открывавшуюся наружу, по мере надобности, для использования дождевой воды.³

При зачистке водопровода обнаружены остатки настила улицы из гравия, несомненно современные эллинистическому зданию. На это указывают горизонт настила и керамические находки, с ним связанные, а также одна архитектурная деталь, и именно кусок бетона (гравия с известковым раствором) *in situ*, вплотную примыкающий к стене здания; кусок бетона имеет прямоугольное углубление — гнездо с остатками перегоревшего дерева и представляет собой, повидимому, устой деревянного столба, прислоненного к стенке, которая образует четвертую сторону гнезда. Эта интересная деталь, как и весь комплекс, обнаруженный при зачистке, обогащают наличный материал строительных остатков для реконструкции античного общественного здания на главной улице.

9. При уборке «античного дворика» в средневековом помещении № 2 VII квартала у собора была очищена до скалы четырехугольная яма хозяйственного назначения, раскопанная Р. Х. Лепером в 1913 г. на глубине 0.90 м от поверхности.⁴

Яма оказалась вырубленной в скале на глубину 3.20 м. Две ее смежные стены — СВ и СЗ — выложены из довольно крупных штучных камней на глинистом растворе. В СВ стене, смежной с грушевидной цистерной, обнаружена типично эллинистическая кладка из тщательно отесанных бруско-

¹ Канал этот с бассейном (и вымосткой между ним и зданием) показаны не совсем правильно на планах в Херсонесском сборнике, вып. III (Севастополь, 1931) — на генеральном и квартальном (стр. 48), к сожалению, без упоминания о них в тексте.

² Ср. квадратный бассейн у южного угла здания с вымосткой дна из кирпичей римского времени, что установлено зачисткой этого бассейна при уборке главной улицы весной 1943 г. См. Херсонесск. сб., вып. II, план, стр. 48.

³ Правильность такой интерпретации подтверждается отсутствием каких-либо следов продолжения канала за бассейном и связи этого продолжения с водостоком-коллектором II поперечной улицы, как это неправильно показано на плане II квартала. Там же, стр. 48.

⁴ ОАК, 1913—1915, стр. 55—56, рис. 83.

видных плит.¹ В СЗ стене подобные плиты чередуются с грубо обработанными камнями, особенно внизу; здесь, на высоте 0.60 м от дна, обнаружилась довольно большая прямоугольная ниша, удобная для помещения в ней сосудов или светильника. По всей вероятности, эта яма была погребом. Насыпь ее — глинистая, с большим количеством камней, крупных и мелких, — насыщена культурными остатками, главным образом керамическими смешанного состава, по преимуществу эллинистическими и ранне-средневековыми, с преобладанием первых. Полная смешанность заполнения ямы может указывать на то, что засыпка ее произведена была одновременно в средневековое время, а самый материал засыпки был взят из почвенного слоя, где культурные остатки разных эпох до того были уже смешаны.²

10. В августе 1943 г., при уборке III поперечной улицы, на стене одного из средневековых помещений, с правой стороны улицы (помещение у II квартала. См. Херсонесск. сб., III, стр. 48), обнаружен крупный фрагмент плиты из белого мрамора с 13-строчной греческой надписью, которая оказалась отрывком списка магистратов и почетных граждан Херсонеса, скрепивших приложением печати подлинность какого-то декрета (τῶν ἐρραχιδάρων). Отрывок относится к довольно уже многочисленной группе херсонесских декретов римского императорского времени, с часто встречающимися именами Флавиев, и по аналогии может быть датирован приблизительно серединой II в. н. э.³

11. В октябре 1943 г., при уборке городища на участке так называемой базилики Крузе, к югу от нее на склоне горы была произведена зачистка выступавшей из насыпи и нависавшей над пустотой в скале характерной кладки внутреннего угла здания, оказавшегося прямоугольной в плане часовней с полукруглой апсидой, которая с прилежащей частью северной стены здания только и сохранилась, и то не полностью. Часовня частично перекрывает засыпанную прямоугольную цистерну, вырубленную в скале с культурными остатками в верхнем слое IX—X вв., которые дают *terminus post quem* для ее сооружения. Пол часовни частью покрыт плитками, частью цементами.

12. В начале февраля 1944 г., при рытье немцами окопов в окрестностях д. Новый Шули, неподалеку от Инкермана (2.5 км), по правую сторону долины Черной речки, у южного склона горы Сахарная головка, была прорезана древняя яма, заполненная мягкой черной землей, погребенная под метровым пластом беловатого известкового наноса (с гор), причем в яме был найден обломок глиняного сосуда с врезанным линейным орнаментом. Яма имела усеченно-коническую форму с диаметром дна 1.5 м, глубиной в среднем около 1 м. В засыпи ямы обнаружены кусочки древесного угля и зола, пережженные камни от очага и косточки небольшого животного (овцы?), часть точильной плиты из лилового песчаника, куски грубых (толщиной до 5 см) дисков из слабо обожженной глины (быть может блюд?) и более полусотни обломков 4—5 крупных горшководных сосудов с широкими развернутыми шейками, округло приподнятыми или пологими плечами, равными (косыми) стенками и плоским дном. Сосуды сработаны от руки (без гончарного круга) из темной известковой глины, слабо обожженной, с шероховатой или лощеной поверхностью, желтовато-коричневой или совершенно черной, местами с зеркальным глянцем. Все сосуды,

¹ Ср., например, кладку XIX куртины крепостной стены. Херсонесск. сб., вып. II.

² Если она не была раскопана до скалы самим Р. Х. Лепером и им же самим засыпана.

³ Библиографию этих декретов см. у Р. Х. Лепера. Херсонесские надписи, (ИАК, вып. 45, стр. 61) и у В. Латышева. Эпиграфические новости из южной России. (ИАК, вып. 58, стр. 29) [Заметка об этом памятнике будет опубликована позднее. — Ред.].

за исключением одного, имеют орнаментальные дуговидные налеты на плечах и украшены гравированным орнаментом с инкрустацией из белой пасты, комбинируемым с ямочным (также инкрустированным) и рельефным бугорчатым. Доминирующим мотивом этого орнамента является нарядная бахрома из длинных, косо заштрихованных, острых зубьев, спускающихся на стенки сосуда от ожерелья из круглых ямок, опоясывающего его плечи или шейку, иногда с редко расставленными продолговатыми бугорками под ним. В одном случае этот мотив осложняется встречными зубьями, идущими снизу в промежутки между верхними, образуя зигзаг из гладкой ленты; штриховка зубьев здесь сетчатая, весь узор — не замкнутый по окружности сосуда, быть может рассчитанный по секторам. В целом содержимое ямы нужно характеризовать как комплекс очажно-кухонных остатков, а ее назначение можно связать с первобытным культом очага, как вместилища священного огня; все, так или иначе связанное с очагом, как освященное огнем, не могло быть выброшено куда попало, но должно было иметь специально для него предназначенное хранилище,¹ каковым и является яма, которая в этом смысле может быть названа культовой (а не просто мусорной или хозяйственной).²

Обнаруженная в д. Новые Шули яма вполне типична для так называемой кизил-кобинской культуры, ближайшие к Херсонесской округе местонахождения которой открыты у Инкермана (1939—1940 гг.) и у Балаклавы (тогда же). Окрестности д. Новые Шули дают новый пункт этой культуры с перспективой дальнейших открытий по соседству — как ям, подобных обнаруженной (ибо обычно ямы встречаются группами), так и остатков поселений (ибо обычно ямы сопутствуют жилью), а может быть, и погребений (ср. инкерманские).

В этом и заключается общее значение ново-шулинской находки, не говоря об интересной по своему своеобразию керамике.

13. В конце февраля 1944 г. при прорытии «дромоса» с приморской стороны в подвал флигеля б. монастырской бани, превращенного немцами в бомбоубежище, была разрушена ими часть стены позднесредневекового здания, в завале которого и под ним (в раннесредневековом слое) обнаружены керамические и другие культурные остатки (характерные образцы их взяты в музей). В числе их: жернов из песчаника, венчик пифоса с ямочным орнаментом по обрезу, обломки поливных сосудов розовой глины с росписью и красноглиняных с гравированным орнаментом, кабаньих клык, зуб лошади, костяное асимметрично-биконическое прясло, украшенное шестью гравированными кружками, помещенными между двумя трехлинейными поясками и остроовальным, горизонтально лежащим между двумя кружками углублением; орнамент покрыт густой пурпурной краской. Наиболее ценная находка — небольшая бронзовая чашка из листовой бронзы с почти прямыми, слегка выпуклыми стенками (высота 3.3 см), небольшим скошенным бортиком (диаметр отверстия — 10.7 см), слегка выпуклым дном. На дне внутри помещен гравированный орнамент из концентрических окружностей, на стенках внутри и у края имеется гравированный поясok из трех круговых линий, а снаружи — гравированная орнаментальная арабская надпись, четырежды повторенная в четырех круглых картушах, заполненных письменами. Надпись обрамляют пояски из гравированных тройных линий (не всюду сохранившихся, в этом числе — есть двойные и оди-

¹ Ср. этнографические параллели — русско-украинские, крымско-татарские («джурты») и др.

² См. Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. («Крым», № 2, 1926, стр. 91—94) и С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках в Инкермане в 1940 г., стр. 2 (Архив Херсонесск. музея).

нарные). Аналогии дают закавказско-переднеазиатский круг памятников (ср. кувшин из раскопок 1942 г., инв. № 595).

14. В апреле 1944 г. при земляных работах к ЮВ от собора (там, где убежище) найден каменный топор-молот — шлифованный, со сверлиной, ладьевидный, длина — 0.16 м.

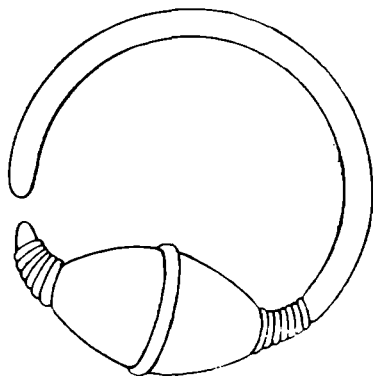

Рис. 62. Херсонес. Золотое височное кольцо

(из находок 1944 г.)

15. 7 мая 1944 г., в день начала штурма Севастополя Красной Армией, к ЮВ от собора, возле бомбоубежища, на глубине около 1.5 м, было обнаружено золотое височное кольцо — массивное с полой биконической бусиной с обмоткой на кольце по сторонам ее (рис. 62). Диаметр кольца 5.4 см. В Херсонесе это, кажется, первая находка серьги данного типа (XII—XIII вв.).

М. А. НАЛИВКИНА

АНТИЧНЫЙ КОРИНФ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(Обзор последних изданий, посвященных Коринфу)

Где красота твоя, город дорийцев, Коринф величавый?
 Где твоих башен венды, прежняя роскошь твоя?
 Храмы блаженных богов и дома и потомки Сизифа,
 Славные жены твои и мириады мужей?
 Даже следов от тебя не осталось теперь, злополучный:
 Все разорила вконец, все поглотила война...

(Антипатр Сидонский. На разрушение Коринфа. Палатинская антология IX, 15).

Эти строки относятся к периоду после разрушения Коринфа римским полководцем Луцием Муммием в 146 г. до н. э. О Коринфе, как о городе некогда цветущем, превращенном тогда в развалины, говорит Сервий Сульпиций, префект Ахайи, в послании к Цицерону в 45 г. до н. э. Возвращаясь из Малой Азии морем, на пути из Эгины в Мегары, он видел Пирей и Коринф и попутно записал свои впечатления.¹ Немногие слова о Коринфе, относящиеся к периоду до его разрушения, принадлежат Титу Ливию.² Он отмечает красоту города, особенно его акрополя, изобиловавшего родниками, а также Истма.

Страбон,³ посетивший город вскоре после его восстановления римлянами, описывает его кратко на основе личных впечатлений: связанное описание перемежается с слышанными им рассказами и легендами о прошлом города. Более пространное и более полное описание, хотя также не лишенное исторических и легендарных отступлений, принадлежит Павсанию, являющемуся основным источником для изучения топографии Коринфа.⁴ Наличие упоминаемых Павсанием памятников Коринфа весьма точно подтверждается производившимися на территории древнего города

¹ Цицерон. Письма к друзьям, IV, 5, 4.

² Ливий, XL, V, 28.

³ Страбон, VIII, стр. 78 сл. О раскопках Коринфа у Страбона см. VIII, стр. 381.

⁴ Павсаний, II, 2, 6 сл. Авторами, обработавшими и сопоставившими известия древних писателей о Коринфе с результатами описаний путешественников, являются Hitzig u. Blümmner. Pausaniae Graeciae descriptio, 1, 2, 494—512; см. также статью Thom. Lenschau, озаглавленную «Korinthos», P.-W.-Kroll, Real. Encz., Supplement, Band IV, стр. 991 сл., где указана и основная литература о Коринфе. Самое раннее упоминание Коринфа встречаем у Гомера. Илиада, XIII, 663 сл.

раскопками, обзору результатов которых и посвящена настоящая статья.¹

Что же представлял собой древний Коринф, и что дали раскопки для изучения его топографии?

Выгодное географическое положение Коринфа на крайнем северо-востоке Пелопоннеса,² в центре скрещения морских путей из восточного Средиземноморья в Пелопоннес через Истм, наличие прекрасных гаваней: Лехея — на западе, Кенхрея — на востоке, а также положение на пути к северной и южной Греции, — все это способствовало развитию транзитных торговых сношений Коринфа с западными и восточными центрами Средиземноморья. Коринфские изделия из металла и коринфская керамика были известны не только в самой Греции, но и далеко за ее пределами.

В результате раскопок в Коринфе, начатых еще Дерпфельдом в 1886 г.³ и продолженных в 1892 г.,⁴ а также последующих раскопок, производившихся с 1896 г. американской школой по изучению классических древностей в Афинах (American School of classical Studies at Athens),⁵ выявлены остатки различных периодов существования города, начиная с неолита и кончая византийским, турецким и другими, более поздними периодами. В данной статье нас будут интересовать лишь остатки античного города, выявленные главным образом работами после 1930 г.⁶

В одну из первых раскопочных кампаний в Коринфе был открыт театр; по Филострату (Жизнеописание софистов, II, 1, 9—10), театр в Коринфе был построен Иродом Аттиком (101—171 гг. н. э.). Согласно тем же сведениям, коринфский театр был крытым и значительно уступал афинскому. В течение античного периода он неоднократно перестраивался.⁷

Открытия в северной, западной и восточной частях агоры дали целый ряд интересных архитектурных сооружений, среди которых следует назвать Одеон — здание, имеющее 64 м в диаметре, частично высеченное в скале, частично сложенное из крупных блоков камня, в технике *opus incertum*.⁸ Открытые подземные и надземные водные сооружения

¹ Настоящая статья является в известной мере запоздалой, но, принимая во внимание, что появившиеся за последние годы в наших периодических изданиях информация о последних раскопках в материковой и островной Греции лишь попутно отмечают результаты раскопок в Коринфе, считаем небезытересным дать более подробное освещение этих раскопок, а также последней литературы о Коринфе. См., например, статью Л. А. Ельницкого. Археологические раскопки в Греции и восточном Средиземноморья за последние годы. ВДИ, 1938, № 2/3, стр. 194. Указанная автором литература о Коринфе за последние годы значительно увеличилась.

² Philipson. Peloponnes u. besonders der Isthmos von Korinth, опубл. в Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde, 1890, стр. 1—98. О стратегическом значении Коринфа см. Gomayeg. Schlachtfelder, т. I, 1903, стр. 33.

³ Ath. Mitt., т. XI, 1886, стр. 297.

⁴ Σκίσις πρακτικῆ τῆς ἐν Ἀθῆναις Ἀρχαιολογικῆς ἐταιρίας, 1892, стр. 111.

⁵ Willisch. Zehn Jahre amerikanischer Ausgrabungen in Korinth. Neue Jahrbücher, 790 v., т. XXI, стр. 414 сл.

⁶ О раскопках в Коринфе, производившихся в конце XIX в. и в начале XX в. см. AJA, начиная с 1897 г.; JHS — с 1896 г.; Bull. Arch. — с 1896 г.; Revue des études grecques; Revue Historique; Πρακτικῆ Illustrated London News; Art. and Archaeology (последние два издания нами не просмотрены и приводятся лишь по ссылкам из других изданий). О результатах последних работ в Коринфе, а также о некоторых группах материала, найденных во время раскопок, см., кроме издания «Corinth» (о нем ниже), журнал Hesperia, издаваемый американской школой в Афинах (1930 г. сл.).

⁷ AJA, т. I, 1897, стр. 481. Frankott Babbit. The theatre at Corinth. Раскопки театра и его окружения, дающие возможность проследить структуру римских театральных сооружений, были закончены к 1925 г. В настоящее время T. Leslie-Shear готовит публикацию результатов этих раскопок.

⁸ Corinth, т. X. Коринфский Одеон был построен также Иродом Аттиком. Он был раскопан полностью лишь в 1927—1928 гг. См. O. Woneer, AJA, т. XXXII, 1928; а также B. D. Meritt, AJA, т. XXXI, 1927.

подтверждают полностью известия древних авторов о прекрасном снабжении Коринфа водой. К СЗ от открытых остатков античного города обнаружено значительное количество могил; их инвентарь состоит главным образом из керамики VI—V вв. до н. э.¹

В период с 1919 по 1924 г. раскопок в Коринфе не производилось; в это время изучались открытые остатки города и систематизировался ранее добытый раскопками материал.

Археологические работы в Коринфе после 1925 г. преследовали задачу дальнейшего расследования остатков южного портика с двойной колоннадой и доследования южной базилики. Работы велись и на юге, в центральной части агоры, где открыты сооружения раннеримские, позднееримские, а также сооружения раннесредневековые.² Открытые к востоку от этих сооружений лавки, как выяснилось при последних раскопках, к I в. до н. э. были разрушены, и на их фундаментах было возведено своеобразное сооружение с остатками скамеек, принадлежавших, как думает Morgan, залу заседаний. На фундаментах двух других лавок был выстроен колодец.³

В течение осени 1938 г. и весны 1939 г. раскопки и изучение Коринфа были сосредоточены в районе южного портика на холме, где находится храм Аполлона, и на небольшом пространстве, примыкающем к музею.⁴

Таким образом, в результате археологических исследований последних лет в Коринфе выяснилась стратиграфическая последовательность слоев на участке, занятом агорой, что дало возможность проследить историю этой части города, начиная с эпохи, предшествующей античному времени.

В период геометрического стиля центр города был расположен на узком участке к северу от источника Перены; по мере роста города и его центральная часть увеличивалась по направлению к югу. Около конца V в. большой и насыщенный постройками участок в южной части агоры был подвергнут перестройке. Он являлся последним участком агоры, служившим в римское время форумом. Остатки более ранних построек этого участка были использованы как строительный материал для вымостки южного конца Лехейской дороги. Площадь, занятая агорой в позднеантичное время, была лишь частью площади, занятой в классическое время. В самое позднее время центр города переместился к северу от античного.

В античный период город строился террасообразно; лестницы, построенные в римское время, соединяли нижнюю северную и верхнюю южную террасы. На западной террасе агоры, весьма насыщенной античными архитектурными остатками, постройки подвергались значитель-

---

¹ Некрополь Коринфа представляет большой интерес и заслуживает специального исследования. Керамика из северного некрополя Коринфа привлекается в работе С. Н. Е. Haspels. *Attic black figured lekythoi*. Paris, 1936. В 1928 г. на пути от гавани Кенхрея к городу были обследованы могилы. См. *AJA*, т. XXXII, 1928, стр. 490; т. XXXIII, 1929, стр. 538; т. XXXIV, 1930, стр. 403; т. XXXV, 1931, стр. 424. *Art and Archaeology*, т. XVII, 1930, стр. 195 и 257. В 1 милю от д. Гекзамилии и к востоку от местечка Гония обнаружено 5 погребений начала V в. до н. э. Все погребения оказались в саркофагах из мягкого известняка. Инвентарь могил состоял из аттической и коринфской чернолаковой керамики. См. *Hesperia*, т. VI, 1937, стр. 323, рис. 42.

² *AJA*, № 4, 1937, стр. 539, табл. XI—XIII. Charles K. Morgan. *Excavations at Corinth, 1936—1937*. Открытый в 1937 г. в южной части агоры портик, по мнению автора отчета, относится к III в. до н. э.; см. также *Revue Historique*, Janvier—Mars, 1938.

³ *Arch. Anz.*, 1936, стр. 196; ср. *Arch. Anz.*, 1935, стр. 195.

⁴ Детальный отчет об археологических исследованиях за эти годы уже опубликован в *Hesperia*, т. VIII, 1939; см. также в *Arch. Anz.*, вып. 54, 1939, стр. 245—251.

ным изменениям, особенно в течение римского периода, что позволяет проследить развитие архитектурных приемов римского времени в Коринфе.¹

Остановимся на основных изданиях новейшего времени, посвященных Коринфу.

С 1930 г. American School of classical Studies at Athens начала публикацию серии томов, специально посвященных результатам раскопок в Коринфе; вышло уже 10 томов этой серии; некоторые из них состоят из двух полутомов.² Кроме статей, излагающих результаты раскопок, издание включает также публикацию открытого при раскопках материала. Следует отметить прекрасное внешнее оформление этих изданий (меловая бумага, крупный шрифт, большое количество иллюстраций в тексте и прекрасно выполненные таблицы), а также наличие почти во всех томах аналитических указателей, значительно облегчающих работу над текстом.

Рассмотрим кратко содержание просмотренных томов.

Первая часть I тома составлена двумя авторами: Harold North Fowler и Richard Stillwell. Первому принадлежит изложение краткой истории Коринфа, раскопок города до 1925 г., описание гаваней Кенхрея и Лехея, а также описание поселений, исследованных в окрестностях Коринфа.³ Даны схематические планы отдельных поселений, отмечены следы кладок, относящихся к V в. до н. э., а также отдельные строительные остатки римского и византийского периодов. Некоторые поселения были укреплены. Все описания иллюстрируются фотографиями; к сожалению, не все они хороши.⁴ Количество поселений, указанных Fowler, в настоящее время значительно увеличилось открытием новых поселений в восточной области Коринфа, на Истме. Очевидно, вся эта область была заселена с очень раннего времени. Подъемный материал в целом ряде вновь открытых поселений (поселок возле д. Каламаки и Кораку) дал черепки ранне-, средне- и позднеэллинистических изделий.⁵ Возле д. Лютраки — на месте одного из поселений — найдены обломки микенского периода. Payne, автор книги «Necrocorinthia» (о ней ниже), сообщает, что ученые British School at Athens у оз. Юлиамени, у Перахоры, обнаружили раннеэллинистическое поселение.

Следующие главы I тома, написанные Richard Stillwell, посвящены отдельным памятникам. Вторая глава содержит описание храма Аполлона, этой ранней дорической постройки. Насколько позволяют судить сохранившиеся незначительные остатки, он представлял собой периптер, имел целлу с пронаосом и эпинаосом и был снабжен двумя внутренними рядами дорических монолитных колонн, делящих целлу на три части. Капители колонн напоминают колонны храма Геракла в Пестуме, а также Гекатомпедон в Афинах и храм в Дельфах. Согласно последним исследованиям, эти капители относятся ко времени, когда совершался переход от архаического к развитому дорическому стилю. Храм датируется первой половиной VI в.

---

¹ AJA, 1941, № 1, стр. 88. Следует отметить, что все открытые античные остатки Коринфа изучены лишь предварительно; исчерпывающему их изучению помешала война.

² В ленинградских библиотеках во время написания этой статьи, по причинам, вызванным условиями военного времени, нам удалось просмотреть только четыре тома этой серии: т. I, т. III, ч. 1 и 2, т. IX. Обзор непросмотренных частей издания будет дан дополнительно. Непросмотренные тома издания Corinth компенсируются исчерпывающим использованием самой последней литературы о Коринфе, имеющейся в иностранных периодических изданиях вплоть до 1941 г.

³ Об открытиях, произведенных после 1925 г. до момента издания тома (1932 г.), даются упоминания в ссылках. В ссылках же к первой главе первого тома имеются и указания на литературу.

⁴ См., например, т. II, рис. 14 на стр. 45, где, кроме темного фона, ничего не видно.

⁵ C. W. Blegen. Korakou. A prehistoric Settlement near Corinth. Boston and New-York, 1921.

до н. э. Построен он из известняка, добываемого на Истме и напоминающего своей структурой известняк о-ва Пароса.¹

Глава III содержит описание дороги на протяжении 2,5 км, ведущей к Лехею через естественно понижающуюся восточную часть холма с храмом Аполлона. К западу от дороги расположены агора и колоннада с лавками. По обе стороны дороги тянулись тротуары. Существенной особенностью дороги, как отмечает автор, архитектор по специальности, является ее сужение по мере приближения к пропилеям.

В главе IV дается описание рынка, расположенного к северу от базилики, датируемого римским временем (I—II вв. н. э.).

В главе V дается описание колоннады и лавок вдоль Лехейской дороги, где были найдены коринфские капители из паросского мрамора и ряд фрагментов фриз, один из которых имел латинскую надпись. Лавками продолжали пользоваться и в византийское время.

Одним из наиболее важных архитектурных сооружений Коринфа римского времени были пропилеи в СВ части агоры, упоминаемые Павсанием;² им посвящена VI глава I тома.³ Предлагаемая автором главы датировка пропилей (вторая половина I в. н. э.) подтверждается изображением их на монетах Домициана и Адриана.⁴ Первым периодом строительства пропилей автор считает римское время до Августа, когда был восстановлен ряд лавок (восточных) вдоль Лехейской дороги. Во второй римский период были возведены западные лавки, спланирована базилика за ними, наскоро восстановлены пропилеи, западная и восточная колоннады и уложена мостовая дороги на Лехей. После землетрясения 79 г. н. э., при Веспасиане и Домициане, пропилеи были снова перестроены. Четвертый строительный период автор относит ко II в. н. э., когда подверглась перестройке Перена, был воздвигнут фасад, украшенный колоссальными фигурами, и восстановлены колоннады.

С позднеримским временем связана постройка, примыкавшая к пропилеям и находящаяся к востоку от главной арки пропилей. Дата разрушения пропилей не может быть установлена точно. Возможно, это имело место в IV в. н. э., когда был разрушен театр и другие здания Коринфа. В византийский период была реконструирована рампа пропилей. Пропилеи просуществовали таким образом около двух с половиной или трех столетий.

VII главу I тома автор посвящает базилике Коринфа, находящейся позади западных лавок и дороги на Лехей. Для фундамента ее использовали камни из разрушенной кладки лавок; там же были использованы и камни кладки греческого периода. В плане это типичная римская базилика, относящаяся к тому же времени, что и постройка лавок вдоль западного конца лехейской дороги, т. е. ко времени Августа. Стилистические особенности отдельных архитектурных деталей здания свидетельствуют об адриановском и антониновском времени.⁵ Датой основной реконструкции базилики автор считает ранний II в. н. э. Последняя реставрация базилики произведена в III в. н. э.

Последняя VIII глава I тома посвящена так называемому Северному

См. Н. S. Washington. *AJA*, т. XXVII, 1923, стр. 445.

Павсаний, II, 3, 2—4; II, *AJA*. т. III, 1899, стр. 685; т. IV, 1900, стр. 223; т. VI, 1912, стр. 439, табл. XVII, XVIII.

³ Недостатком ее является то, что за описанием мелких деталей памятника часто не видно главного; недостаточно охарактеризованы и сопутствовавшие открытию пропилей находки.

⁴ Imhoof, Blumer and Gardner. *Numismatic commentary on Pausanias*, стр. 22, табл. XCVII, XCVIII.

⁵ См. *Corinth*, т. VIII, ч. 2; *Latin Inscriptions*, № 21 (приводится по ссылке, имеющейся в VII гл., т. I, изд. *Corinth*).

зданию, в плане не совсем обычному. Очевидно, оно являлось прямым предшественником римских лавок и базилики, построенных над ним.

III том издания «Corinth», состоящий из двух частей, посвящен Акрокоринфу. 1-я часть содержит отчет о раскопках, производившихся в 1926 г. Carl Blegen с приложением топографических карт. Его предшественник по раскопкам этого памятника Σηλις в 1891 г. обратил внимание на циклопические кладки в нижней части горы; после него Richardson заложил несколько траншей на вершине и выявил границу античных разработок, поставивших камень для построек IV в. до н. э. В 1914 г., в связи с исследованием оборонительных сооружений Акрокоринфа, велись отдельные разведочные работы и на вершине, но систематические раскопки были произведены лишь в 1926 г.

Исследование вершины показало, что она была заселена с раннего времени. Несмотря на весьма скудные остатки, удалось проследить последовательность строительных периодов на этом участке. От VII—VI вв. сохранилось небольшое здание; большая постройка V в. до н. э., по мнению автора, является храмом Афродиты, упоминаемым Павсанием. О существовании храма на вершине свидетельствуют и камни кладки из пороса с особыми приспособлениями для скрепления, а также находки обломков колонн и дорических капителей. Найденные здесь же ранние черепицы, принадлежавшие перекрытию храма, по цвету глины близки к коринфской керамике. Другой встреченный здесь тип черепицы, более пористой по строению, относится к IV—III вв. до н. э. Для решения вопроса, когда и при каких обстоятельствах был разрушен храм, исследования не дают материала; но если он стоял во времена Страбона и Павсания, то разрушение его надо отнести ко времени едва ли ранее III в. н. э.

Вторая часть III тома посвящена оборонительным укреплениям Акрокоринфа и нижнего города и принадлежит нескольким авторам, главными из которых являются Rhys Carpenter и Antoine Bon — исследователи Ecole française d'Athènes. В статьях, посвященных античному периоду (принадлежащих Rhys Carpenter), главное внимание уделено ранним фундаментам стен Акрокоринфа. Автор отмечает, что они были гораздо массивнее позднее надстроенных укреплений. В стене сохранились участки полигональной кладки. Из аналогий автор называет ряд кладок стен в Афинах и Элевсине. Остатки циклопических кладок в окружной стене тесно увязываются с остатками стен архаического и раннеклассического периода, псевдополигонального и полигонального стилей.

Наряду с архитектурными, рассматриваются и керамические находки. Наиболее ранней керамикой Акрокоринфа является керамика геометрического стиля, представленная рядом хороших образцов. Найдена она главным образом на вершине, в нижних слоях, и состоит из отдельных обломков небольших сосудов с геометрическим рисунком, выполненным коричневой и черной глазурью. Керамика, найденная при исследовании стен Акрокоринфа, датируется временем не ранее V в. до н. э.

Другой автор, A. W. Parsons, описывает длинные стены, ведущие к заливу, и кратко останавливается на СВ секторе городской стены Коринфа.

В IV томе «Corinth» изданы декоративные терракоты, хранящиеся в Афинском национальном музее (авторы Ida Thallon Hill и Lida Shaw-King). Авторы отмечают большое значение Коринфа в изготовлении терракот, привлекают аналогии из Этрурии и Этолии; высказывают мнение, что типы этих украшений, прежде считавшиеся мегарскими, являются на самом деле коринфскими. В конце тома дается описание — каталог найденных в Коринфе антефиксов, пальметок, сим, черепиц и обломков акротериев. Из приложенного описания глины этих изделий видно, что последняя отличается от глин, употреблявшихся для коринфских ваз.

Вторая часть IV тома, составленная Oskar Broepp, содержит издание терракотовых светильников, найденных в Коринфе за все время с 1896 по 1928 г. включительно. Автор делит все светильники на 4 группы: греческую, эллинистическую, римскую и византийскую. По формам и декорровке материал распадается на 37 типов. Все эти типы воспроизведены на приложенных к тому таблицах.

Скульптуры, найденные в Коринфе в разных местах раскопок за годы с 1896 по 1923, опубликовал Franklin Johnson в IX томе.

Последовательно рассмотрены доклассическая скульптура, скульптура классического периода, портреты Юлиановской базилики, остальные портретные скульптуры и изображения животных, скульптуры портика — колоссы-фригийцы и прочие декоративные скульптуры, выполненные в круглом и высоком рельефе. В конце IX тома рассмотрены скульптуры IV в. и более поздние — средневековые.

Отметим некоторые наиболее интересные памятники, изданные в IX томе. К доклассическому периоду, по определению Johnson, относится женская статуэтка и микенская «маска» (т. IX, стр. 5, рис. 2). Классическому периоду принадлежит замечательная голова, найденная при раскопках театра и относящаяся к скульптурам школы Мирона. Тому же периоду (V—IV вв. до н. э.) принадлежит ряд обломков женской статуи (т. IX, стр. 13; рис. 6 и стр. 15, рис. 7). Из скульптур, найденных при раскопках театра, в IX томе изданы немногие обломки, опубликованные в ранее составленном тем же Johnson каталоге коринфских скульптур. Не вошли в издание и две серии рельефов, найденные при раскопках театра и изображающие гигантомахию и амазомахию.¹

Существенными дополнениями к изданию «Corinth» являются монографические публикации, в частности по скульптуре.

В журнале *Hesperia* (т. VII, № 4, 1938 г.) Edward Capps опубликовал статью под заглавием «Pergamene influence at Corinth». Автор анализирует образцы скульптуры, найденные в Коринфе и отражающие влияние стиля мастеров пергамской школы, хорошо представленного скульптурами Пергамского алтаря. К их числу относится уже изданный Johnson обломок ноги статуи, возможно изображавшей галла.² К пергамскому же стилю скульптуры, хотя и без уверенности, Capps относит и фриз с гигантомахией.³ Голова, найденная в Асклепиеоне в 1930 г., бородатая голова статуэтки и голова Сераписа, найденная в южном портике при раскопках 1936 и 1937 гг., также носят на себе известное влияние художественного стиля эллинистического Пергама. По особенностям стиля все эти скульптуры датируются II в. до н. э.

Из отдельных ранних находок скульптур особенно следует отметить сидящего архаического сфинкса, датированного началом VI в. до н. э.⁴ Одну из найденных в Коринфе статуй Mogaп предполагает возможным отнести к местным коринфским образцам.⁵

Интересны посвятельные таблички (пластинки из дерева, найденные

¹ Вследствие неудачного освещения скульптур воспроизведения их получились неудачными, с искажением оригинала. В этом отношении упомянутая публикация Capps много лучше.

² См. *Corinth*, т. IX, стр. 63, рис. 97, а также *Hesperia*, т. VIII, № 4, стр. 546, рис. 1.

³ Предварительное описание фриза см. *AJA*, т. XXX, 1926, стр. 456, а также *Art and Arch.*, т. XXIII, 1927, стр. 103 (издание дается по ссылкам, имеющимся в работе Capps). См. также *AJA*, т. XXVIII, 1934, стр. 188. Фрагменты фриза, найденные до 1909 г., опубликованы Е. М. Gardiner в *AJA*, т. XIII, 1909, стр. 304.

⁴ *AJA*, т. X, № 4, стр. 478, рис. 16 и 17, *Arch. Anz.*, 1936, т. 51, стр. 133—134, рис. 11, а также *ВДИ*, 1938, № 2—3, стр. 199, стр. 2.

⁵ *AJA*, 1937, т. XLI, стр. 542.

в окрестностях города около Питсы). На одной из них, хорошо сохранившейся, посвященной нимфам, изображена ритуальная сцена. Эти таблички являются наиболее древними из известных до сих пор.¹

Все открытые в Коринфе архитектурные сооружения построены из местного камня (известняка), залегающего на Истме, недалеко от Катопи. Античные каменоломни отмечаются в двух местах: к западу от храма Аполлона и к северу от д. Пентескуфии.²

На всех исследованных участках античного Коринфа обнаружено немало керамики, датируемой исследователями большей частью VII в. до н. э.— III в. н. э.; встречаются и более ранние экземпляры — позднемикенского и раннепротогеометрического периода. На отдельных участках города, где раскопки доведены до материка, попадались и находки раннеэлладского периода.

Чрезвычайно интересен по керамическим находкам колодец чернофигурного периода, обнаруженный в 1937 г. на территории агоры.³ В состав находок входит коринфская и аттическая керамика — как художественная, так и простая; встречено также несколько образцов халкидской керамики с резными линиями и с применением пурпура.⁴ Образцы найденной здесь чернолаковой керамики близки керамическим находкам на северном побережье Черного моря. Некоторые из сосудов имеют надписи; простые амфоры из колодца в Коринфе близки афинским и южнорусским. Более поздняя керамика в колодце представлена образцами местного изготовления.⁵

Вообще следует отметить, что за последнее время в деле изучения коринфской керамики мы имеем определенные успехи.⁶ Появилась работа Johansen «Les vases Sicyoniens», Copenhagen, 1929, и две книги Рауне: «Necrocorinthia», Oxford, 1931, и его же «Protokorinthische Vasenmalerei», Berlin, 1933.⁷

Рауне в работе «Necrocorinthia» делит всю протокоринфскую керамику на несколько групп; раннюю протокоринфскую группу и позднюю протокоринфскую, ориентализирующую; затем отмечает промежуточный или переходный ориентализирующий стиль в керамике Коринфа; останавливается на родстве протокоринфской и коринфской групп.

Отдельно рассматриваются ранний, средний и поздний коринфские ориентализирующие стили. Особая глава книги посвящена разбору изображений животных и мифологических существ на коринфских вазах. Известное место уделяет автор в своей работе изображениям людей в протокоринфском и коринфском стилях. Некоторые из этих изображений сопоставляются автором с изображениями на вотивных пластинках, найденных возле Акрокоринфа и на метопах храма в Этолии. К числу ваз с такими

¹ Хранятся в Берлинском музее. Вместе с этими табличками найдены терракотовые статуэтки и керамика.

² Местный строительный камень упоминается в дельфийских надписях в связи с постройкой храма в IV в. до н. э. См. Dittenberger. Sylloge, 3, 241, I, 21, а также BCH, XXII, 1898, стр. 30.

³ AJA, т. XII, 1937, стр. 547. Hesperia, т. VII, № 4, 1938.

⁴ Hesperia, т. VI, 1937, стр. 307 и 316.

⁵ AJA, т. XXXV, 1931, стр. 1 сл. Керамическая мастерская классического времени в Коринфе открыта С. А. Roebuck в 1939 г. См. Arch. Anz., 1940, т. I, вып. IV, стр. 205—206.

⁶ Из старых работ отметим Wilisch. Altkorinthische Tonindustrie, 1898, а также Biggows and Ure, опубл. в Ann. of Brit. School at Athens, т. XIV, 1907—1908, стр. 226—318. R. M. Burrows and P. N. Ure. Kothons and vases of allied types. JHS, 1911, стр. 72—99. P. N. Ure. Black glaze pottery from Rhitsona in Beotia, 1913. P. N. Ure. Excavations at Rhitsona in Beotia. JHS, 1910, стр. 336—356.

⁷ Второй работы Рауне — «Protokorinthische Vasenmalerei», написанной уже после открытия кварталов северного некрополя и Керамейка, в ленинградских библиотеках не оказалось.

сюжетами относятся миниатюрные чернофигурные коринфские вазы последней четверти VII в. до н. э. Далее разбираются стилистические группы среди коринфских vaz с красным фоном.

X глава книги посвящена растительным орнаментам — лотосу и пальметке; следующая глава — надписям на коринфских вазах.

Для определения места производства коринфской керамики автор считает особенно показательными последние находки; они с несомненностью свидетельствуют, что эта керамика изготовлялась в Греции и где-то вблизи Коринфа или даже в самом городе. Наибольшее количество коринфской керамики дал Истм (Лютраки, Перахора, Мертезе, Техея, Клеоны, Немея, Сикион и др.). Далее коринфская керамика найдена в Микенах, Бассах, Мегарах, Элевсине, Эгине (главным образом прокоринфская группа), в Беотии — в Фивах, Танагре и Ритсоне (позднепротокоринфская группа). Самые поздние группы коринфской керамики, как отмечает автор, представлены в Афинах, в святилище кабиров; коринфская керамика найдена также в Локрах, Фокиде, Евбее и на островах Малой Азии, а также в Северном Причерноморье на Березани в Ольвии, Пантикапее и др.¹ Наконец, протокоринфская группа, обычно фигурирующая в отчетах как коринфская, представлена в Сицилии и примыкающих островах.

Несколько глав книги посвящено металлическим изделиям Коринфа; XVI глава отведена скульптуре и последняя — XVII — архитектурным декоративным терракоттам. Труд Раупе имеет несомненно большое значение, однако он несколько односторонен. Дается анализ декоровки, прослеживается постепенное изменение форм коринфской керамики на протяжении существования отдельных групп. Но полностью отсутствует характеристика глины, чем автор совершенно пренебрегает.

В отмеченной выше статье S. Weinberg подвергнута детальному анализу одна из групп керамики, найденной в Коринфе, именуемая протокоринфской геометрической. Остановившись на наиболее ранних коринфских сосудах, найденных на агоре, автор рассматривает форму этих сосудов, глину и декоровку. Прослеживая эволюцию форм и декоровки этой керамики, автор отмечает, что к концу VIII в. до н. э. линейный стиль достигает своего полного развития.² Последующие изменения в декоровке коринфской художественной керамики сводятся к введению в украшение сосудов новых восточных элементов. Но, параллельно с проникновением новых мотивов (восточных и др.), автор отмечает и известную консервативность, наблюдаемую с конца VIII в. до конца VII в. до н. э. Возникает сочетание линейного геометрического стиля с новыми восточными элементами. В VI в. до н. э. в керамике Коринфа сохраняются пережитки геометрического стиля одновременно с развитием коринфского ориентализирующего стиля.³ Целый ряд признаков, свойственных коринфским керамическим изделиям, противопоставляется авторами иным, встречающимся на коринфской керамике из других мест и образующим вторую группу протокоринфской гео-

¹ Следует отметить, что Раупе перечисляет далеко не все пункты, где встречается коринфская керамика. При этом он ссылается на сведения, полученные им от Б. В. Фармаковского, о русских работах по коринфской керамике, не имеющих в Англии. Речь, повидимому, идет о работах И. В. Малева; из них главная — «Коринфские арибалы с растительным орнаментом из Ольвии» (ИАК, вып. 54, стр. 83, сл.). Небольшие статьи того же автора по керамике Коринфа особого внимания не заслуживают. Основные выводы автора о милетском происхождении данной группы коринфской керамики в настоящее время оспариваются. Приходится сожалеть, что большие коллекции коринфской керамики, хранящиеся в Эрмитаже, Одесском и Херсонском музеях (особенно коллекции Скадовского с о-ва Березани, 1900—1901 гг.), до сих пор не опубликованы, как и работа Т. Н. Книпович о коринфской керамике Ольвии, подготовленная к печати.

² См. АЖА, т. XXIV, стр. 94; АЖА, т. XXXIV, 1930, стр. 413, рис. 7.

³ АЖА, т. XXXVII, 1933, стр. 560, рис. 10 и 12.

метрической керамики, развивающуюся параллельно с первой. Вероятным местом изготовления второй группы автор считает Эгину, через которую, по его мнению, шло в Коринф и восточное влияние.

Большое количество античных монет, найденных в Коринфе, относится к эллинистическому и к классическому периодам. Найдены также и римские императорские монеты, датируемые первыми веками н. э. В монетных находках Коринфа представлено очень много античных центров. Были периоды в жизни города, когда он выпускал собственную монету, а в период от Домициана до Геты монеты носят имя императора. Серебряных монет греческого периода найдено в Коринфе сравнительно мало, и датируются они временем от VI в. до н. э. и до второй половины IV в. до н. э. Медные монеты греческого периода более многочисленны. Они имели большое распространение и, вероятно, чеканились и после разрушения города римлянами. Встречаются и византийские монеты всех периодов. Изучение всех монетных находок Коринфа еще далеко не завершено. Окончательная классификация их возможна лишь после опубликования полных результатов раскопок.¹

Имеющиеся отчетные данные о раскопках в Коринфе свидетельствуют, что раскопки американской школы в Афинах были сосредоточены на определенных объектах с целью отождествления их с памятниками, упоминаемыми древними авторами. Иных, более широких, задач эти раскопки не ставили. От спорадических раскопок исследователи перешли к систематическому изучению памятников Коринфа при хорошо налаженной раскопочной технике, что надо считать заслугой американской школы в Афинах. Но, наряду с раскопками большими площадями, до сих пор применялся и траншейный метод раскопок. Наблюдалась известная диспропорция в количестве рабочих на раскопках и научного персонала, что отразилось и на фиксации находок; на 18—50 рабочих при работе на двух-трех участках обычно приходилось 1—2 наблюдателя из научного персонала, не считая архитектора и фотографа. В работах участвовали и практиканты — помощники производителей работ, которым нередко поручалось и наблюдение за работами. Как правило, во всех отчетах отмечаются лишь находки, имеющие художественную ценность.

Хотя исследование античного Коринфа еще далеко не закончено, все же отдельные вопросы его истории вполне могут быть поставлены на основании имеющегося материала. Изучение керамики Коринфа за последние годы сильно продвинулось вперед, но это далеко не исчерпывает всех задач, стоящих перед исследователями Коринфа.

М. В. СУЗИН

*БРОНЗОВЫЙ БАРЕЛЬЕФ XIII—XIV вв.

В 1927 г. в г. Старице (Калининской обл.) вместе с медными тельными крестиками и другими древнерусскими вещами был приобретен бронзовый наугольник с изображением князя на троне (рис. 63), представляющий большой интерес. Наугольник мог служить украшением переплета книги, вероятно светского содержания, ларца или шкатулки.

Размеры бронзового литого наугольника: высота — 5.25 см, ширина по основанию — 30.0 см, толщина — 0.2 см. С лицевой стороны имеет рельефное изображение князя в профиль, в высокой шапке с полями, из-под которой видны длинные волосы; фигура пред-

[Рис. 63. Бронзовый барельеф XIII—XIV вв. с изображением князя

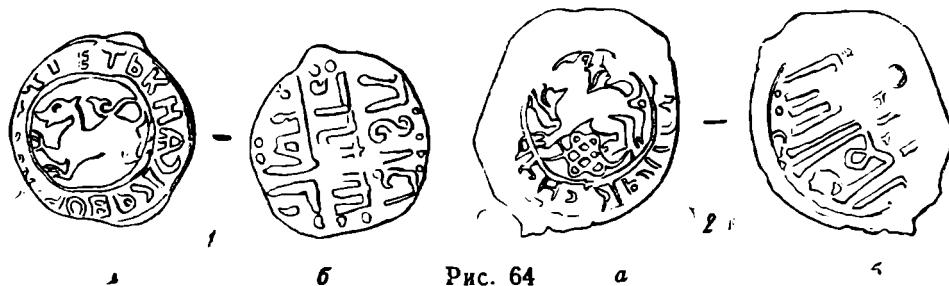
ставлена в длинном одеянии, поверх которого на спину князя накинута плащ, скрепленный на правом плече застежкой (фибулой). На ногах князя короткие сапоги. Князь сидит на высоком двуступенчатом троне (стуле), украшенном двумя квадратами точечных орнаментов и двумя сходящимися углами зигзагообразными линиями. В квадратах, большом и малом, помещены изображения двух фантастических животных в геральдической позе, идущих влево с разинутыми пастями и приподнятыми правыми лапами. У большего животного хвост, пропущенный под задней ногой, выступает над его спиной в утолщенном виде с небольшим загибом влево. Правой рукой князь опирается на полуовальную ручку трона, а в левой держит посох, оканчивающийся горизонтальной ручкой. На ручке трона (локотнике), среди точечного орнамента, изображен крест, основанием своим касающийся горизонтальной черты, под которой изображен несколько удлинненный с боков четырехугольник. Обратная сторона — гладкая, с пятью гвоздями для прикрепления. Вся композиция изображения указывает на его древность и подлин-

ность: фактура лица князя близка пластике рельефов димитриевского собора (имею в виду княжеские фигуры его северного фасада). Длинные волосы, а также высокая княжеская шапка с меховой опушкой и мягкой тульей напоминают изображения князя в Изборнике Святослава. Корзно

(плащ), застегнутый фибулой, известен по древней иконописи. Животные (львы) явно носят характер владимирско-суздальской пластики.

Прототипы их дают монеты суздальских князей конца XIV в., а именно: монета вел. кн. суздальского Василия Дмитриевича Кирдяпы (1366—1387 гг.) (рис. 64,1) и монета князя Бориса Константиновича в бытность его удельным князем Городецким (? — до 1383 г.)

1— Монета вел. кн. суздальского Василия Дмитриевича Кирдяпы; 2— Монета городецкого удельного князя Бориса Константиновича

(а—лицевая сторона, б—оборотная сторона)

(рис. 64, 2). Знак на локотнике (ручке трона) ( ) имеет некоторое сходство с лилией на рельефах дмитриевского собора. Возможно, что этот знак служил знаком собственности князя.

Исходя из сказанного, надо полагать, что публикуемый наугольник мог быть изготовлен в конце XIII или начале XIV вв.

IV. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИСКУССТВЕННОЙ ДЕФОРМАЦИИ НА ГОЛОВНОЙ
УКАЗАТЕЛЬ

(По поводу статьи Е. В. Жирова «Разновидности брахикефалии», Кр. сообщ. ИИМК, в. X, 1941)

Недавно скончавшийся Е. В. Жиров вполне своевременно привлек внимание к паратипическим факторам, влияющим на форму черепа. Он бесспорно прав в том отношении, что во многих современных антропологических работах, в том числе и в моих, вопрос о роли деформации часто даже не ставится. Между тем, именно русская антропология может справедливо гордиться рядом исследований по этому вопросу. В частности, вопрос о влиянии способов ухода за ребенком подробно освещен в соответствующих разделах прекрасной монографии Покровского.

Однако вопрос о степени влияния различных типов деформации и о величине необходимых поправок нуждается в тщательной разработке. Е. В. Жиров принимает предложенный Шапиро способ корригирования продольного диаметра по длине основания черепа. Эмпирически установлено (на ряде американских серий), что деформация не отражается на величине длины основания черепа. Поэтому, принимая во внимание высокую степень корреляции продольного и носо-основного диаметров, можно довольно точно установить величину первого, если известен второй и если известно соотношение обоих диаметров на недеформированных черепах той же популяции. Но Шапиро идет дальше, и Е. В. Жиров полностью солидаризуется с этой частью его работы. На 75 разных сериях он устанавливает, что межгрупповая средняя продольного диаметра равна для мужских черепов 181.85 мм, носо-основного 101.06 мм, а межгрупповой коэффициент регрессии 1.49.¹ На этом основании Шапиро считает возможным определить истинную длину черепа и в тех случаях, когда данные о недеформированных черепах отсутствуют. Вычисление производится по

формуле: продольный диаметр = $181.85 + 1.49 (NB - 101.06)$, где NB — носо-основной диаметр исследуемой серии.

Е. В. Жиров пользуется этой формулой для определения степени укорочения продольного диаметра под влиянием затылочной деформации. В результате многие серии оказываются значительно менее брахикефальными.

Предложенный Шапиро способ корригирования поперечного диаметра принимается Е. В. Жировым с рядом оговорок. Способ этот исходит из межгруппового отношения поперечного диаметра и черепного модуля, выраженного в процентах корригированного продольного диаметра. Способ основан на признании постоянства соотношений основных диаметров, в результате чего получена формула:

Попер. диаметр = $139.87 + 0.99 (SMJ - 83.74)$, где SMJ — индекс черепного модуля, т. е.

$$\frac{(\text{прод. диаметр} + \text{попер. диаметр} + \text{выс. диаметр}) : 3}{\text{прод. диаметр (корригированный)}}$$

Применение этой формулы приводит к столь нелепым результатам, что Е. В. Жиров вынужден ограничить пределы ее применения, не указывая, однако, никаких объективных критериев для установления этих границ.

Но метод корригирования продольного диаметра тоже далеко не гарантирует от сюрпризов. В первых четырех графах прилагаемой таблицы приведены средние размеры некоторых долихо- и мезокефальных европейских серий. Корригирование их методом Шапиро приводит к выводу, что северо-европейские долихо-мезокефалы имеют значительно *меньшие* «истинные» величины продольного диаметра, чем это наблюдается в действительности. Приходится допустить, что мы имеем здесь дело с каким-то иным видом деформации, результатом которой было

¹ Т. е., что с увеличением носо-основного диаметра на 1 мм продольный увеличивается на 1.49 мм.

увеличение длины черепа. Такой результат дает так называемая кольцевая деформация, но даже заведомые случаи ее приводят, по Е. В. Жирову, к увеличению продольного диаметра на 3 мм (индейцы квакиутль и нутка), в то время как в Северной Европе наблюдаемая величина превосходит вычисленную на 5—9 мм. О результатах корригирования поперечного диаметра нечего и говорить, долихокефальные черепа бадарийской культуры додинастического Египта оказываются, если верить методу Шапиро, значительно сужены при ничтожных изменениях продольного диаметра, а брахикефальные черепа тирольтцев, наоборот, расширенными.

По Жирову, искусственная деформация сыграла некоторую роль в брахикефализации населения Европы за последнее тысячелетие. Но применение метода Шапиро к материалам швейцарского антрополога Хуга приводит к страшным результатам: брахикефальные южные немцы оказываются таковыми не за счет продольного, а за счет поперечного диаметра, а германцы V—VIII вв. долихокефальны по причине «искусственного» увеличения длинника почти на 7 мм.

Количество подобных примеров можно легко увеличить. Однако и приведенных фактов достаточно, чтобы убедиться в том, что методом Шапиро можно пользоваться только с большой осторожностью. Отношение продольного и носо-основного диаметров само является расовым и филогенетическим признаком.

между продольным и поперечным диаметром у таджиков Каратегина и Дарваза. Искусственное уплощение затылка приводит к уменьшению величины корреляции между обоими диаметрами, а в редких случаях корреляция даже становится отрицательной. Это понятно, если учесть, что деформация приводит к уменьшению продольного диаметра на 3—5 мм и увеличению поперечного, примерно, на такую же величину. Е. В. Жиров указывает, что укорочение длинника лишь отчасти сопровождается компенсаторным увеличением поперечника. Это заключение противоречит наблюдениям В. В. Гинзбурга. Е. В. Жиров работал на черепном, В. В. Гинзбург — на живом материале. В первом случае наблюдения точнее, но число их несравненно меньше. Вопрос, очевидно, требует дополнительного исследования. Если затылочная деформация приводит лишь к укорочению продольного диаметра, не сопровождаясь компенсаторным увеличением поперечного, то коэффициент корреляции между обоими диаметрами может и не измениться, если укорочение происходит у черепов разной длины.

Кроме того, В. В. Гинзбург приводит данные о корреляции между длиной тела и головным указателем. Давно замечено, что высокорослые люди в каждой популяции несколько более долихокефальны, чем низкорослые, что объясняется большей корреляцией длины тела с продольным диаметром, чем с поперечным. В литературе имеются следующие цифры:

	Русские (Бунак)	Украинцы (Чистяков)
Длина тела — продольный диаметр	$.26 \pm .04$	$.29 \pm .04$
» — поперечный »	$.17 \pm .04$	$.20 \sim .04$

У современных человеческих рас длина основания по отношению к наибольшей длине черепа значительно меньше, чем у неандертальца. Повидимому, здесь сказывается характерный для процесса эволюции черепа человека перегиб основания, в результате чего происходит передвижение большого затылочного отверстия вперед и уменьшение носо-основного диаметра.

Уменьшение надбровных дуг, толщины костей и мускульного рельефа несомненно сказывается на величине продольного диаметра, но вряд ли отражается на длине основания черепа. Между тем, брахикефальные типы Средней Азии, высокий головной указатель которых целиком объясняется Е. В. Жировым за счет деформации, как раз характеризуются тонкостью костей черепа.¹

Несомненно, что затылочная деформация широко распространена в Передней Азии. В монографии В. В. Гинзбурга приводятся интересные данные о характере корреляции

В. В. Гинзбург нашел, что при отсутствии деформации затылка длина тела таджиков связана с головным указателем обычной отрицательной корреляцией, но при деформированном затылке связь исчезает (и даже становится положительной, но с очень малой абсолютной величиной).

Это доказывает, что деформация сильнее действует на долихокефальные головы, чем на брахикефальные, так как в противном случае корреляция головного указателя с длиной тела у субъектов с деформированным затылком должна была бы увеличиться.

Таким образом мерилом деформации должна являться внутрigrupповая корреляция горизонтальных диаметров головы друг с другом и с длиной тела, а вовсе не предлагаемое Шапиро и принятое Е. В. Жировым общечеловеческое отношение между диаметрами. Подходя с этим критерием к оценке головного указателя среднеазиатских и кавказских брахикефалов, мы должны признать, что затылочная деформация, несомненно, привела к увеличению головного указателя на 2—4 единицы, но что, и помимо деформации, группы эти все же характеризуются

¹ С. Г. Борж и м. Результаты исследования височных костей узбеков. Антроп. журн., 1934, № 1—2.

	Число наблюдений	Черепной указ. в. 1	Продольный диам. 1	Поперечный диам. 8	Высотный диам. 17	Носо-основной диам. 5	«Корректируемые» величины		
							продольн. диам.	поперечн. диам.	черепной указ.
Западные шотландцы (Young)	516	74.0	188.2	139.2	132.9	100.8	181.5	140.7	77.5
Норвежцы (Schreina) .	519	75.3	187.4	140.8	132.1	101.7	182.8	140.1	76.7
Лондонцы XVIII в. (Нос- ке)	118	75.4	188.8	142.2	129.7	100.1	180.5	141.3	77.7
Бодари (Mornt)	76	72.1	182.5	131.6	134.1	100.3	180.7	139.9	76.8
Тирольцы (Hoil) .	131	84.0	180.1	151.2	132.6	100.6	181.2	141.6	78.1
Др. герм. V—VIII вв. (Hug)	109	75.2	189.0	141.3	134.4	101.4	182.4	141.1	77.4
Немцы южн. Германии и Швейцарии (Hug) .	221	83.8	178.4	149.3	133.2	99.0	178.8	141.1	79.0

довольно высокими величинами головного указателя. Отметим, что у грузин, например, сохранилась отрицательная связь головного указателя с длиной тела, а корреляция горизонтальных диаметров продолжает оставаться положительной, хотя и с небольшой абсолютной величиной.

Г. Ф. Дебец

В. Д. Блаватский. «Греческая скульптура». Гос. изд-во «Искусство», М.—Л. 1939 (Главным управлением учебных заведений Комитета по делам искусств при СНК СССР допущена в качестве учебного пособия к курсу истории античного искусства для учащихся художественных заведений).

Книга Блаватского, несомненно, ответила громадной, давно назревшей потребности и учащихся высших учебных заведений, и учителей средней школы, и молодых научных работников. С 1922 г., года издания «Античной культуры» О. Ф. Вальдгауера, не появляясь на русском языке книги, посвященной эволюции греческой скульптуры. «Греческая скульптура» хорошо и обильно иллюстрирована, со вкусом оформлена. И по содержанию, и по форме изложения эта книга — положительное явление в нашей научно-популярной литературе. Нет ни излишнего теоретизирования, ни увлечения необоснованными гипотезами, ни субъективных атрибуций, которые, к сожалению, часты в изложениях истории греческой пластики. Автор старается стоять на твердой почве фактов и памятников и включать в характеристику эпохи и отдельных художников то, что добыто действительными исследованиями. Если это и не всегда удается автору, то, во всяком случае, эта тенденция проходит красной нитью через всю книгу. Таковы положительные черты книги.

Книга Блаватского разделена на следующие главы: I — Доархаическая и архаическая скульптура; II — Скульптура V в. до н. э.; III — Скульптура IV в. до н. э.; IV — Скульптура эллинизма и римской эпохи.

Блаватский дает ясную и легко воспринимаемую неподготовленным читателем кар-

тину развития пластики эпохи архаики, но сложного и многогранного облика архаической пластики расчлененного — и локально, и эволюционно-хронологически, — Блаватский не отражает. Проставить это ему в упрек трудно, так как это могло быть им сделано намеренно. Упрощенное изложение должно было выиграть в ясности и доступности. В этом отношении у Блаватского есть предшественники. Picard¹ тоже сильно упрощает картину развития архаической пластики. Однако это едва ли правильно, тем более, что есть лакуны в изложении Блаватского, которые трудно оправдать краткостью изложения. В частности, надо было познакомить читателя с мраморной статуей богини первой половины VI в., приобретенной Берлинским музеем в 1926 г. Эта статуя — слишком большой этап в развитии скульптуры, чтобы о нем умолчать. Материал, которым обладает современная наука, настолько велик и многогранен, что необходим, конечно, строгий отбор, и без определенного членения эпохи и материала архаики теперь обойтись нельзя. Далее, приведение одной из разновидностей архаических кор дало бы больше, чем приведение этрусского антефикса Музея изобразительных искусств в Москве; этот памятник, при всем своем интересе, показателен для другой области Средиземноморья и требует особого издания. И если уж прибегать к этрусскому материалу (в чем необходимости нет никакой), то надо было привести те действительно поразительные находки, которые сделаны в Этрурии и очень обогатили наше знание архаической пластики — не чисто греческой, т. е. привести описание статуи Аполлона из Вей. Думаю, что в данном случае не следовало усложнять картины и вовсе можно было не приводить материала Этрурии. Жаль, что не приведено описания ни одной бронзовой архаической статуэтки коры. Некоторые из

¹ Picard, Manuel d'archeologie grecque. La sculpture, т. I. La période archaïque. Paris, 1935.

них отличаются и прекрасной сохранностью. и редкой законченностью образа и отделки, например, бронзовая статуэтка коры Британского музея. Это дало бы читателю цельный образ, нефрагментарный, что и для учащихся, и для молодых научных работников имеет большое значение.

Очерки скульптуры V и IV вв. до н. э. в общем удались Блаватскому лучше, чем отделы скульптуры архаики и эллинизма. Но, к сожалению, в самом начале главы о скульптуре V в. Блаватский излагает, без каких-либо оговорок, как установленный факт — наиболее спорное положение, в сущности неприемлемое после опубликованных результатов новейших исследований (с 1927 г.). Я говорю о датировке памятника Нерейд в Ксанфе второй четвертью V в. до н. э. Я не имею возможности в краткой рецензии вести научную дискуссию и обосновывать противоположный взгляд, согласно которому памятник Нерейд следует отнести к 20-м годам V в. Приведу только краткую справку истории этого вопроса в науке. Памятник Нерейд издавна и до наших дней рядом крупных исследователей датировался последней четвертью V в.¹ Отправной точкой являлось то, что памятник Нерейд как архитектурный памятник стоит на уровне Эрехтейона. Вопрос заключался, следовательно, в том, является ли памятник Нерейд ионическим прототипом ряда форм в Аттике — и архитектурных, и скульптурных, или отдельные архаизмы скульптур фронтонов, фризов и круглой скульптуры в интерколумниях памятника Нерейд являются показателями отставания ионической провинции во второй половине V в. по отношению к столичному уровню скульптур Аттики того же времени. Ввиду отсутствия издания всех скульптур памятника Нерейд, столь богатого скульптурами, они долго не подвергались настоящему исследованию. Булле в своей популярной и в общем очень хорошей книге «Der schöne Mensch im Altertum» датировал статуи Нерейд, отдельно взятые, временем до середины V в. Книга Булле, снабженная хорошим атласом, получила широкое распространение, а тем самым получила широкое распространение и его датировка статуи Нерейд, никак не доказанная. В 1914 г. Schröder (в JDI, 1914, стр. 154) датировал тем же временем, т. е. второй четвертью V в., фризы памятника Нерейд, сблизив рельефы фризов с вазами стиля Полигнота. Возражений в научной литературе было много. В России к датировке Schröder примкнул О. Ф. Вальдгауер в своей книге «Пифагор Регийский» (1916 г.),

никак и ничем эту датировку не подкрепив. В 1927 г. произошел определенный сдвиг в этом вопросе. W. Schuchardt опубликовал результаты своих работ над фрагментами четырех фризов памятника Нерейд, хранящихся в залах и кладовых Британского музея, присоединив к своим выводам ряд соображений о круглой скульптуре памятника.¹ Его анализ привел к подтверждению датировки Фуртвенглера, Бушора, Пфуля, т. е. к датировке памятника 20-ми годами V в. Не считаться с выводами Шухардта немислимо, в противном случае их надо опровергнуть, чего не делали ни Булле, ни Шредер, ни Вальдгауер. Законно спросить: на каком же основании Блаватский в 1939 г., в популярном очерке, который предназначен для студенчества и молодых научных работников, возрождает явно устаревшую точку зрения по вопросу, с которым стоит в связи громадная проблема взаимоотношения аттических и ионических памятников всего V в.

Второй вопрос, который возникает при чтении изложения истории скульптуры первой половины V в.: почему Блаватский так мало оперирует понятием и термином «строгий стиль»? Термин этот вполне адекватен влагаемому в него содержанию, и начинающим научным работникам необходимо привыкнуть к употреблению его при чтении научной литературы по истории греческого искусства. Это особенно поражает при описании статуй стоящих мужских нагих фигур и женских, одетых в пеллосы, а также скульптур фронтонов храма Зевса в Олимпии (стр. 62—72). Кроме оговорки на стр. 57 о том, что целый ряд скульптур второй четверти V в. имеет строгие очертания и нередко именуется произведениями строгого стиля, это содержательное понятие и удачный термин не употреблены на протяжении 250 страниц. Применение его сократило бы много описаний.

Жаль, что не приведена Блаватским ни одна из бронзовых статуэток (одетых в пеллос женщин), служащих подставками греческих зеркал и столь характерных для строгого стиля. Будучи безусловно греческими оригиналами, они лучше передают стиль эпохи, чем приводимые Блаватским статуэтки из Геркуланума, которые являются хорошими, но все же античными копиями. Не всегда убедительным является повторное употребление выражения «экспериментаторство», применяемое Блаватским для обозначения характерных черт работ скульпторов первой половины и середины V в. Например, «одной из самых заостренных точек экспериментаторства» названо творчество Мирона (стр. 73). В первую голову это относится к статуе Дискобола. Почему? Ведь статуя Дискобола есть определенное достижение Мирона, достижение в области статуарной пластики, передача того, что

¹ Furtwaegler, AZ, N 40, 1882, стр. 358 сл. Buschor Furtw.-Reichhold, Griech. Vasenmalerei, т. III, текст, стр. 148. Pfuhl MuZ, т. II, стр. 617 и § 800, стр. 734. Pfuhl, JDI, 41, стр. 126 сл. Beasley a. Robertson в SAN, V. 1927, Ch. XV, стр. 442, 459.

¹ W. Schuchardt в A. M., LI, 1927, стр. 94—161.

было в смысле мотива *mutatis mutandis*, и уже знакомо было в рельефе начала эпохи строгого стиля (метопа сокровищницы афинян в Дельфах). Это не экспериментаторство.

В конце главы о скульптуре V в. до н. э. удивляет датировка колонны аканфа в Дельфах, увенчанной тремя танцующими девушками в калатисках, временем около 400 г. (стр. 113). Правда, эта мысль уже высказывалась и Springer-Michaelis,¹ и Romtow,² но ведь она отпала — и по чисто стилистическим соображениям, и по соображениям истории греческой одежды. Высокая опояска хитона девушек, стилизация лиц и ряд других черт делают невозможной датировку колонны раньше времени, непосредственно предшествующего середине IV в. Отсылаю интересующихся к статье Pfuhl, где приведены наиболее существенные возражения.

Глава о скульптуре IV в. до н. э. написана наиболее удачно. Жаль все-таки, что автор совсем не принял во внимание скульптурные находки из итальянских раскопок 30-х годов на о-ве Родосе и Косе. Одним из наиболее ярких показателей классической трагедии в первой половине IV в. является именно статуя Гипократа, найденная в 1932 г. на Косе.³ Те же итальянские раскопки дали серию мраморных статуэток (вотивных и надгробных) IV в., показательных во многих отношениях. Даже краткое слово о них оживило бы главу и пополнило бы картину скульптуры IV в.

Серьезнее сказалось игнорирование греческих оригиналов, найденных на островах и в раскопках греческих городов Малой Азии. В последней главе книги, посвященной скульптуре эллинизма и римской эпохи. Указанный материал дал не только новые образы эллинизма в оригиналах, но и служит критерием для определения происхождения ранее известных оригиналов. Так, например, возможность отнесения Самофракийской Ники к родосской школе (стр. 158) отпадает. Вообще надо резко подчеркнуть, что в области статуарной скульптуры эллинизма Блаватский слишком основывается на римских копиях. Введение в научный оборот реплики Афродиты Медичи из собрания Хвошинского (теперь в Музее изобразительных искусств в Москве), конечно, ценно. Но то, что никак не привлечены такие замечательные оригиналы, как статуя девушки из Андио в Музее терм в Риме, которая дает столь яркое представление об определенной струе статуарной пластики раннего эллинизма в Малой Азии, едва ли простительно. Так же необъяснимо отсутствие описания тех немногих оригиналов

мраморной скульптуры, которые найдены в Приене и в Магнезии на Меандре. Я говорю, конечно, только о приведении описания единичных вещей, имея в виду очень строгий отбор, но думаю, что это дало бы больше, чем рассказ о скульптуре римской эпохи на 9 страницах. Надеюсь, что отмеченные выше упущения Блаватским будут исправлены во 2-м издании его книги.

Далее необходимо отметить досадную оговорку, которая может ввести в заблуждение учащуюся молодежь. На стр. 176 сказано: «Наружная сторона цоколя Пергамского алтаря была украшена грандиозным рельефным фризом». Ведь это совсем не так. Фриз Пергамского алтаря украшает отнюдь не цоколь и не его составную часть. В членении внешних сторон Пергамского алтаря выдержан в больших масштабах тот принцип, который является упрощенным дериватом стены, разделенной по принципу структурной системы в домах Делоса II в., а именно: на высокий цоколь, среднюю наиболее широкую часть (которая может быть занята фигурными изображениями — живописными или рельефными, либо может быть тектонически разделена) и третью часть, которая на стенах домов Приены, Делоса, Пергама часто имеет элементы архитектурной перспективы и проемы в стене. Эти три части выдержаны на внешних сторонах Пергамского алтаря: над ступенями высится цоколь, далее следует средняя очень широкая часть, украшенная фризом, над ней находится верхняя часть, которая дает реальную колоннаду и реальное пространство. Я вовсе не говорю, что автор «Греческой скульптуры» должен все это объяснить, но нельзя называть цоколем то, что не является им ни с какой точки зрения.

Еще одно: Блаватский очень любит выражения: «винтообразное движение» и «винтообразный поворот». Усмотреть «винтообразное движение» в статуе Идолино (стр. 110) невозможно. Нет никакого «винтообразного поворота» и в статуе Афродиты Мэлосской (рис. 165). «Винтообразный изгиб тела» Самофракийской Ники (стр. 160) — это единственное, что могу признать.

Будем надеяться, что 2-е издание «Греческой скульптуры» выйдет в свет без тех недочетов, которые, к сожалению, есть в этой несомненно хорошей, доброкачественной книге.

Е. В. Ернштедт

В. А. Гордлевский. *Государство сельджукидов Малой Азии*. Ленинград, 1941, 198 стр., in 8°.

Книга В. А. Гордлевского, напечатанная в Ленинграде в начале Великой Отечественной войны (в конце 1941 г.), состоит из предисловия, шестнадцати глав и заключения. В приложении даны: хронологическая таблица сельджукидов Рума, указатели исторических имен, терминов, предметный список таблиц (I—IV) на вкладных листах

¹ Springer-Michaelis. Handbuch d. Kunstgeschichte, I, 1911, стр. 285.

² Romtow. JDI, 1920.

³ Pfuhl, JDI, 1935.

⁴ Clara Rhodos. Rhodos. 1932, т. V, 2, табл. I—III.

и рисунков (на обложке, титульных листах, заставках и концовках) и оглавление.

Обширная эрудиция, прекрасное знакомство с литературой предмета и ряд предшествующих печатных работ самого автора послужили надежной базой для исследования одного из периодов жизни страны, хорошо ему известной по личным наблюдениям. Цель настоящего исследования — «установить место сельджукидов в истории «мусульманского Востока».

Введение посвящено обстоятельному обзору источников и пособий по истории сельджукидов. Наряду с хроникой Ибн Биби на персидском языке (1282—1285 гг.) и ее турецкой обработкой XV в. Языджи-Оглу Али, выступают мемуарист Афяки (XIV в.) и историк Аксарай, писавшие по-персидски, арабский историк XIII в. Ибн-ал-Асир и путешественник XIV в. Ибн Баттута, а также историки христианские: армянин Матфей Эдесский, Михаил Сириец (XII в.), грузинские летописцы. Привлекаются монографии о некоторых малоазийских городах, издания монументальных надписей, нумизматические данные и топонимика, публикации еще мало известных в науке архивных документов в обработке турецких и европейских ученых. Учены и работы современных турецких историков, лингвистов и краеведов, а также материалы и источники, ранее не привлекавшиеся к исследованию, как-то: ряд рукописей и собраний документов.

В главах книги, большей частью очень сжатых (объем их колеблется от 5 до 19 страниц), нашли последовательное отражение все стороны социального строя и вопросы экономики при сельджукидах. Несмотря на краткость, автором живо схвачена реальная, конкретная обстановка у огузских племен в Малой Азии с XI в., почву для которых подготавливали другие турецкие племена, появившиеся здесь еще с VIII—IX вв. Экспансии огузов, образованию сельджукидского государства и его распаду посвящены главы I—II. Ранняя организация огузских племен раскрывается посредством исследования уклада кочевников Малой Азии в XVI—XVIII вв. (глава IV). Разложение родового строя и характер феодальных отношений освещены в главах V—VII.

В работе В. А. Гордлевского характеризуются различные слои оседлого населения при сельджукидах: невольники, батраки и крестьяне, ремесленники, воины, купцы, феодалы, ученые и служители культа. Наравне с социально-экономической историей, освещена тесно связанная с ней история культуры, с широким привлечением данных нумизматики, эпиграфики и памятников искусства. Клубок запутанных отношений между государством сельджукидов, определенными христианскими владениями и мусульманскими постепенно выясняется. Большое внимание уделено также положению христианского населения и мусульман, связям со Средней Азией, Ираном, Сирией, и Европой.

По мысли автора, эта работа должна, насколько позволяли технические возможности, дать представление об архитектуре, орнаменте и художественном ремесле при сельджукидах. С этой целью к книге приложены четыре таблицы, изображающие по одному образцу светского и культового строительства, скульптуры, по камню и дереву; а все прочие мотивы воспроизводят точно датированный керамический, текстильный и скульптурный орнамент.

Содержание глав тщательно подобрано. При многогранности исследования В. А. Гордлевского материалы, имеющие отношение к определенной главе, вкраплены, кроме того, и в другие разделы; таким образом объем некоторых небольших глав восполняется весьма значительно. Этот прием конденсирования материала не избегая его привлечения в других случаях, нисколько не вредит, а наоборот, разнообразит изложение, а самый материал, выигрывает от трактовки его под разными углами зрения.

Книга В. А. Гордлевского увлечет и историков Запада, особенно медиэвистов, византинистов, и историков Востока; она так же важна для исследователей восточных литератур и лингвистов, как и для этнографов; искусствоведы и культуроведы также найдут богатый материал в описаниях структуры феодального города, его укреплений и жилищ. Выясняются ценные подробности некоторых обрядов, картины торжественных пиров, приемов; даются колоритные сведения о вооружении, оборонной тактике и костюмах от низших до высших слоев сельджукидского общества. Эти детали отнюдь не представляют собой сухого списка. Здесь всевед найдет много ценных подробностей относительно назначения регалий, знаков отличия или украшений. Тут нет описания самих объектов, но выпукло обрисовывается их функциональное значение, например, в каких случаях использовался именной перстень султана, чем награждались победители на спортивных играх или лучшие охотники. О разнообразных видах вооружения местной работы и привозного говорится в главе XIV (войско); в главе VI, стр. 89; в главе IX, стр. 112, и др.

Столь же существенны данные о составе ремесленников, частью из местных греков и армян, но также турок, иранцев и других иноземцев. Хотя не все виды ремесла затронуты в равной мере, организация цехов, и их борьба с конкуренцией освещены достаточно полно. Глава X трактует специально о торговле, но круг потребления имущим населением и высшими кругами местных и импортных товаров раскрывается также в связи с вопросами о налогах и военной добыче (глава XV, стр. 164; глава XVI, стр. 171).

В главе XII В. А. Гордлевский вполне обоснованно дает высокую оценку искусству сельджукидов. Он обсуждает вопрос о его происхождении, главных его направлениях, лишь намечая самобытные черты, которые

он усматривает в тяготении к фигурным изображениям и к синему тону. Он подчеркивает единство культурных нитей, далеко протянутых между Хорезмом, Закавказьем и Малой Азией. Одним из аспектов сельджукидской культуры, на котором эти связи отобразились, является титулатура. На стр. 82 автор отмечает заимствование с Востока (от армян), и в другом случае, цитируя некоторые титулы, встретившиеся на монументальных надписях сельджукидов, он отсылает читателя главным образом к трудам Макса фон Бершама (стр. 34, примечание 1). Однако здесь, а также на стр. 130, по поводу наименования строителя «презренным рабом», было бы желательно оговорить подробнее, в каких странах Востока подобные эпитеты и титулы были в ходу.

Широкий размах строительства при Аладдине Кей-Кубаде I не пройдет не замеченным. Как указывает автор, личность этого правителя у Языджи-Оглу Али идеализирована; тем не менее, именно в его время особенно чувствовалось влияние Сирии, тогда как позднее доминировало влияние Ирана, отразившееся на всех сторонах сельджукидского строя и быта. Было бы полезно выяснить подробнее значение сирийского искусства этого периода для создания сельджукидского стиля.

В труде В. А. Гордлевского хорошо чувствуется среда, в которой создавались па-

мятники искусства и которой они служили. Читатель узнает много нового об условиях строительства, стоимости работ, контингенте рабочих, но он, к сожалению, почти не найдет характеристики самих памятников, определения их стилистических особенностей; для этого ему придется обратиться к цитируемой автором литературе. Из отдельных упоминаний выясняется, как разнообразны и многочисленны были памятники архитектуры. «Памятники феодалов были всюду», — пишет он и грезит о карте монументальных построек, которую можно создать по указаниям в источниках, данным топономики и следам построек (см. главу III и стр. 17, 77).

Небольшой компенсацией для интересующихся этой стороной культурного прошлого сельджукидов могут служить четыре таблицы и все графическое оформление книги.

Насыщенная ценнейшим и весьма разнообразным материалом работа В. А. Гордлевского, в которой каждая строка и каждое слово продумано и взвешено, читается с увлечением, но ее следует тщательно изучать. Несомненно, вскоре понадобится второе издание этого чрезвычайно важного и полезного многим исследования. Будем надеяться, что автор даст его в расширенном объеме с дополнением в виде карты Малой Азии и более подробными указателями.

В. А. Крачковская

V. ХРОНИКА

С. А. ТАРАКАНОВА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА в 1944 г.

Военный 1944 год поставил перед Институтом истории материальной культуры АН СССР ответственные и сложные задачи.

В 1944 г. институт работал в составе Московской и Ленинградской частей; последняя образована в сентябре 1944 г. в составе: Ленинградской, Ташкентской и Елабужской групп. Кроме того, отдельные сотрудники института находились в Иванове, Чистополе, Якутске, Саратове и других городах. От дирекции института потребовалась большая организационная работа. В 1944 г., впервые за время войны, институт работал по общему плану, объединившему все сектора и группы института. В некоторой степени удалось разрешить задачу пополнения научных кадров.

Немецко-фашистские захватчики, напавшие на нашу страну, безжалостно разрушали памятники культуры народов СССР. Президиум АН СССР включил в общеакадемический план 1944 г. работу по обследованию состояния археологических памятников в освобожденных районах, начатую московским коллективом института по заданиям Государственной чрезвычайной комиссии еще в 1942 г. В 1944 г. эта работа развернулась особенно широко (руководитель Т. С. Пассек). Бригады, возглавляемые научными сотрудниками ИИМК — экспертами Государственной чрезвычайной комиссии (В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков, Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, Т. С. Пассек, В. Н. Чернецов, А. П. Смирнов, С. А. Тараканова, А. Л. Яковсон), провели обследования и активное восстановление памятников в Крыму, на Керченском и Таманском полуостровах, Северном Кавказе, Запорожской, Днепропетровской, Киевской и Черниговской областях УССР, Смоленской и Калининской областях РСФСР. Кроме того, проведено обследование разрушений в Новгороде (М. К. Каргер). Собранный материал передан в Государственную чрезвычайную комиссию, туда же переданы составленные институтом список и карта археоло-

гических памятников, подлежащих обследованию в Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и в западных областях Украины и Белоруссии.

В 1944 г. наступило некоторое оживление полевых археологических исследований. Продолжались работы Ленской экспедиции в Якутии под руководством А. П. Окладникова. Открыты новые памятники — стоянки палеолитической и неолитической эпох, а также памятники бронзового и раннего железного века. Раскопано поселение эпохи неолита и бронзы в черте г. Якутска, поселение поздненеолитического времени на оз. Имыяхтах, в 60 км севернее Якутска, и другие памятники (см. КС ИИМК, вып. XIII).

Провела большую работу Фархадская экспедиция, руководимая А. Ю. Якубовским и В. Ф. Гайдукевич (в зоне работ Фархадстрой). Полученный материал с могильника у Ширин-сая, на берегу Сыр-Дарьи и городища Мунчак-тепе, являются ценным вкладом в изучение древнейшей культуры Среднеазиатского государства Сугрушаны (см. настоящий выпуск КС ИИМК).

Исследования (совместно с ГИМ и местными учреждениями) проводились также в Московской и Калининской областях: А. В. Арциховский раскапывал вятические курганы под Москвой (пос. Царицыно), Б. А. Рыбаков производил раскопки феодального городища в Звенигороде, С. А. Тараканова провела археологическое обследование, включая небольшие раскопки Городни на Волге — бывшего удельного центра великого княжества Тверского.

В 1944 г. подготовлены к печати и сданы в производство четыре выпуска «Кратких сообщений ИИМК» (вып. XI, XII, XIII и XIV), т. IX «Советской археологии» (возобновлена работа и по печатанию т. VIII); научно-популярные работы Н. Н. Воронина «Древнерусские города» и «Владими́ро-Суздальское зодчество».

Для подготовки кадров еще в 1943 г. в ИИМК была восстановлена аспирантура и

докторантура, которая в 1944 г. доведена до 22 аспирантов и 14 докторантов. В отчетном году представлена к защите одна докторская диссертация и одна кандидатская.

1944 год явился знаменательным для советской археологии. В апреле исполнилось 25 лет существования ГАИМК — ИИМК, в октябре — 85 лет со времени основания 6. императорской Археологической комиссии. Юбилей ГАИМК — ИИМК отмечен был созывом сессии Отделения истории и филологии АН СССР и пленумов Института в Москве и Ташкенте. Прочитано 24 научных доклада по различным разделам археологии и истории материальной культуры (отчеты о заседаниях сессии и пленумов ИИМК см. в КС ИИМК, вып. XIII).

Во второй половине 1944 г. в центре внимания ИИМК стояла подготовка к созыву I Всесоюзного археологического совещания. Созданный под председательством академика В. П. Волгина оргкомитет (заместители — академик Б. Д. Греков и А. В. Мишулин) организовал секции, которые вели всю подготовительную работу. Секция по подготовке материалов об археологических исследованиях в СССР за 27 лет (председатель академик Б. Д. Греков, заместитель А. В. Мишулин) подготовила сборник для делегатов совещания — «Итоги и перспективы советской археологии» (объем 15 печ. л.) и выставку «Полевые археологические исследования за 27 лет». Секция по планированию (председатель академик И. И. Мещанинов, заместитель Т. С. Пассек) подготовила материалы для разработки плана археологических исследований в СССР на ближайшее пятилетие. Секция юридическая (председатель академик И. Э. Грабарь, заместитель Б. Н. Граков) подготовила материал для разработки нового законодательства по охране археологических памятников.

I Всесоюзное археологическое совещание явилось важнейшим этапом в развитии советской археологической науки и, в частности, в работе ИИМК АН СССР.

А. РАБОТА СЕКТОРОВ И ГРУПП

1 Московская часть

Сектор неолита, бронзы и раннего железа (руководитель С. В. Киселев). Сектор, организованный в Московской части ИИМК с 1 января 1944 г., одной из своих основных задач ставит создание новой хронологической периодизации памятников ранних эпох истории СССР. Этот участок работы за последнее время оставался вне пристального внимания советских археологов, что тормозило исторические исследования отдельных областей нашей страны. Разрешение важнейших историко-культурных и этногенетических проблем все чаще испытывает затруднения в силу неразработанности хронологической периодизации.

С начала февраля открывались регулярные (два раза в месяц) научные заседания сек-

тора. Первое научное заседание (4 февраля 1944 г.) было посвящено докладу С. В. Киселева — «Карасукская культура». Докладчик, ознакомив с материалом по карасукской культуре, специально остановился на причинах ее глубокого своеобразия сравнительно с другими южносибирскими культурами, а также на ее хронологии. Анализируя карасукские бронзы и каменные изваяния, С. В. Киселев показал их тесную связь с северокавказскими находками, генетически связанными с формами шан-иньской эпохи (XVIII—XIII столетия до н. э.), детально изученными благодаря последним раскопкам Китайской академии в Аньяне. Принимая во внимание наличие в палеоантропологическом карасукском материале сильнейшей северокавказской примеси, докладчик допускает проникновение на юг Сибири не только северокавказского влияния, но и новых этнических групп. Время этого проникновения определяется XIII—XII вв. до н. э. и связано с усилением нажима на некавказские племена района Хуан-хэ. В заключение С. В. Киселев обратил внимание на широкое значение связей с северокавказской цивилизацией для формирования поздней бронзовой культуры нашей страны.

25 февраля 1944 г. состоялся доклад М. М. Герасимова, ознакомившего со своими последними работами по реконструкции внешнего облика древнего населения Средней Азии, начиная с эллинистической эпохи вплоть до тимуридского времени. В развернувшихся прениях антропологи указали на полную научную достоверность представленных реконструкций. Вместе с тем было выражено единодушное мнение о необходимости разработки теоретических основ методики М. М. Герасимова.

25 марта 1944 г. состоялся доклад О. А. Граковой — «Красномяцкий клад как источник для датировки поздней бронзы». На материале замечательной находки близ Одессы — клада литейных форм — докладчик продемонстрировал большую серию типов позднебронзовых орудий нашего Юга. Была намечена их дата — конец VIII в. до н. э. и выявлено уже в то время начало формирования в местном материале ранних скифских типов вещей. Попутно были разрешены и другие вопросы, связанные с хронологией позднебронзовых орудий. Особый интерес вызвали типы кельтов и копий, а также бронзовая алебарда, имеющая аналогию только на Иссык-куле и в китайском материале.

24 марта 1944 г. М. В. Воеводский ознакомил сектор с мезолитическими памятниками Десны, обратил внимание на их относительную хронологию и местные отличия от свидерских Западного и каспийских в Причерноморье.

7 апреля 1944 г. состоялся доклад В. А. Крачковской о книге Э. Герцфельда «Gap in the ancient East» (см. КС ИИМК, вып. XII). Многие положения Герцфельда подверглись оживленной критике, особенно его хронологическая схема, основанная на огра-

ниченном материале. В этом отношении и докладчик, и выступавшие особое внимание уделили недавно опубликованной в Америке периодизации древностей Ирана Мак-Коуна.

21 апреля 1944 г. состоялся доклад *В. Н. Чернецова* — «К вопросу об искусстве древнего Приобья». Исходя из разработанной им хронологической периодизации нижнеобских культур, докладчик показал постепенное развитие местного древнейшего искусства. Большой интерес вызвала попытка автора объяснить значение древних орнаментов, исходя из современной семантики — главным образом мансийских узоров. Предложенное объяснение позволяет ставить вопрос о глубокой традиционности известных элементов современной культуры манси, наряду с позднейшими наслоениями сармато-гуннской поры, выраженными особенно ярко в искусстве полуйской культуры.

5 мая 1944 г. был заслушан доклад *В. А. Городцова* о назначении моделей домов трипольской культуры. На основании обширного сравнительного материала по истории культов (главным образом восточносибирских народов), *В. А. Городцов* считает возможным трактовать трипольские модели в качестве культовых домиков — местами душ умерших предков.

12 июня 1944 г. состоялся доклад *Т. С. Пассек* — «Позднее Триполье», посвященный результатам изучения ею позднетрипольских памятников типа Городска, Евмики, Усатово, Шабалат. Помимо выявления внутренних изменений, главным образом в хозяйстве, которые привели к созданию своеобразной городско-усатовской стадии, докладчик специально остановился на сохранении в это время сильных пережитков раннетрипольских особенностей, заставляющих видеть в изученных материалах именно позднетрипольские памятники. Докладчик подверг исследованию вопросы связей позднего Триполья с катакомбной и средней днепровской культурами, а также определению времени их развития, падающего на начало II тысячелетия до н. э.

11 августа 1944 г. состоялся доклад *А. В. Збруевый* — «Погребальный обряд луговского могильника». Докладчик наметил дифференциацию погребений вооруженных мужчин по характеру вооружения. Одни из воинов вооружены главным образом стрелами, другие — копьями, кинжалами и т. д. Все это, после сличения с материалами других могильников, может послужить основанием для утверждения наличия у носителей ананьинской культуры (VI—III вв. до н. э.) военных отрядов, различавшихся по вооружению, что само по себе может представить большой историко-культурный интерес.

4 ноября 1944 г. состоялся доклад *А. В. Збруевой*, посвященный вопросам культурных взаимоотношений Средней Азии с Уралом. В нем был отмечен ряд совпадений в изобразительном искусстве, орнаменте и керамических формах, позволяющих предполагать значительную древность су-

ществования связей между Уралом и Прикамьем и районом Древнего Хорезма.

17 ноября 1944 г. состоялся доклад *А. Я. Брюсова* — «Неолитические культуры верхней Оки». В этой работе впервые выделены отдельные локальные и хронологические группы неолитических памятников верхней Оки. Определение области их распространения позволяет уточнить границу между верхнеокской неолитической культурой стоянок и фатьяновской культурой. Этим опровергается утверждение об одновременном существовании на одной территории обоих видов памятников — позднееолитических стоянок и фатьяновских могильников.

Прошлому Оки было посвящено сообщение *А. А. Машковцева*, обследовавшего древнюю стоянку в излучине Оки выше Клязьмы на территории государственного заповедника. Стоянка интересна тем, что она представляет памятник поздняяковского типа, фиксирующий еще в одном пункте на Оке ясное отражение связей местной позднееолитической культуры с югом, на стадии его срубных погребений.

18 ноября 1944 г. состоялся доклад художника *Розинской* о заравтсайских наскальных изображениях, открытых Пахомовым в Термезском районе. Изображения представляют охотничьи сцены, исполненные с таким реализмом, что автор полагал возможным сравнивать и связывать их с палеолитической живописью. Однако при обсуждении доклада этот вывод был подвергнут сомнению, и большинство выступавших, базируясь на различных деталях изображений, склонно было видеть в них памятники эпохи энеолита и бронзы.

В 1944 г. ряд сотрудников сектора (*В. Н. Чернецов, А. П. Смирнов, А. В. Збруева, Т. С. Пассек*) принял активное участие в работе института, организованной по заданию Государственной чрезвычайной комиссии, — по расследованию ущерба, нанесенного гитлеровцами археологическим памятникам и музеям СССР (краткий отчет о проделанной работе см. ниже).

Летом 1944 г. *С. В. Киселев* и *А. Я. Брюсов* вели раскопки подмосковных вятических курганов.

Группа сектора античной археологии (руководитель *А. В. Мишулин*). 4 января 1944 г. состоялся доклад *В. И. Мошинской* — «Негреческое население Азиатского Боспора в VI—IV вв. до н. э.», посвященный главным образом племенам синдов и лишь вкратце сведениям о мэотийских племенах, фамеям, керкайам и др. Установив, на основании нумизматических данных, время появления государства синдов (V в. до н. э.), автор выясняет земельную основу экономики синдского государства. Археологический материал указывает на интенсивную торговлю синдов с греками, восходящую еще к концу VII — началу VI вв. до н. э. Эпиграфический материал позволяет установить, что в IV в. до н. э. государство синдов прекратило свое самостоятельное существование и вошло в состав Боспорской державы.

29 февраля 1944 г. состоялся доклад *В. Д. Блаватского* — «Ялтинская голова и истоки стиля Скопаса» (См. КС ИИМК, вып. XII).

14 марта 1944 г. состоялся доклад *М. М. Кобылиной* — «Аттическая скульптура времени Клизфена». Доклад является главой большой работы о возникновении и развитии монументальной скульптуры Афин в ее особенностях. Подъем общественной жизни в Аттике во время Клизфена создал все предпосылки для развития монументальной скульптуры. При сохранении поэтической мифологической формы, непрерывно обогащавшейся, аттическая скульптура приобрела в это время глубокое общественное и патристическое содержание. Освоив в предшествующий период все мастерство и ритмическое богатство ионийской скульптуры, аттическая скульптура шла по пути создания величавых образов народных героев и богов, по пути создания монументальных, исполненных драматического действия, декоративных композиций и портрета.

25 апреля 1944 г. состоялся доклад *Д. П. Калистова* — «Интерпретация варваров Северного Причерноморья в античной традиции». В оценке литературных свидетельств античных авторов о Северном Причерноморье видную роль играет точка зрения *М. И. Ростовцева*, развитая им в 1925 г. в работе «Скифы и Боспор». Главный тезис *М. И. Ростовцева* сводится к признанию особой роли за так называемыми «ионийцами» — писателями раннего времени, создавшими особый канон в интерпретации понтийских варваров. Этот канон просуществовал до конца античного периода, существенно повлиял на целый ряд позднейших литературных поколений. Ближайшее ознакомление с соответствующим кругом источников показывает, что у нас нет достаточных оснований говорить об «ионийцах» как об определенном литературном направлении. Те, кого *М. И. Ростовцев* называет этим именем, в действительности представляли собой отдельных писателей, совсем не связанных или связанных очень мало друг с другом.

Наличие определенных тенденций в литературной традиции обусловлено другими причинами. Когда общественная жизнь и цивилизация обнаруживают присущие им противоречия и появляются принципиальные противники этой цивилизации, они противопоставляют современному им строю социальных отношений быт и нравы скифов-кочевников. На этой почве в античной литературе рождается идеализирующая варваров тенденция, получающая распространение в олигархических кругах. Наряду с ней существовали и другие тенденции. Некоторые писатели, также руководствуясь соображениями защиты и обоснования своих концепций, намеренно сгущали краски, изображая понтийских варваров кровожадными дикарями. Христианские писатели использовали и тот, и другой прием одновременно. Концепция их такова: до принятия христианства варвары — кровожадные дикари; слово

Христа смягчает их нравы, коренным образом преобразует их быт. Прибегая к свидетельствам античных писателей, как к историческому источнику, нужно помнить об этих особенностях литературной традиции.

9 апреля 1944 г. состоялся доклад *В. И. Мошинской* — «Греческие города Азиатского Боспора в VI—IV вв. до н. э.». Основное внимание было сосредоточено на двух наиболее значительных городах азиатской части Боспорского государства — Фанагории и Гермонассе. Дата возникновения обоих городов — вторая половина VI в. до н. э. Для Фанагории литературный и археологический материал позволяет определить дату более точно: 40-е годы VI в. до н. э. Источники (археологические и литературные) дают основание считать, что Фанагория и Гермонасса были крупными центрами транзитной торговли. Через первый из них эллины вела торговлю с мэотами, второй был центром торговли греков с синдами. В изучаемое время города эти были типичными эллинскими полисами. Источники указывают, что к IV в. до н. э. Фанагория и Гермонасса уже вошли в состав Боспора. Положение их в этом государстве было, очевидно, различным; о равноправии этих городов говорить нельзя. В частности, есть основания полагать, что особую роль играла Фанагория, пользовавшаяся, вероятно, далеко идущей автономией.

20 июня 1944 г. состоялся доклад *О. А. Граковой* — «Кимерийские литейные мастерские в Южном Приднестровье». Коллекция литейных форм кимерийской эпохи представляет собой богатый материал для выделения существовавших одновременно комплексов вещей. В состав этих комплексов входят различные категории оружия, орудий и украшений. Основная датировка этих вещей базируется на материале мастерской, найденной в колхозе «Красный маяк», близ Одессы. Материал состоит из разнообразных литейных форм для отливки кинжалов, наконечников копий, долот, кельтов и других предметов. Одна из этих форм предназначалась для отливки навершья, характерного для раннескифской культуры. Это дает возможность отнести всю мастерскую к раннескифскому времени. Исходя из этого, к тому же времени можно отнести и другие материалы, подобные красномядким (Ново-Александровские, Кардашинские 1-й, 2-й и 3-й, Алешкинские, Тидигульского лимана и некоторые другие). Определяются типы узкоперных наверший копий, различных разновидностей листовидных кинжалов, кельтов, желобчатых долот, четырехгранных литых шильев и серпов, бытовавших одновременно в предскифский период. Устанавливается связь между позднебронзовым веком Нижнего Приднестровья и аналогичной культурой Северного и Нижнего Поволжья (соново-мазинский клад).

Кроме указанных, в секторе прочитали доклады: *В. Д. Блаватский* — «Инструментарии каменотесов» (глава из докторской диссертации) (19 сентября 1944 г.),

П. Н. Шульц — «Скифо-сарматское искусство» (18 июня 1944 г.), *Б. Н. Граков* — Термин «Скифы» в надписях северного Причерноморья» (26 сентября 1944 г.), *И. Т. Кругликова* — «Дакия в свете археологических данных» (8 августа 1944 г.).

Сектор славяно-русской археологии (руководитель академик *Б. Д. Греков*). 18 марта 1944 г. состоялся доклад аспиранта *Г. Ф. Корзухиной* — «Датировка русских кладов IX—XIII вв.». Докладчик впервые привлек к изучению свыше 120 русских кладов и путем разработки их методом корреляционной статистики дал хронологическую классификацию комплексов, хорошо связывающуюся с важнейшими этапами истории домонгольской Руси. Доклад представляет часть кандидатской диссертации автора.

3 марта 1944 г. состоялся доклад *С. А. Таракановой* — «Крепостные сооружения Новгорода и Пскова». Автор доложил часть работы, написанной для III тома «Истории культуры Древней Руси» (глава «Крепостные сооружения XIII—XV вв.»), посвященную обзору исторического развития оборонительного строительства на северозападе Руси в связи с развитием военного дела.

17 марта 1944 г. состоялся доклад *Б. А. Рыбакова* — «Киевская Русь и Восток». Сравняя ряд памятников VII—XIII вв. (предметы прикладного искусства, оружие, украшения, утварь и др.), автор дал характеристику восточных связей Руси, их роли в формировании русской культуры и показал своеобразие и самостоятельность переработки славянскими мастерами восточных мотивов и образцов.

26 апреля 1944 г. состоялся доклад *А. П. Смирнова* — «Архитектура болгар». Работа является первым опытом систематического изложения истории архитектуры волжских болгар, основанного на обобщении всего наличного материала, в том числе на материалах многолетних археологических раскопок автора. Особенно ярко выявлены автором восточные связи болгарского монументального искусства.

12 мая 1944 г. состоялся доклад аспиранта *Г. Ф. Корзухиной* — «Былина о Потоке в свете археологических данных». Автор, сопоставляя описанный в былине погребальный обряд и ряд других бытовых подробностей с историко-археологическими фактами, считает, что центральное звено быliny возникло в конце X в. и было связано с ликвидацией кн. Владимиром языческого курганного могильника около Десятинной церкви.

19 мая 1944 г. состоялся доклад *М. К. Каргера* — «Разоренный Новгород», заслушанный на объединенном заседании сектора с Государственным историческим музеем и сектором истории СССР Института истории АН СССР. Докладчик сообщил о систематическом и варварском разрушении памятников немецко-фашистскими захватчиками и о крайне тяжелом положении памятников в настоящий момент. Собравшиеся приняли резолюцию о необходимости принятия неза-

медлительных мер к охране памятников и о привлечении историков и археологов к разработке проекта восстановления Новгорода.

16 июня 1944 г. состоялся доклад *Н. Н. Воронина* — «Тверское зодчество XIV—XV вв.». Автор, на основе анализа письменных источников, археологических данных и открытых им памятников, дал детальную историческую картину эволюции тверского зодчества в XIV—XV вв. и, исходя из реконструкции памятников, выявил его своеобразный облик, сочетающий владими́ро-суздальскую традицию и формы местного деревянного зодчества.

23 июня 1944 г. состоялся доклад *М. К. Каргера* — «Итоги археологического изучения Десятинной церкви в Киеве». Докладчик обобщил результаты раскопок памятников, которые велись до первой мировой войны Д. В. Милеевым, и сделал подробное сообщение о новых материалах из последних раскопок автора, важных для характеристики стиля и деталей памятника, а также о находках знаменитого «тайника».

30 июня 1944 г. состоялось сообщение *Е. И. Горюновой* — О подготовке к изданию «Очерков по истории культуры мордовского народа». Докладчик ознакомил сектор с характером и составом сборника, подготовленного В. В. Гольмстен и докладчиком, и с основными вопросами истории мордовского народа, которые поставили перед собой авторы сборника.

7 июля 1944 г. сектор заслушал доклад *Ф. Д. Гуревич* — «Хроника Генриха Латвийского как источник истории языческих верований Литвы». Настоящий критико-историографический очерк является одной из глав большого исследования автора о литовском язычестве. Анализ источника позволяет высоко оценить данные «Хроники» в отношении характеристики литовской языческой религии.

14 июля 1944 г. был заслушан доклад чл.-корр. АН СССР *С. К. Богоявленского* — «Терминология древнерусского плотничьего дела». Автор, на основании новых источников, определил важнейшие термины деревянного зодчества XVI—XVII вв., во многом дополняя и уточняя определения *И. Е. Забелина*, *М. В. Красовского* и др.

21 июля 1944 г. сектор заслушал доклад аспиранта *Г. Б. Федорова* — «Тверская и московская нумизматика». Автор сделал интересный опыт сравнительного исторического анализа развития монетного дела в Твери и Москве в XIV—XV вв. Нумизматический материал дает прекрасный комментарий к истории московско-тверских отношений.

13 сентября 1944 г. сектор заслушал сообщение *А. Л. Якобсона* и *Е. Ч. Скржинской* о результатах обследования ими, по заданию Государственной чрезвычайной комиссии, археологических памятников средневекового Крыма и музеев (краткие итоги работы см. ниже).

20 сентября 1944 г. состоялся доклад *М. А. Ильина* — «К истории русского

гражданского зодчества XV в. (трапезная палата Троице-Сергиева монастыря 1469 г.)» (См. настоящий выпуск КС ИИМК).

27 сентября 1944 г. было заслушано сообщение С. А. Таракановой о раскопках на городище удельного города Тверского княжества Городня (теперь с. Городня на Волге) и доклад И. И. Никишина (см. настоящий выпуск КС ИИМК).

10 ноября 1944 г. Н. Р. Левинсон (ГИМ) сделал сообщение о своем переводе нового немецкого источника о России — записок Айрмана, относящихся к 70-м годам XVII в. «Записки» представляют оригинальное явление в ряду иностранных мемуаров и описаний своим интимным и непосредственным жанром «воспоминаний» и дают много любопытных черт для характеристики хозяйства и быта Москвы XVII в.

23 ноября 1944 г. состоялся доклад Ф. Д. Гуревич — «Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников (к вопросу о культе змеи в Прибалтике)». Автор, путем сопоставления археологических и письменных источников, констатирует наличие змеиного культа у древней литвы, причем, в отличие от пережитков змеиного культа у других народов, литовский культ сохраняет более архаичную форму, связываясь с тотемистическими верованиями (роль змеи в доме и ее почитание как предка).

14 декабря 1944 г. состоялся доклад А. Л. Якобсона — «Херсонес в XI в. (из истории русско-византийских связей)». Доклад представляет отрывок из главы I монографии «Позднесредневековый Херсонес».

Сектор вспомогательных дисциплин (руководитель Б. Н. Граков). Сектор был образован в январе 1944 г. с целью издания и толкования источников по античной, древнерусской и восточной эпиграфике, нумизматике, геральдике и сфрагистике. В задачу сектора входит также выполнение переводов письменных источников, содержащих сведения по истории быта, технике, военному делу и т. п. В январе и феврале состоялось два организационных заседания. С марта начались регулярные научные доклады.

14 марта 1944 г. С. П. Кондратьев доложил о сделанном им переводе трактата IV в. до н. э. Энея «Тактики» и привел образцы этих переводов.

28 марта 1944 г. заседание было посвящено деятельности покойного А. Н. Зографа; были прочитаны доклады: 1) Л. П. Харко — «А. Н. Зограф — нумизмат». В этом сообщении был обстоятельно освещен творческий путь покойного, его ведущая роль в изучении античной нумизматики в СССР. 2) М. М. Кобылина посвятила свое сообщение тому, в какой степени в работах покойного привлекалась и разрабатывалась история античного искусства. 3) В. Д. Блаватский кратко остановился на участии А. Н. Зографа в раскопках в Ольвии и на о-ве Березани и на роли Зографа в изучении вскрываемых памятников. 4) Б. Н. Гра-

ков подробно остановился на характеристике нумизматических работ покойного и его больших заслугах.

11 апреля 1944 г. состоялся доклад Л. П. Харко — «Проблемы боспорской нумизматики». Особенно подробно докладчик остановился на истории научного собирания боспорских монет.

9 мая 1944 г. состоялся доклад С. П. Кондратьева о кизикских надписях, помещенных в Палатинской антологии. Автор установил их ценность для реконструкции архитектуры того храма, в котором они находились.

На том же заседании Н. П. Розанова (Кабинет археологии Московского государственного университета) сделала доклад — «Неизданные таманские надписи». В частности, было прочтено и проанализировано несколько небольших греческих надписей. Особенно важно наличие ряда новых, ранее неизвестных собственных имен.

20 июня 1944 г. состоялся доклад А. В. Арциховского — «Место А. В. Орешникова в русской нумизматике». Докладчик указал основные заслуги А. В. Орешникова, который использовал методы античной нумизматики в русской; создал ряд работ по истории Боспора (по данным античной нумизматики и эпиграфики), дал свою очень убедительную периодизацию истории Херсонеса Таврического; разработал блестящую классификацию русских монет, являющуюся теперь общепризнанной.

27 июня 1944 г. состоялся доклад В. К. Лукомского — «Обзор литературы по геральдике за 1918—1943 гг.». Докладчик показал положительную роль, которую сыграло образование Гербового музея на базе материалов бывшего департамента геральдики, дал обзор литературы о советском гербе, публикации ряда геральдических экспертиз и остановился на необходимости создания новых кадров в этой области.

4 июля 1944 г. А. Б. Ранович сообщил о сделанном им переводе Фронтини, остановился на истории его текста и привел образцы перевода.

21 ноября 1944 г. Е. М. Штаерман сделала доклад о латинских надписях, открытых в западных провинциях Римской империи в XX в. Кроме того, Е. М. Штаерман предложила план составления на 1945 г. выборочных сборников по латинским надписям.

В течение 1944 г. сектор вел подготовку к изданию *los PE*, т. III, с дополнениями Б. Н. Гракова; подготовку издания монографии А. Н. Зографа «Античные монеты» (Б. Н. Граков); подготовил «Изборник древних русских надписей» (А. В. Арциховский).

Сектор камеральной обработки (руководитель В. Д. Блаватский). Организованный в начале 1944 г., сектор имеет своей задачей: 1) разработку методов и техники полевых исследований; 2) изучение методологии археологических раскопок в России; 3) исследование приемов камеральной обработки; 4) унифика-

цию терминологии и приемов графической фиксации; 5) обработку архивных материалов. В качестве основной задачи в ближайшее время намечено исследование приемов полевых работ. Этому вопросу был посвящен ряд докладов.

М. В. Воеводский — «Приемы выявления дневной поверхности «стоянки». Докладчик описал приемы вскрытия и расчистки бытовых и производственных комплексов палеолита в условиях слабо выраженного культурного слоя.

Т. С. Пассек — «Метод раскопки трипольских поселений». В докладе были освещены технические приемы вскрытия жилищ и методика выявления плана поселения.

М. Е. Фосс — «К методике раскопок неолитических стоянок». Докладчица подчеркнула необходимость применения различных технических приемов в зависимости от характера стоянки.

А. Я. Брюсов — «Из опыта раскопок свайного поселения». Доклад был посвящен описанию условий раскопок в заливаемом водою торфе, приемов откачки воды и методов реконструкции формы построек, их внутреннего устройства и окружения.

О. А. Гракова — «Раскопки поселения бронзовой эпохи». Докладчица остановилась на раскопке поселения полностью, способах вскрытия различных сооружений и применения профилировок при раскопке слоев, заполняющих землянки.

В. Д. Блаватский — «Метод раскопки античных городов». Докладчик выдвинул как основную предпосылку археологического исследования этих городов — установление истории поселения и прилегающего к нему района.

П. Н. Третьяков — «Метод раскопки славянских поселений». Докладчик выдвинул положение о необходимости сплошного исследования городищ в изучаемом районе, а также раскопок в первую очередь городищ с тощим, но зато неповрежденным культурным слоем.

Б. А. Рыбаков — «Метод раскопки русских городов». Докладчик остановился на вопросе установления границ города и его частей, исследовании оборонительных сооружений и жилищ, а также технических приемах раскопок.

А. П. Смирнов — «К вопросу исследования сыроступных горнов». Докладчик осветил приемы вскрытия горнов (вертикальными разрезами) и остановился на изучении сопровождающих горн объектов.

В. И. Мошинская сделала три сообщения, посвященных западноевропейской литературе по методике и технике археологических исследований.

По истории методов раскопок в России состоялось два доклада. Подробную характеристику истории методов раскопок в России дал *А. В. Арциховский*. Доклад об истории техники раскопок Пантикапея прочитал *В. Д. Блаватский*.

О приемах камеральной обработки заслушано два доклада: 1) *М. В. Воевод-*

ского — «К методике описания керамики (восстановление гончарных приемов древности на основе этнографических данных, установление основных признаков для датировки и определения культуры описываемого комплекса)»; 2) *М. М. Герасимова* — о разработанном им методе антропологической реконструкции.

В связи с задачами, выдвинутыми Отечественной войной, был подготовлен доклад *Н. М. Коробкова* — «Организация учета и охрана археологических памятников в районах, освобожденных от оккупации». Кроме того, состоялся доклад *С. П. Григорьева* по вопросу организации охраны памятников Крыма.

Сектор военных древностей (руководитель *С. П. Толстов*). Задачей сектора является изучение возникновения и развития военной организации, вооружения и военного искусства народов России с древнейших времен до XVIII в. включительно.

24 марта 1944 г. состоялся доклад *С. П. Толстова* — «Основа военной организации и военного искусства первобытных народов». На обширном сравнительном материале докладчик показал, что военная организация повсеместно возникает как организация возрастная. Отсюда начинается и развитие дружины, долго еще сохраняющей отдельные пережиточные черты, напоминающие об истоках ее происхождения.

Рассматривая вопросы стратегии и тактики первобытных народов, автор отмечает у них зачатки двух систем: войны, скованной гвердо установленными и точно выполняемыми правилами, преследующей ограниченные: цели, и войны на сокрушение противника. Устанавливаются и боевые порядки, определяемые как особенностями вооружения, так и общими принципами ведения военных действий. Среди боевых порядков существуют разные варианты коллективного боевого действия — в своего рода рассыпном строю и в линиях.

3 марта 1944 г. был заслушан доклад *С. А. Таракановой* — «Организация обороны новгородских земель в XIV—XV вв.». В докладе разработаны два основных вопроса: 1) стратегическая система обороны новгородских владений; 2) военно-инженерные сооружения в связи с техникой осады и обороны. На основе исследования археологических материалов и изучения летописных данных, автор устанавливает размещение боевых и подсобных крепостных пунктов на западных рубежах новгородских владений. Эти укрепления прикрывали важнейшие направления и наиболее уязвимые места стратегических границ и были рассчитаны на задержку наступающего, в целях последующего отражения его живой силой войск.

Ту же активность обороны характеризует и тактика ее. При высоких технических качествах новгородских военно-инженерных сооружений, они рассчитаны не только на

пассивную оборону из-за стен, но и на одновременное активное воздействие их на врага вылазками и полевым боем.

13 апреля 1944 г. сектор заслушал доклад *М. Г. Рабиновича* — «О системе и численности новгородского войска в XI—XV вв.». Докладчик устанавливает соотношение численности княжеской дружины и городских полков, прослеживает изменения в численности и значении пехоты и конницы.

Устанавливая хронологически организационное и техническое усовершенствование новгородского войска, докладчик, вместе с тем констатирует уменьшение его численности и развитие в нем черт профессионализма.

23 марта 1944 г. состоялся доклад *В. А. Афанасьева* — «Знаки боевых отличий частей русской армии». Докладчик дал детальное описание отличий полков, полученных за боевые подвиги — с петровских времен до конца XIX в., включительно. Им устанавливаются и характеризуются отличия: 1) в обмундировании частей; 2) на знаменах; 3) в присвоении названий; 4) в присвоении особого барабанного боя, фанфар и серебряных труб с соответствующими надписями.

12 мая 1944 г. был заслушан доклад *М. Г. Рабиновича* — «Русское вооружение в X—XV вв.». Докладчик рассматривает эволюцию русского вооружения за указанный период в связи с эволюцией тактики, прослеживает черты восточных и западных влияний в характере русского вооружения и устанавливает черты его оригинальности и соответствия особенностям русского войска в его постепенном развитии, применительно к особенностям восточноевропейской территории.

26 мая 1944 г. состоялся доклад *Н. М. Коробкова* — «К истории русской военной одежды». Прослеживая развитие форм русской военной одежды, докладчик устанавливает в нем два направления — западное и национальное. Военная одежда эпохи Петра I, при отчетливо выраженном западном характере, вместе с тем сохраняет привычные черты русской одежды. В последующий период западный характер русской военной одежды усиливается.

Военные реформы Потемкина, Румянцева, Суворова получают отражения и в изменении форм одежды, снова приобретающей черты специфически русского обмундирования.

25 июня 1944 г. сектор заслушал доклад *П. Г. Рындзюнского* — «Тарутинское сражение». Исследуя тарутинский период Отечественной войны 1812 г., докладчик устанавливает его исключительно большое значение в ходе войны. Завершившее этот период сражение включает в себе ряд моментов, не выясненных нашей историографией. Анализируя план сражения и осуществление этого плана, а также характер и расположение тарутинских укреплений, точно локализуя последовательность событий во времени, док-

ладчик показал, что как задержка в начале сражения, так и завершение его зависели от сведений, полученных Кутузовым о начале отхода из Москвы «великой армии». Изучение местности позволяло докладчику уточнить теоретический замысел Кутузова и дать более полную картину операции с ее действиями на флангах, до этого выпавших из поля зрения исследователей.

21 сентября 1944 г. состоялся доклад *К. В. Кудряшова* — «Поход кн. Игоря Северского против половцев». Исследуя показания летописей и «Слова о полку Игореве», а также привлекая обширный топонимический материал, в частности из наиболее ранних чертежей и голландских карт, докладчик пришел к заключению, что в существующих исследованиях вопроса неправильно намечены маршруты похода. Докладчик предлагает новый вариант, приближающийся к варианту Карамзина, но уточненный в деталях и намечающий трассу похода, отвечающую как указаниям источников, так и расчетам времени по отдельным переходам.

30 сентября 1944 г. был заслушан доклад *В. Д. Блаватского* — «Оборонительные сооружения и осадно-оборонительная техника в античных колониях Крыма». Докладчик дал подробную характеристику фортификационным сооружениям городов-колоний Крыма, рассмотрел развитие фортификационной техники по периодам и установил связь между последней и развитием античной тактики осады и обороны.

Сектором подготовлен к печати т. I труда «Военные древности» (25 печ. л.), заканчивается подготовка к печати т. II этих трудов и т. III «Истории форм русского обмундирования».

Секция истории искусств (руководитель — Б. Р. Виппер). Основная работа секции истории искусств в истекшем году заключалась в написании первого тома «Истории русского искусства» под редакцией академика И. Грабаря, чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарева и Б. Р. Виппера. В процессе работы были заслушаны главы, написанные А. В. Арциховским, В. Д. Блаватским, Б. А. Рыбаковым, В. Н. Лазаревым, Н. Н. Ворониным, П. А. Максимовым и М. А. Ильиным, что заняло около 25 заседаний. К 1 января 1945 г. том I «Истории русского искусства (с начала его возникновения до XVI в. включительно)» в основном написан. Одновременно с этим был составлен сборник трудов секции, в который вошли статьи как членов секции, так и других научных работников института.

На пленарных заседаниях института и Отделения истории и философии АН СССР Б. Р. Виппер сделал доклад — «Современные задачи советского искусствознания», чл.-корр. В. Н. Лазарев выступил с сообщением о последних работах по расчистке мозаик храма Софии в Константинополе, а также сделал доклад о живописи Новгорода XII—XIV вв.

С 1 января 1945 г. в связи с организацией в системе АН СССР Института истории искусств секция вошла в его состав.

2. Ленинградская часть

В 1944 г. только осенью часть сотрудников вернулась в Ленинград, во главе с заместителем директора института В. И. Равдоникасом, научно-организационному руководству которого были подчинены Ташкентская (руководитель А. Ю. Якубовский) и Елабужская группы (руководитель М. И. Артамонов), а также отдельные сотрудники института, находящиеся в других городах.

С осени Ленинградская часть (более 20 научных сотрудников) работала в составе трех научных групп: группы палеолита, неолита и бронзы (руководитель С. Н. Замятнин), группы Северного Причерноморья в античный период (руководитель С. И. Ковалев) и группы славяно-русской археологии (руководитель М. А. Тиханова). Возобновила свою работу кабинет Н. Я. Марра (заведующий В. А. Миханкова), начато восстановление экспериментальной лаборатории археологической технологии. Продолжала работать библиотека, рукописный и фото-архивы института, не прекращавшие своей деятельности и в период блокады, постоянно помогавшие Инспекции по охране памятников.

За истекшие месяцы на заседаниях института, помимо обсуждения научно-организационных вопросов, был прочитан ряд научных докладов.

В первом научном собрании (в сентябре) руководитель Ленинградской части ИИМК В. И. Равдоникас во вступительном слове наметил большие и ответственные задачи, которые стоят перед коллективом института, значительно пережившим за годы Великой Отечественной войны. Институт потерял многих своих сотрудников: одни пали смертью храбрых в боях за Родину (старшие научные сотрудники, кандидаты исторических наук А. П. Круглов, Н. А. Прокошев, младший научный сотрудник В. В. Карачаровский, Н. Н. Чернягин, старший лаборант И. Ф. Щербаков, лаборант Ю. В. Калинин, зав. фото-мастерской Г. В. Занкович); другие погибли во время блокады Ленинграда (академик С. А. Жебелев, доктора исторических наук Б. Л. Богаевский, А. Н. Зограф, В. В. Гольмстен, старшие научные сотрудники, кандидаты исторических наук Г. П. Сосновский, Ю. В. Подгаецкий, Р. В. Шмидт, Б. Е. Деген-Ковалевский, Е. В. Ернштедт, Е. Ю. Кричевский, Е. А. Рыдзевская, Г. В. Григорьев, мл. науч. сотрудник П. А. Сухов, лаборанты Ф. И. Жданович, Т. Г. Головлева, Н. Б. Эмлер, Л. М. Дмитриев, научно-технич. сотрудники Т. М. Архангельская, О. Э. Ланговая, К. Т. Пономарева, С. И. Стацевич, аспирант Е. М. Калашникова, кассир С. П. Тихонов, бухгалтер О. А. Иванова, маши-

нистка Е. В. Лапидус, служители Н. Г. Воронина, А. Т. Захарова, А. И. Анисимова).

Перед коллективом института стоит почетная задача — не только восстановить его в былой научной и общественной значимости, но и еще выше поднять работу института, восстановить и всю материальную его базу, привести в порядок архивы и коллекционные материалы, кабинеты и лаборатории, библиотеку и рабочие помещения и тем самым восстановить институт в качестве полноценного научного учреждения.

Первое научное собрание Института было посвящено Н. Я. Марру. Был заслушан доклад В. А. Миханковой — «Исторические взгляды Н. Я. Марра». Докладчик, основываясь не только на опубликованных работах, но и на рукописных материалах Н. Я. Марра, подчеркнул, что хотя историко-культурные и исторические работы Н. Я. Марра еще в XIX и начале XX в. создали ему общепризнанный авторитет в русских и западноевропейских научных кругах, — эта существеннейшая и неотъемлемая часть работ Н. Я. Марра за последние два десятилетия в глазах советских исследователей затемнена интересом к новому учению о языке. Между тем, лингвистические работы Н. Я. Марра, если не predetermined, то обоснованы его историческими взглядами и составляют с ними одно целое. Н. Я. Марр, историк Кавказа, четко сформулировал взгляды на задачи исторического исследования на источники. Особое внимание уделял Н. Я. Марр вопросам этногенеза. Воспитанный в лучших традициях русского востоковедения конца XIX и начала XX вв., Н. Я. Марр был его наиболее блестящим представителем, первым поставившим на службу исторического исследования все виды исторического источника — письменные, вещественные, язык и живую старину — фольклор.

27 сентября был заслушан доклад С. И. Ковалева — введение к его большой многолетней работе, посвященной проблеме: «Античность и европейская культура».

Вводная глава посвящена основному вопросу — о стойкости античной культуры и ее воздействии на всю последующую культуру Европы — как Западной, так и Восточной.

4 октября был заслушан доклад Л. А. Динцеса — «Иранские мотивы в народном искусстве Новгородского края». Отмечая раннюю и постоянную струю иранских мотивов в искусстве средневековой Руси, длительные и специфические связи Новгородского края с Востоком (благодаря торговле) докладчик выдвинул положение о позднем проникновении восточных иранских сефевидских мотивов в народное искусство, об ассимиляции этих образов народным искусством лишь в XVI—XVII вв. Доклад сопровождался демонстрацией большого количества памятников.

Заседание 11 октября было посвящено докладу В. А. Крачковской — «Лицевые

сефевидские изразцы Музея восточных культур». Нарисовав общую картину развития живописного керамического производства в Иране, докладчик специально остановился на полихромной бытовой керамике XVI—XVII вв., так называемом кубачинском фаянсе, его классификации и локализации в западноевропейской специальной литературе. Далее докладчик обратился к лицевым полихромным изразцам Музея восточных культур (Москва), которые относятся именно к так называемому кубачинскому фаянсу. По стилю и деталям костюма, изображений, изразцы распадаются на несколько групп и датируются временем от второй четверти XVII по начало XVIII в.

19 октября был заслушан отчетный доклад А. Л. Якобсона об обследовании им, по поручению Государственной чрезвычайной комиссии по расследованию ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками, археологических памятников и музеев Крыма, А. Л. Якобсоном совместно с докторантом института Е. Ч. Скржинской в августе 1944 г. были обследованы Херсонес, Бахчисарай (Музей пещерных городов), Чуфут-кале, Балаклава, Феодосия, Судак, Старый Крым, Симферопольский музей. Соответствующие акты с фотодокументацией были представлены вместе с докладом — объяснительной запиской, в Государственную чрезвычайную комиссию, причем были указаны и возможные пути компенсации ущерба, нанесенного врагом, в эквиваленты похищенного и разрушенного.

25 октября был заслушан доклад А. Л. Якобсона — «Художественные связи Московской Руси и Крыма в XV—XVI вв.» На основании анализа ряда памятников прикладного искусства Московской Руси — резные царские врата, ювелирные изделия и пр., в которых с полной очевидностью выступают мотивы, несомненно принесенные в Москву из Крыма, воспринятые и переработанные московскими мастерами, автору удалось полностью подтвердить свой тезис о реальных культурных связях Москвы и Крыма в XV—XVI вв.

15 ноября В. А. Петров доложил результаты своих многолетних работ, не прекращавшихся и во время блокады, над растительными остатками, добытыми при археологических исследованиях. Применение методов естественных наук к археологическому материалу растительных остатков из Триполья (сборы Т. С. Пассек), из Анау (сборы А. А. Марущенко), из Закавказья (сборы А. И. Гуммеля), дало исключительно ценные результаты. Исследование подтвердило наличие в Триполье культуры твердой пшеницы, что ставит вопрос о причинах ее последующего исчезновения в общую связь с упадком, снижением хозяйственно-культурного уровня Среднего Поднепровья и прилегающих районов в послетрипольский период. В растительных остатках из раскопок Я. И. Гуммеля в Закавказье во II тысячелетии до н. э. с несомненностью устанавливается наличие косточки

персика, который, согласно твердо установленным в современной специальной литературе данным, считается вывезенным в Европу лишь в 112 г. до н. э. из Китая. В китайских источниках (китайский текст по просьбе В. А. Петрова был переведен академиком В. М. Алексеевым) никаких указаний о привозе персика, как оказалось, не содержится. В. А. Петрову удалось по-новому осветить вопрос о происхождении, «прародине» персика и ареале его распространения.

В заседании от 12 декабря был заслушан доклад М. В. Фармаковского — «Методы реставрации археологических тканей», являющийся результатом его более чем двадцатилетних работ в этой области.

Истекшее в 1944 г. десятилетие со дня смерти Н. Я. Марра, имя которого носит институт, ленинградский коллектив озаменовал двумя заседаниями. Первое, 20 декабря, было проведено институтом совместно с двумя институтами Академии Наук СССР — Институтом языка и мышления им. Н. Я. Марра и Институтом востоковедения, а также с филологическим и восточным факультетами Ленинградского ордена Ленина государственного университета. Заседание состоялось в актовом зале филиала Ленинградского государственного университета под председательством академика И. Ю. Крачковского, открывшего заседание вступительным словом, в котором он нарисовал замечательный образ ученого, человека и гражданина, каким был Н. Я. Марр. Затем были прочитаны три доклада: А. П. Рифтина — «Н. Я. Марр и его яфетическая теория», В. А. Крачковской — «Неизданная арабская надпись из раскопок Н. Я. Марра в Ании», М. А. Тихановой — «Вопросы этногенеза славянства в работах Н. Я. Марра».

Памяти Н. Я. Марра посвящено было и очередное научное собрание Института 27 декабря с двумя докладами: заведующего кабинетом Н. Я. Марра В. А. Миханковой — «Отчет о работе кабинета Н. Я. Марра за все время его существования (1936—1944 гг.)» и Л. А. Динцеса — «Культурная быля с Чортова городища в Елабуге».

Из научных докладов и сообщений в 1944 г. следует назвать: С. А. Семенова — «О следах работы на кости» (группа палеолита и неолита — 18 сентября), доклад в группе славяно-русской археологии А. В. Дмитриевской — «Типологический анализ материалов из костромских курганов» (тезисы кандидатской диссертации), сообщение М. К. Каргера о его работах в Новгороде, во время которых было произведено археологическое обследование собора Юрьева монастыря и частично расчищена разрушенная немецкими варварами Спас-Нередица. На двух заседаниях группы была заслушана научн.-популярная работа М. К. Каргера, посвященная сокровищам древнерусской архитектуры Великого Новгорода (XI—XVI вв.) и намеченная к изданию Всесоюзной академией архитектуры.

Елабужская группа (руководитель *М. И. Артамонов*). *М. И. Артамонов* закончил исследование «Венеды и лужицкая культура», составляющая вторую часть его книги — «Происхождение и древнейшая история славян по археологическим данным». Заключается третья часть «Происхождения восточных славян». *И. И. Ляпушкин*, работая над вопросом о южных и юго-восточных границах расселения восточно-славянских племен в VIII—X вв., написал главу «Датировка городищ роменского типа» и статью — «Новые данные о раннеславянских поселениях VIII—X столетий в бассейне р. Ворсклы».

П. П. Ефименко был занят главным образом общими вопросами неолита и бронзы Европы — периодизацией эпохи камня и раннего металла, хронологией и соотношением во времени основных культур европейского неолита и бронзы и вопросами этногонии.

В течение первого полугодия 1944 г. состоялся ряд научных заседаний, на которых были сделаны научные доклады. Из них следует отметить два доклада *М. И. Артамонова* на тему — «Венеды и лужицкая культура», доклад *И. И. Ляпушкина* — «К вопросу о датировке городищ роменского типа» (см. Советская Археология, IX, 1947), *М. И. Максимовой* — «Историческая достоверность Анабазиса Ксенофонта», *С. Н. Бибикова* — «Неолитические культуры Урала».

25-летие со дня учреждения ГАИМК — ИИМК Елабужская группа отметила торжественным заседанием с докладами: *М. И. Артамонова* — «25 лет ГАИМК — ИИМК» и *С. И. Руденко* — «Алтайские скифы».

Ташкентская группа Института (руководитель *А. Ю. Якубовский*) состояла главным образом из основного ядра античной группы Института (руководитель *Т. Н. Книпович*) и среднеазиатской (руководитель *А. Ю. Якубовский*), продолжавших в 1944 г. исследования по среднеазиатской тематике. Основное задание Ташкентской группы — организация Фархадской экспедиции. Как в отношении исследования строительных комплексов, так и по собранной во время раскопок богатейшей коллекции вещественных находок, включающих ряд уникальных предметов, экспедиция дала блестящие результаты. В ее работах, которые беспрерывно в течение всего года вел *В. Ф. Гайдукевич* под общим руководством *А. Ю. Якубовского*, принимали участие *Т. Н. Книпович*, *А. Н. Карасев*, *С. М. Шмерлинг*, аспирант *Е. Е. Слашев*.

Среднеазиатская тематика определила и весь план научно-исследовательских работ группы.

Так, *А. Ю. Якубовский*, работая по поручению Наркомпроса Узбекской ССР над составлением учебника по истории Узбекистана, сделал ряд докладов в Ташкенте и в Москве в связи с 25-летием ГАИМК — ИИМК на тему об итогах 25-летних археологических работ в Средней Азии. *М. Е. Массон* работал в двух направлениях: подготов-

ка руководства по среднеазиатской нумизматике и исследование истории добычи минерального сырья в Средней Азии. *Т. Н. Книпович*, продолжая свою работу по исследованию керамики поселений Древнего Узбекистана, специально обработала собрания Самаркандского музея. *Т. М. Девель* закончила работу — «Западноевропейские путешественники в Среднюю Азию в XIX в.». *М. А. Наливкина* работала над каталогом терракот Средней Азии (домонгольского периода) Самаркандского музея. Докторант *Г. А. Пузаченкова* продолжала работу над докторской диссертацией — «Художественная культура Средней Азии конца XV — начала XVI вв.», докторант *Я. Г. Гулямов* — над темой: «История орошения Хорезма в XVII—XX вв.».

Ташкентская группа, до середины 1944 г. составлявшая основное ядро Ленинградской части института, имела свой Ученый совет, в открытых заседаниях которого был заслушан ряд докладов, а также защищены две диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 15 января 1944 г. состоялась защита диссертации старшим научным сотрудником Государственного Эрмитажа *Г. Д. Беловым* на тему: «Херсонес Таврический» (историко-археологический очерк) (официальные оппоненты — доктор исторических наук *Т. Н. Книпович* и проф. *М. А. Тиханова*) (тезисы опубликованы в КС ИИМК, XIII) и 18 апреля — защита диссертации старшим научным сотрудником института и заведующим кабинетом *Н. Я. Марра*, *В. А. Миханковой* на тему — «Н. Я. Марр. Очерк научной жизни и деятельности» (официальные оппоненты академик *В. В. Струве* и заслуженный деятель науки Узбекской ССР *А. К. Боровков*). Обоим диссертантам искомая степень была присуждена единогласно.

Специальным открытым заседанием Ученого совета 18 апреля 1944 г. было отмечено 25-летие со дня основания Государственной академии истории материальной культуры им. *Н. Я. Марра*, на котором было сделано пять докладов:

1. *А. Ю. Якубовский* — «ГАИМК — ИИМК за 25 лет».

2. *С. Н. Замятнин* — «Работа ГАИМК — ИИМК по изучению древнейшего периода СССР».

3. *Т. Н. Книпович* — «Работы ГАИМК — ИИМК по изучению античных колоний Северного Причерноморья».

4. *М. А. Тиханова* — «Проблемы культуры Древней Руси в работах ГАИМК — ИИМК».

5. *А. Н. Бернштам* — «Проблемы истории культуры Средней Азии в работах ГАИМК — ИИМК» (краткое изложение докладов см. в КС ИИМК, XIII, 1946).

Ряд работников группы закончил или заканчивает свои кандидатские диссертации: *Т. М. Девель* — «О западноевропейских путешественниках в Среднюю Азию»; *Е. И. Леви* — «Гераклея Понтийская» (окончена); *А. Н. Карасев* — «Оборонительные соору-

жения Ольвии»; *М. А. Наливкина* — «Терракоты Мирмекия и Тиритаки из раскопок 1936—1944 гг.».

Велась также подготовка пяти аспирантов: одного специалиста по древнейшему периоду — каменному веку двух античников и двух специалистов по славяно-русской археологии.

Из многочисленных докладов, сделанных на заседаниях Ученого совета института и на заседаниях групп, упомянем отчет *В. Ф. Гайдукевича* о работах Фархадской археологической экспедиции в 1943 г., *М. Е. Массона* — «К вопросу о происхождении диргемов Мусейды», три доклада *Г. А. Пугаченковой*: «Типы художественной керамики эпохи Тимура и Улугбека по раскопкам Гур-Эмира в 1943 г.» (3 апреля), «К вопросу о садово-парковом искусстве эпохи Тимура и Тимуридов» (2 августа), «Элементы согдийской архитектуры в археологических памятниках местного изобразительного искусства» (2 февраля); доклады *Т. М. Девель* — «Английские путешественники в Среднюю Азию в XIX в.» (31 января), «Французские путешественники в Среднюю Азию в XIX в.» (19 июня); доклад *Е. И. Леви* — «К вопросу о датировке херсонесской присяги» (10 мая); *А. Н. Карасева* — «К вопросу о восстановлении художественных памятников, разрушенных немецкими захватчиками» (12 июня).

Во время пребывания в Ташкенте *А. Н. Верштам* сделал ряд докладов, посвященных результатам археологических исследований в Киргизии и основным результатам его общенсторических исследований за последние годы.

Ташкентская группа института в последний год своего пребывания вне Ленинграда провела большую плодотворную работу в тесном содружестве и постоянном контакте с работниками Узбекистана, сделал немало для выяснения ряда вопросов истории культуры древнего периода Узбекистана.

Б: ОБСЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

(Руководитель *Т. С. Пассек*).

Продолжая работу, начатую в первые месяцы Отечественной войны, коллектив ИИМК АН СССР в 1944 г., по специальным заданиям Государственной чрезвычайной комиссии, направил восемь археологических экспедиций, которые провели обследование и составили акты об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками археологическим памятникам в Крыму, Северном Кавказе, Украине, а также в Калининской и Смоленской областях. В исследовательской работе участвовало 19 сотрудников ИИМК. Кроме того, в экспедициях приняли участие студенты-археологи Московского государственного университета. Две экспедиции на Украине — Киевская и Николаевская — были проведены совместно с Институтом археологии АН УССР.

1. Крымская экспедиция — *А. Л. Якобсон* (руководитель) и *Е. Ч. Скржин-*

ская. Обследования в Крыму были сосредоточены на выяснении ущерба, нанесенного фашистами коллекциям Государственного херсонесского историко-археологического музея и Херсонесскому городищу (заповеднику). Обследования были произведены также в Балаклаве, Бахчисарае, Старом Крыму, Феодосии и Судаке, охватив таким образом основные пункты, где сосредоточены археологические и архитектурные памятники средних веков.

1. *Херсонес* (основан в V в. до н. э., в средние века — с V по XIII — являлся основным экономическим и культурным центром Тавриды). Археологическим коллекциям нанесен небольшой ущерб, зато городище (археологический заповедник) пострадало очень сильно: площадь его с мощным культурным слоем изрыта дотами, дзотами, траншеями, в древних и единственных в своем роде по сохранности крепостных стенах IV в. до н. э. сделано до 80 проломов для устройства индивидуальных бомбоубежищ. Многие древние архитектурные памятники разобраны на строительство немецких военных сооружений. Собор 1860 г. взорван; богатейшие фонды музея, хранившиеся в нижнем этаже собора, пострадали немного.

2. *Бахчисарай*. Здесь находится Музей пещерных городов, посвященный истории юго-западного Крыма — района, имевшего в средние века (до XIV в.) преобладающее значение в истории Тавриды. 9 ящичков с ценнейшими и еще не опубликованными материалами, преимущественно из позднегерманского могильника близ Инкермана, увезены немцами. Материалы эти очень важны для разрешения так называемой готской проблемы и показывают, что сложение местной культуры шло совершенно независимо от готов — германцев, совершавших в III в. н. э. набеги на Крым; остатки их, осевшие в Крыму, были полностью ассимилированы местным населением и усвоили ту местную культуру, которую они здесь застали. Характерно, что немцы, увозя из музея эти материалы, оставили расписку, в которой эти материалы произвольно приписаны древним германцам и потому увозятся «для возвращения в Германию».

3. *Балаклава*. Генуэзская крепость XIV—XV вв. Центральная башня верхнего замка наполовину разрушена.

4. *Феодосия*. (период расцвета Феодосии, называвшейся в средние века Кафрой, падает на XIV в., когда город становится важнейшим центром международной торговли Европы с Азией, с пестрым по своему составу населением, преимущественно армянским, греческим, татарским). В древних архитектурных памятниках — церквях XIV в., украшенных скульптурой и замечательными фресками (церковь Стефана на Карантине), немцы выломали полы, уничтожили оконные и дверные рамы.

Из музея немцы вывезли полностью коллекцию древнегреческой художественной посуды (IV—III вв. до н. э.), добы-

той раскопками на феодосийском Акрополе.

5. *Старый Крым*. Местный краеведческий музей уничтожен полностью: от здания музея не сохранилось и следа. Древние архитектурные памятники также сильно пострадали: румыны разбирали их на строительный материал. Почва Старого Крыма, являвшегося в XIV в. большим торговым городом, исключительно сильно насыщена археологическими памятниками. Даже небольшие раскопки, как показывает опыт, дадут, несомненно, обильный материал, особенно по ремесленной промышленности города в XIV—XV вв., что позволит восстановить исторический раздел музея.

6. *Судак* (существовавший еще в раннее средневековье, как аланское поселение; в XI—XII вв. служил опорным пунктом половец; в XIV—XV вв. — генуэзская крепость). Древние архитектурные памятники в генуэзской крепости XIV—XV вв. в основном не пострадали, за исключением мечети XIII в., где сорван пол, сорваны двери, сделан пролом и пр. Музей весь разграблен (за исключением трех экспонатов); ныне от него осталась лишь куча мусора; библиотека музея уничтожена.

II. *Керченско-таманская экспедиция* — В. Д. Блаватский (руководитель) и И. Б. Зесст. В первую очередь были обследованы памятники, находящиеся в г. Керчи, и Мелек-Чесменский курган с монументальным каменным склепом, пользующийся всемирной известностью. Этот памятник, сооруженный греками в IV в. до н. э., пострадал во время оккупации сравнительно незначительно. Сильно пострадал перевезенный в склеп кургана мраморный таманский саркофаг (ранее хранившийся в Таманском музее). Крышка его разбита на множество мелких кусков, сам саркофаг также сильно поврежден.

В настоящее время таманский саркофаг перевезен в ГИМ в Москву, где детально реставрирован.

Значительно поврежденным оказался склеп Деметры с фресковой росписью греческой работы I в. н. э. Большой ущерб причинен военными действиями горе Митридат, восточная часть которой занята Акрополем Пантикапея, а западная — могильником античной эпохи и более позднего времени. За время войны по всей горе немцы выстроили большое количество извилистых траншей, блиндажей и других выемок, сильно разрушивших насыщенный культурный слой; одна из выемок объемом около 25 тыс. куб. м прошла через весьма значительные архитектурные сооружения.

Западный курган, как и курганная цепь Юз-Оба и Царский курган в окрестностях Керчи, существенного ущерба не претерпели. Совершенно разрушены находившиеся при Царском кургане лапидарий Керченского музея, заключающий большое собрание боспорских рельефных надгробий, надписей, саркофагов и пр.

Экспедицией были осмотрены три античных городища в районе Керчи: Мирмекий, городище Камыш-Бурун и Нимфей. Территории городищ повреждены различными земляными выемками-блиндажами, воронками от снарядов, котлованами яшеями, частично разрушившими культурные наслоения и древние сооружения.

Состояние античного города Фанагория, обследованного экспедицией, вполне удовлетворительное.

Очень сильно пострадал Историко-археологический музей г. Керчи, большая часть коллекций которого была немцами вывезена.

III. *Северо-Кавказская экспедиция* — В. Н. Чернецов (руководитель), А. П. Смирнов, А. В. Эбруева и аспирант Г. Б. Федоров. Экспедиция обследовала археологические памятники по течению р. Кубани Краснодарского края и на Таманском полуострове; среди них — Елизаветинское городище, ряд скифо-сарматских и сарматских городищ у ст. Усть-Лабинской и ст. Тифлисской, курганы у ст. Абинской, ст. Сенной, Семибратное городище в Варениковском районе, значительно пострадавшие в ходе военных действий и от оборонительных работ (например, от устройства противотанковых рвов).

Экспедиция составила акты об ущербе, причиненном археологическим коллекциям музеев гг. Краснодара, Кропоткина и Армавира, частично увезенных в Германию или погибших от бомбардировок и пожаров.

IV. *Никопольская экспедиция* — Б. Н. Граков (руководитель) и студенты-археологи Московского государственного университета (совместно с Институтом археологии АН УССР). Экспедиция обследовала краеведческий музей им. М. В. Ломоносова в г. Никополе, коллекции которого в большей части сохранились, и археологические памятники в окрестностях города, где в последние годы перед войной производились систематические раскопки скифских городищ и курганов. Были составлены акты о разрушениях, нанесенных группе скифских курганов, расположенных на территории Южного трубного металлургического завода в 9 км от Никополя, где военными сооружениями повреждено несколько больших курганов и нарушено не менее 10 древних погребений.

Сравнительно мало пострадало относящееся ко времени царских скифских курганов Никопольщины — Каменское городище на Днепре. Однако в важнейших частях городища — по берегу рч. Знаменской Конки — на протяжении почти километра сооружены окопы, при этом было выброшено несколько тысяч кубометров культурного слоя.

Экспедицией был осмотрен большой скифский царский курган «Солоха», лишь наполовину раскопанный в 1912—1913 гг. Н. И. Веселовским. На стенках глубоких блиндажей в двух местах обнаружены остатки разрушенных древних погребений.

В 50 км от Никополя были обследованы два громадных царских скифских кургана, известные один под названием Нецаевой могилы, другой — Орловой могилы. В течение двух с половиной месяцев в 1943—1944 гг. здесь проходил передний край немецкой обороны. Пологие склоны обеих насыпей курганов изрыты глубокими выемками блиндажей и ходами сообщений, грозящими дальнейшим разрушением этих первоклассных памятников.

V. Киевская экспедиция — *Т. С. Пассек* (руководитель) (совместно с Институтом археологии АН СССР. Участие в работах принимал также Государственный республиканский исторический музей Киева).

Основные задания экспедиции было выяснение ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками археологическим коллекциям Государственного исторического музея, находившегося на территории музейного городка Киево-Печерской лавры. Осмотром установлено, что из археологических коллекций музея, входивших в состав отделов: доклассового, Скифии и греческих причерноморских колоний, Киевской Руси, разграблены и увезены в Германию следующие материалы:

1. Коллекции: по палеолиту из известных стоянок Пушкаревской, Мезинской, Кирилловской, Амвросиевской; по неолиту, по трипольской культуре (богатейшее собрание — свыше 20 тыс. предметов) и эпохе меди — бронзы доклассового отдела музея — вывезены немцами почти полностью. Оставшаяся в музее часть фондовых коллекций является случайным собранием фрагментов керамики и строительного материала и не представляет сколько-нибудь серьезного научного значения.

2. Уникальная скифская коллекция музея была также увезена немцами полностью, как и собрание памятников «культуры полей погребения». Вывезена немцами вся экспозиционная часть античной (ольвийской) коллекции и собрание кипрской керамики огромной ценности.

3. Из отдела Киевской Руси немцами вывезена вся экспозиционная часть материала, за исключением уникальных вещей и кладов, своевременно эвакуированных: среди увезенных немцами коллекций — широко известный материал из раскопок на городищах «Княжа Гора», Райки, Вышгород, Белгородка, коллекции из раскопок на территории Десятинной церкви, Михайловского монастыря, собрание крестов, энколпионов, меч X в. с орнаментированной рукояткой, паникадила XII в. и др. Одновременно фашисты вывели из Киева и археологические коллекции, хранившиеся в Институте археологии АН УССР, среди которых особую ценность составляли неизданные материалы Днепропетровской экспедиции (30 тыс. предметов), большие коллекции из раскопок 1939—1940 гг. Трипольской экспедиции на поселениях у с. Халепе (Коломийщина I), у с. Владимировка и у с. Городск.

Увезенным оказался весь не изданный еще комплекс находок из раскопок могильника у с. Корчеватое («культура полей погребений»), из Райковецкого городища, материал из раскопок на горе Киселевке в Киеве и много другого.

Кроме того, Киевская экспедиция произвела обследование трипольских поселений у с. Халепе, Киевской обл., где, начиная с 1934 г., производились систематические раскопки Трипольской экспедицией ИИМК АН СССР и ИА АН УССР. Территория известного поселения Коломийщины I во многих частях перерезана окопами, глубокими выемками, узкими траншеями. При осмотре стенки одного окопа экспедиция обнаружила за границами восточной части поселения остатки трипольского глинобитного жилища. Вновь открытое жилище, вместе с жилищем № 37 в северной части поселения, является постройками нового, возможно третьего, круга. Предположения эти были высказаны в порядке общей гипотезы еще ранее; теперь, после обследования 1944 г., получили подтверждение (см. *Т. С. Пассек* и *Е. Ю. Кричевский*. Трипольское поселение Коломийщина I КС ИИМК, вып. XII). Территория соседнего поселения — Коломийщина II, где велась раскопки в 1939 г., сохранилась в целостности.

VI. Черниговская экспедиция — *Б. А. Рыбаков* (руководитель), *М. А. Ильин*, аспирант *Т. Н. Никольская* и студенты Московского архитектурного института. Были осмотрены археологические и архитектурные памятники Чернигова, поврежденные бомбардировкой с воздуха и артобстрелом. Среди пострадавших памятников — Спасо-Преображенский собор XI в., Борисоглебский собор XII в., церкви Параскевы Пятницы на торгу (XII в.), Екатерины на валу (XVII в.) и др. При осмотре черниговского кремля были изучены развалины церкви XII в. на берегу р. Стрижня.

Экспедиция осмотрела также знаменитый курган «Черную могилу» X в. с княжеским погребением эпохи Святослава (раскопанный *Д. Я. Самокасовым* в 1873 г.). На поверхности кургана немцами проведено несколько траншей.

В Вышгороде (в 18 км на север от Киева), на территории княжеского города X—XIII вв., где с 1934 г. производились археологические раскопки, экспедиция установила, что немецкими войсками по поверхности городища прорыт целый ряд траншей, которые значительно разрушили древние наслоения.

Кроме того, Киевская и Черниговская экспедиции осмотрели архитектурные сооружения г. Киева.

VII. Смоленская экспедиция — *А. В. Арциховский* (руководитель), *М. Г. Рабинович* и аспирант *А. Л. Монгайт*. Экспедиция осмотрела курганы и городища близ села и ст. Гнездово, Смоленской обл. До войны гнездовский комплекс памятников был объявлен государственным заповедником. Немцы организовали в центре главной

группы курганов выжиг известняка, устроив карьер и поставив специальные печи; при этом уничтожено около 20 курганов. На вершине самого большого кургана немцы устроили зенитную установку и землянку (до 3 м глубиной). Городище повреждено окопами.

VIII. Калининская экспедиция, С. А. Тараканова (руководитель), докторант И. И. Никишин, М. И. Рухлин. Совместно с музеем г. Калинина и Калининским государственным педагогическим институтом обследовано славянское городище у с. Городня (см. КС ИИМК, настоящий выпуск).

С. А. Тарханова

ИНСТИТУТ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

им. Н. Я. МАРРА в 1945 г.

(Работа секторов)

Сектор первобытной археологии (Москва, Зав. С. В. Киселев). Одной из важнейших проблем сектора является разработка «Хронологизации первобытных культур на территории СССР», причем главное внимание было уделено выяснению древних культур, их внутренней структуры и внешних связей, их хронологизации и синхронизации.

Данная проблема и определила научно-исследовательскую тематику отдельных сотрудников сектора. Были разработаны темы и прочитаны доклады: 1) М. В. Воеводского «Поздний палеолит Десны»; 2) его же — «Ранний палеолит на русской равнине»; 3) М. Е. Фосс — «О датировке северного неолита по данным естественных дисциплин»; 4) ее же — «Основы хронологии северного неолита европейской части СССР»; 5) А. Я. Брюсова — «Окский неолит (Рязанская, Волосовская и Балахнинская культуры)»; 6) О. А. Граковой «Фатьяновская культура»; 7) Т. С. Пассек — «К вопросу о средне-днепровской культуре»; 8) ее же — «Раннее Триполье».

Кроме того, сектором разработаны темы: 1) «Датировка акинака из Луговского могильника» (А. В. Збруева); 2) «Пустая Морквашка» (она же); 3) «К вопросу о типологии западно-сибирских кельтов» (В. Н. Чернецова); 4) «Джафарханский могильник в Муганской степи» (Т. С. Пассек); 5) «Гладеновское костыще» (А. П. Смирнов); 6) «Земледелие и скотоводство ямно-катакомбной и срубной культур» (И. И. Никишин); 7) «Наскальное изображение Урала» (В. Н. Чернецов) и др.

В 1945 году сектор провел 28 заседаний, из которых 25 было посвящено обсуждению научных докладов. В числе прочих докладов были заслушаны: 1) Л. Савицкого (польского археолога) «О современном состоянии археологии в Польше и ее перспективах» и «О методах исследования палеолитических стоянок в Польше»; 2) А. П. Краснова (Сочинский музей) «Микролитическая стоянка на реке Мзымте близ Сочи»; 3) В. А. Сафронова (Дзержинский музей Горьковской области) «Об археологическом обследовании южной части Балахнинской низины».

Сектор палеолита и неолита (Ленинград, Зав. П. П. Ефименко). Особенностью работы сектора в 1945 году была территориальная разобщенность его сотрудников. Только в середине года, по эвакуации Елабужской группы, произошло объединение личного состава сектора. Сектор провел 5 заседаний.

По одной из основных тем сектора — серии «Очерков по истории первобытного человечества» значительная работа проведена С. А. Семеновым. Им закончена подготовка к печати первой части этой серии, посвященной первобытной истории Южной и Восточной Азии, включая Китай, Индо-Китай, Индонезию в Индию, а также Австралию и Океанию.

Кроме того, были разработаны темы и прочитаны доклады: 1) П. П. Ефименко «Происхождение ананьинской культуры»; 2) С. И. Руденко «Искусство алтайских скифов»; 3) С. Н. Замятнина «Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите лесной полосы европейской части СССР»; 4) С. Н. Бибикина — «О некоторых приемах полевой документации»; 5) В. А. Петрова «Растительные остатки ранне-трипольского времени»; 6) его же «Инструкции для сбора и фиксации древних растительных остатков».

Большая работа проведена сотрудником сектора А. П. Окладниковым. Кроме полевых археологических исследований, им подготовлен и сдан в печать II выпуск «Отчетов Ленской историко-археологической экспедиции, содержащий описание памятников неолита бронзы и железного века на Нижней Лене».

Сектор бронзы и раннего железа (Ленинград, Зав. М. И. Артамонов). Вследствие эвакуации, а также постепенного восстановления в штате ИИМК некоторых бывших его сотрудников, регулярная работа сектора началась только с осени 1945 г. Проведено 5 заседаний с обсуждением научных докладов. Среди них следует отметить доклад М. И. Артамонова «Этнография Скифии», А. Н. Бернштама — «Памятники эпохи бронзы на территории Киргизской ССР», М. П. Грязнова — «Майзмирский этап в эпоху ранних кочевников на Алтае» и другие.

К числу основных работ сектора принадлежит тема М. И. Артамонова «Роль скифов в этногенезе славян», составляющая часть его исследования «Происхождение и древнейшая история славян по археологическим данным». Им же написаны статьи: «О землевладении и земледельческом празднике у скифов», «Третий Разменный курган у станицы Костромской». Солидным вкладом в археологическую науку следует признать объемистый труд М. П. Грязнова — «Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае», успешно защищенный им на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Крупнейшие по своему значению археологические работы в Армении Б. Б. Пиотровского (раскопки на холме Кармир-блур) сочетались с обработкой материала из раскопок 1936—1938 гг. Шенгавитского поселения и холма Кюль-тапе. Им написан очерк «Энеолит Закавказья» и сделан доклад на тему: «Происхождение армян». Опубликованный в 1944 г. труд Б. Б. Пиотровского «Урарту» удостоен Сталинской премии.

Сектор античной археологии. (Москва. Зав. В. Д. Блаватский). Одним из основных вопросов, над которым работал сектор в 1945 году, являлось изучение античного города. Оно было связано с новой планировкой и восстановлением городов, пострадавших от фашистской оккупации. Археологические работы, проведенные в Керчи в 1945 году, явились одним из важнейших моментов в разрешении данной проблемы. Кроме того, сектором была разработана археологическая топография Керчи с составлением карты (В. Д. Блаватский, В. И. Мошинская, Г. А. Цветаева). Эта работа является руководящим материалом, как для археологических исследований Керчи, так и для планирующих организаций при новой застройке города.

Проблема археологического изучения скифской культуры была второй важнейшей задачей сектора. Особое значение имело исследование скифских городищ, не привлекавших внимания археологов в дореволюционное время. Раскопки городища Неаполис в Крыму, выполненные П. Н. Шульц, и исследование скифских курганов, произведенное Б. Н. Граковым, дали богатый материал для изучения поставленной проблемы.

Сектор провел 18 заседаний, на которых были заслушаны научные доклады. Среди них следует отметить: доклады В. Д. Блаватского «О развитии греческого храма» и «Проблемы раскопок античных некрополей»; М. М. Кобылиной — «Боспорский статуйный портрет» и «Аттическая скульптура в VII веке до н. э.»; П. Н. Шульца — «Урна-пеплохранительница Цезаря Пизона»; В. В. Павлова — «Резной сосуд из слоновьей кости в собрании ГМИИ»; И. Т. Кругликовой — «Материальная культура туземного дакийского населения».

Сектор античного Причерноморья. (Ленинград. Зав. С. И. Ковалев).

Работа сектора проходила по трем основным разделам: 1) Материальная культура античного Боспора, 2) Античная культура Северного Причерноморья, 3) Проблемы античной культуры в Средней Азии.

По реэвакуации сотрудников сектора в Ленинград, основное внимание было обращено на завершение работ по Боспору, прерванных войной. Проведена большая работа по подготовке к печати очередного тома «Материалов и исследований по археологии СССР», посвященного археологическим памятникам Боспора (Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич, А. В. Шмидт, М. А. Наливкина).

Большое внимание также было уделено окончанию коллективного труда «Античная культура Северного Причерноморья», подготовленного в основных своих частях в 1940—1941 гг. под руководством покойного академика С. А. Жебелева. М. И. Максимова работала над монографией «Амис». Т. Н. Книпович — над большим исследованием «Танаис».

Тематика по античной культуре Средней Азии была связана в основном с обработкой богатейших материалов Фархадской археологической экспедиции ИИМК 1943—1944 гг.

В результате разработаны темы и прочитаны доклады: В. Ф. Гайдукевич — «Итоги работ Фархадской археологической экспедиции» и «Керамика античного периода по раскопкам Мунчак-тепе». Т. Н. Книпович «О керамике Каунчи-тепе и Согда».

Сектором было создано 21 заседание, из которых 15 посвящены обсуждению научных докладов. Среди них следует отметить доклады: 1) С. И. Капошиной — «Влияние греческой мифологии на религиозные предания скифов», «Храмы и святилища в Северном Причерноморье», 2) А. Н. Карасева — «К вопросу о существовании в Ольвии древних рвов и валов», 3) М. И. Максимова — «Древний Амис», 4) Т. Н. Книпович — «Керамика доарабского времени из поселений Средней Азии», 5) Е. Г. Кастаньян — «Черты синкретизма в культах Боспорского царства доримской эпохи», 6) А. П. Ивановой — «О состоянии археологических памятников в Керчи и окрестностях» и др.

Сектор славяно-русской археологии (Москва. Зав.—академик Б. Д. Греков; зам. зав. Н. Н. Воронин). Важнейшей проблемой сектора являлось археологическое изучение древне-русских городов в связи с новой планировкой и восстановлением городов, пострадавших от фашистской оккупации. Над разрешением этой проблемы работали сотрудники не только данного сектора, но и сектора древней Руси при ЛОИИМК. В осуществление поставленной задачи проведены полевые археологические исследования: 1) В Киеве (М. К. Каргер), 2) Переяславле Хмельницком (Б. А. Рыбаков), 3) Старой Ладого (В. И. Равдоникас), 4) Псков (С. А. Тараканова), 5) Новгороде (М. К. Каргер и Г. Б. Федоров), 6) Городне на Волге (С. А. Тараканова),

7) Старой Рязани (А. Л. Монгайт),
8) Владимире (Н. Н. Воронин). Собранный богатый и разнообразный материал, характеризующий культуру и историю возникновения древнерусского города.

Другой важнейшей проблемой, стоявшей перед сектором, являлось изучение древнейшей истории Москвы в связи с предстоящим ее 800-летним юбилеем (А. В. Арциховский).

Проведены археологические раскопки подмосковных курганов и написана глава «Древнейшая история Москвы по археологическим данным» для первого тома «Истории Москвы», подготовляемого Институтом истории АН СССР.

Проведена значительная работа по изучению памятников культуры прибалтийских народов (Ф. Д. Гуревич).

Сектор провел 25 заседаний с обсуждением научных докладов. Среди них следует отметить: А. П. Смирнова — «Славяне на Нижней Волге» и «Археологические памятники Башкирии в болгарскую и татарскую эпоху», Б. А. Рыбакова — «Из истории сфрагистики XI—XIII вв.», Н. Н. Воронина — «Оборонительная система и крепостные сооружения Руси в XIII—XV вв.» и «Поселения и жилища XIII—XV вв.», А. В. Арциховского — «Древнерусские лыжи» и «К вопросу о древних гербах», В. Д. Блаватского — «Древняя Греция и Русь», Ф. Д. Гуревич — «Каменные могилы Литвы» и «Трупосожжение в Литве», П. Д. Степанова — «Археологические разведки в Мордовии», Е. И. Горюновой — «Мордовское селище Полянки XIV в.».

Сектор Древней Руси. (Ленинград. И. о. зав. М. А. Тиханова). Решение проблемы этногенеза восточного славянства является основной задачей сектора. Из выполненных работ следует отметить исследование М. И. Артамонова «Происхождение и древнейшая история славян по археологическим данным».

Проводилась работа (переходящая на 1946 год) по темам: «Археологическая карта нижнего Дуная в первые века нашей эры» (М. А. Тиханова) и «Исследование южных и юго-восточных границ восточных славян в VIII—X вв. между Днепром и Доном» (И. И. Ляпушкин).

В секторе состоялись 11 заседаний. Были обсуждены доклады: М. К. Каргера «Интерьер древнерусского храма», А. В. Дмитриевской «К датировке русских курганов», И. И. Ляпушкина «Датировка романских городищ», Л. А. Динцес «Языческие храмы древней Руси в свете памятников народного искусства», А. Л. Яковсона «Из истории армянского зодчества XIII в.» и др.

Сектор Средней и Центральной Азии (Ленинград. Зав. А. Ю. Якубовский). Вследствие реэвакуации нормальная работа сектора развернулась только с осени 1945 года.

Одной из проблем являлась разработка темы А. Ю. Якубовского «Сношения Средней Азии с Поволжьем и древней Русью». (Тема эта была включена в общеакадемический план). Завершенное в 1945 году исследование посвящено слабо освещенному в научной литературе вопросу о культурных связях среднеазиатских государств с Поволжьем и древней Русью до татаро-монгольского нашествия.

Второй проблемой, разрабатываемой сотрудником Московской части Института С. П. Толстовым было изучение «Культуры древнего Хорезма». Большая работа проведена С. П. Толстовым в области полевых археологических исследований.

Третьей проблемой являлось изучение «Археологии Северного Приитальянья» (А. Н. Бернштам). В истекшем году производилась обработка материалов археологической экспедиции 1941 г. на трассе Большого Чуйского канала. Написаны главы: бронза, ранние кочевники, Тохарско-Согдийский, Карлукский, Карахинидский и Монголо-тимуридский периоды.

Сектор провел 8 заседаний, на которых обсуждались доклады: А. Ю. Якубовского — «Культурные связи Средней Азии и древней Руси в X—XI вв.», А. Н. Бернштама — «Новый тип тюргенских монет и образ Сасанидского царя в Сукулукской терракоте» и «Археология Тянь-Шаня и Алая по материалам экспедиции 1944—1945 гг.»; В. А. Крачковской — «История изучения арабской эпиграфики в России в 1-ой половине XIX в.», М. М. Дьяконова — «Библиографический обзор литературы в Самарканде»; А. М. Беленицкого — «Организация обороны городских стен в эпоху Тимура»; Г. А. Пугаченковой — «Керамика Самарканда эпохи Тимура и Тимуридов».

Сектор вспомогательных дисциплин (Москва. Зав. Б. Н. Граков). Важнейшей работой сектора являлось завершение работы по III тому «Inscriptio Pontis Euxini» (Б. Н. Граков). Всего около 23.000 греческих надписей, главным образом, по греческим тарам. Подготовка и опубликование настоящего труда будет иметь большое значение для международной науки в области антиковедения (организация торговли, производства и др.).

Сектором проведена большая работа по разработке вопросов древнерусской геральдики. Разработаны темы: «Герб, как исторический источник» (В. К. Лукомский), «Происхождение русских городских гербов» (А. В. Арциховский).

Сектор созвал 8 заседаний с докладами: С. П. Кондратьева «О переводе Фаст Овидия» и «О переводе Птоломея и его источниках»; Е. М. Штаерман — «Обзор латинских надписей из восточных римских провинций» и «Этнический и социальный состав войск Придунайского лимеса по фундаментальным данным» и др.

СОКРАЩЕНИЯ

- AJA — American Journal of Archaeology.
AM — Archeologische Mitteilungen.
AZ — Archeologische Zeitung.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГМИИ — Государственный музей изящных искусств им. А. С. Пушкина.
ГИМ — Государственный исторический музей.
Древности — ТМАО. Древности. Труды Московского археологического общества.
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
JHS — Journal of Hellenic Studies.
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
ИИМК — Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.
КС ИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК.
МАР — Материалы по археологии России, изд. Археологической комиссией.
МАК — Материалы по археологии Кавказа, изд. Московским археологическим обществом.
M u. Z — Malerei und Zeichnung der Griechen.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
Проблемы — Проблемы истории докапиталистических обществ, изд. ГАИМК.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РГО — Русское географическое общество. Сов. арх. — Советская археология.
ТОВ — Труды Отделения Востока Эрмитажа.
ХВ — Христианский восток, изд. Академией Наук.
JDI — Jahrbuch Deutschen Archäolog. Instituts.
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Н. Я. Марр.</i> Древности Ширака	3
<i>М. Е. Фосс.</i> Стоянка на оз. Лача у устья р. Кинемы . . .	14
<i>А. П. Окладников.</i> Писаницы около пос. Свирского [на Ангаре .	22
<i>П. П. Хороших.</i> Писаницы Алтая	26
Г. П. Сосновский О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя (Забайкалье)	35
<i>А. П. Смирнов.</i> Новый сасанидский золотой сосуд из Молотовской области	40
<i>А. Н. Бернштам.</i> Буддийская терракота из Сукулука .	49
<i>М. М. Кобылина.</i> Краснофигурная пелика Ялтинского музея	53
<i>А. Л. Монгайт.</i> Рязанские гирьки	61
<i>Н. П. Сычев.</i> К вопросу о болгарских сфероконических сосудах	70
<i>Я. В. Станкевич.</i> Хронологическая классификация погребений юго-восточного Приладожья . . .	74
<i>Н. Н. Воронин.</i> Боголюбовский саркофаг (К вопросу о княжеских погребениях XII—XIV вв.) . . .	78
<i>М. А. Ильин.</i> Из истории гражданского зодчества ранней Москвы (Старая трапезная Троице-Сергиева монастыря 1469 г.) .	84

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. Ф. Гайдукевич.</i> Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.	92
<i>С. А. Тараканова.</i> Археологические работы в Городне на Волге в 1944 г.	110
<i>И. И. Никишин.</i> Наральник из городища Городня на Волге .	115
<i>Л. В. Черепнин</i> В. К. Лукомский 1882—1946	120

III. ИНФОРМАЦИЯ

<i>А. К. Тахтаи.</i> Археологические открытия в Херсонесе в 1942—1944 гг.	122
<i>М. А. Наливкина.</i> Античный Коринф в свете новейших археологических исследований (Обзор последних изданий, посвященных Коринфу)	132
<i>М. В. Сузин.</i> Бронзовый барельеф XIII—XIV вв. .	142

IV. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Г. Ф. Дебец.</i> К вопросу о влиянии искусственной деформации на головной указатель	144
--	-----

Е. В. Ернштедт	В. Д. Блаватский — «Греческая скульптура» .	146
В. А. Крачковская.	В. А. Гордлевский — «Государство сельджукидов в Малой Азии».	148

V. Х Р О Н И К А

С. А. Тараканова.	Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1944 г.	151
А.	Работа секторов и групп .	152
1.	Московская часть	152
2.	Ленинградская часть	159
Б.	Обследование археологических памятников	162
С. А. Тараканова.	Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1945 г. Сокращения	168

---

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор *С. Т. Попова*
Технический редактор *О. В. Зальцкина*

РИСО АН СССР № 2302. А—04638. Издат. № 696
Тип. заказ № 869. Под. к печ. 17/III 1947 г.
Формат бум. 70×108^{1/16}. Печ. л. 10^{9/16}. Уч.-издат. 17,5
Тираж 3500

*

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.
Цена 14 руб.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
4	20 св.	<i>Φωγιν Ζωδωρηγ</i>	<i>φωγιν Ζωδωρηγ</i>
35	4 св.	Т. П. Сосновский	Г. П. Сосновский
53	13 св.	критофигурной	краснофигурной
116	3 св.	И. И. Ляпушника	И. И. Ляпушкина
142	7 св.	30.0 см.	3.0 см.
165	8 св.	Тарханова	Тараканова
165	9 св.	институт материальной культуры	институт истории материальной культуры
168	6—7 св.	исрин	истории

Зак. 869